Изъ книгъ Графа С.Д. Шереметева I.

N. ШК. CCIV П. 5/12

СИМЕОНЪ ПОЛОЦКІЙ,

КАКЪ ПРОПОВѢДНИКЪ.

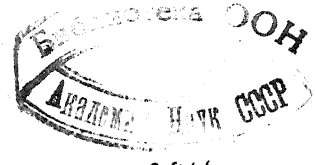
ИЗСЛѢДОВАНІЕ

В. ПОПОВА.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа
Арбатъ. домъ Платонова.
1886.

Отъ Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ печатать дозволяется. Москва, 25-го Февраля 1886 года.

Цензоръ протоіерей *Михаилъ Боголюбскій*.

394
37

Настоящій трудъ составленъ много лѣтъ назадъ. Нынѣ явилась возможность его издать, — и авторъ дѣлаетъ это въ предположеніи, что изслѣдованіе его, представляющее самый полный анализъ проповѣдей Симеона Полоцкаго, можетъ пригодиться спеціалисту гомилетической литературы.

Симеонъ Полоцкій, какъ проповѣдникъ.

Біографическія свѣдѣнія о Симеонѣ Полоцкомъ. — Надгробная эпитафія. — Домосковская жизнь Полоцкаго. — Дѣятельность его въ Москвѣ, какъ педагога, литератора и проповѣдника. — Отношеніе къ нему царей, патріарха, духовенства и общества. — Оцѣнка его умственнаго склада и нравственнаго характера. — Сборники проповѣдей Симеона. — Ихъ названіе. — Количество заключающихся въ нихъ проповѣдей и общее ихъ содержаніе. — Время ихъ изданія. — Изображенія, украшающія сборники. — Три проповѣди, изданныя отдѣльно. — Взглядъ Полоцкаго на свои проповѣди. — Способъ и задачи ихъ разсмотрѣнія.

Въ нижней церкви Московскаго Заиконоспасскаго монастыря (на стѣнѣ, у среднихъ дверей трапезы) находится слѣдующая надпись надъ гробомъ Симеона Полоцкаго: „лѣта 7188 (1680) Августа въ 25 день преставился іеромонахъ честный Симеонъ Петровскій Ситіановичъ Полоцкій житія своего 51 лѣта въ 9-й мѣсяцъ.

Зряй человѣче! сей гробъ, сердцемъ умилися,
О смерти учителя славна прослезися.
Учитель бо здѣ токмо единъ таковъ бывый,
Богословъ правый, церкве догматамъ учивый,
Мужъ благовѣрный, церкви и царству потребный,
Проповѣдію слова народу полезный,
Симеонъ Петровскій отъ всѣхъ вѣрныхъ любимый,
За смиреномудріе преудивляемый,
Имъ же польза вѣрные люди услаждала,
Незлобіе же, тихость, кротость удивляла,
Въ немъ же вѣра, надежда, любы пребываше,
Молитва, милостыня, постъ ся водворяше.
Мудрость съ правдою имъ бысть дѣломъ храненна,
Мѣрность же и мужество опасно блюденна,
Многими дары Богомъ бѣ одаренный,
Непамятозлобіемъ весьма удивленный,
Іеромонахъ честный, чистоты любитель,

Воздержанія въ словѣ и дѣлѣ хранитель.
Ни о чесомъ же иномъ оный промышляше,
Но еже Церковь нашу мать увеселяше.
Не хотя ино божій рабъ что глаголати,
Токмо что пользу можетъ ближнимъ созидати.
Ничего же ина творити любяше,
Точію, еже Богу непротивно бяше,
Иже труды си, многи книги написалъ есть,
И подъ разсужденіе церковное далъ есть;
Съ Церковію бо хотя согласенъ онъ быти,
И ничтоже противно Церкве мудрствовати;
Ибо тыя поборникъ и сынъ вѣрный бяше,
Ученіемъ правымъ то міру показаше.
Въ защищеніе Церкве книгу Жезлъ создалъ есть,
Въ ея же пользу Вѣнецъ и Обѣдъ издалъ есть,
Вечерю, псалтырь, стихи съ риѳмословіемъ,
Вертоградъ многоцѣнный съ бесѣдословіемъ.
Вся оны книги мудрый онъ мужъ сотворивый,
Въ наученіе роду Россійскому явивый:
Обаче и сего смерть отъ насъ похитила,
Церковь и царство пользы велія лишила.
Его же пользы нынѣ людіе лишенны,
Зри сего во гробѣ семъ кости положенны.
Душу же вручилъ въ руцѣ Богу всемогущу,
Иже благоволилъ ю дати, вездѣ сущу,
Да пріиметъ ю, яко свое созданіе,
И исполнитъ вѣчныхъ благъ его желаніе;
Тѣломъ со избранными дастъ ему востати,
И съ ними же въ деснѣй странѣ въ весельи стояти,
И внити во вѣчную небесную радость
Неизглаголанную тамо присно сладость».

Этому стихотворенію, какъ панегирику, сочиненному ученикомъ и поклонникомъ Полоцкаго Медвѣдевымъ, нельзя, конечно, довѣрять безъ провѣрки его съ другими историческими данными.

Къ несчастію, до нашего времени не сохранилось подробныхъ біографическихъ извѣстій о личности Симеона Полоцкаго. Особенно скудны свѣдѣнія о времени его жизни до пріі-

ѣзда въ Москву. Мы знаемъ только, что онъ родился въ городѣ Полоцкѣ въ 1628 году; получилъ образованіе сначала въ кіевской коллегіи, а потомъ въ заграничныхъ польскихъ академіяхъ. По окончаніи своего образованія постригся въ монашество и посвященъ въ іеромонаха.

Послѣ присоединенія Смоленска и Малороссіи къ русской державѣ, Симеонъ Полоцкій (въ 1664 г.), вмѣстѣ съ другими югозападными учеными, прибылъ въ Москву по вызову государева постельника, боярина Ртищева, — любителя духовнаго просвѣщенія [1]). Цѣль, для которой были вызваны изъ Кіева ученые и вчастности Полоцкій, состояла главнымъ образомъ „въ наученіи славяно-россійскаго народа дѣтей еллинскому наказанію“ [2]), въ обученіи русскихъ „свободнымъ наукамъ“ [3]).

Въ Москвѣ Полоцкій былъ принятъ дружелюбно царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и патріархомъ Іоасафомъ. Первый, узнавшій его, какъ человѣка ученаго, еще въ Полоцкѣ, во время своего похода на Лифляндію, поручилъ ему воспитаніе своего старшаго сына Ѳеодора. — О характерѣ или главномъ мотивѣ, котораго держался Полоцкій при воспитаніи и образованіи царевича, мы можемъ судить на основаніи собственныхъ словъ его. Въ „наставленіи царю Алексѣю Михайловичу“ [4]) спрашивая: „что есть грамота или ученіе“, отвѣчаетъ: „грамота изобрѣтена для существа, мыслію и словомъ одареннаго. Въ ней заключается умъ и пріятныя искусства. Человѣкъ получилъ отъ Бога самовластіе ума: произволу его предстоятъ жизнь и смерть, т. е. просвѣщеніе и невѣжество. Просвѣщеніе ведетъ къ добродѣтели, невѣжество къ злобѣ“. „Поучая такимъ образомъ порфиророднаго питомца, говоритъ біографъ Ртищева, Полоцкій повторялъ слова Сократовы, который называлъ невѣжество душевною болѣзнію. Но Полоцкій не говорилъ: „я только то знаю, что ничего не знаю“. Онъ былъ увѣренъ, что, служа отечеству и человѣчеству, мы угождаемъ Божеству и что все то, что можетъ наставить человѣка въ дѣ-

[1]) Русскій Вѣстникъ, 1809 г., Апрѣль, см. о Ѳ. Михайл. Ртищевѣ. О немъ же въ XVIII т. Р. Вивліофики.

[2]) Рукоп. собр. сочин. Епиф. Славинецк., принадлеж. библіотекѣ Кіево-Печерской Лавры. Труды К. Д. Ак. 1861, августъ и окт.

[3]) Росс. Вивл. ч. VI, стр. 404, ч. XVIII, 401.

[4]) Русскій Вѣстникъ, 1809, IV т.

лахъ, полезныхъ обществу, все то есть знаніе благотворное для вождей и благодѣтелей народа“ [1]).

Такимъ образомъ, желаніе сдѣлать изъ своего питомца добраго христіанина и просвѣщеннаго государственнаго дѣятеля — вотъ цѣль, вотъ принципъ, которымъ одушевленъ былъ воспитатель царя Ѳеодора Алексѣевича. Фактическимъ подтвержденіемъ добросовѣстности его въ достиженіи этой цѣли служитъ то вліяніе, какое онъ имѣлъ на своего воспитанника и та дѣятельность въ пользу церкви и государства, каковая украшаетъ брата великаго преобразователя.

При этомъ педагогическомъ частномъ дѣлѣ, имѣвшемъ однако же прямое отношеніе къ пользѣ цѣлаго государства, Полоцкій является и на общественномъ поприщѣ. Почти тотчасъ же по пріѣздѣ въ Москву, онъ выступаетъ здѣсь въ качествѣ даровитаго литературнаго дѣятеля. Эта дѣятельность его, начавшись „Жезломъ правленія“, написаннымъ противъ раскольниковъ и изданнымъ отъ лица патріаршаго собора, продолжалась во все время его шестнадцатилѣтней московской жизни.

Изъ богословскихъ трудовъ его замѣчательны: „Вѣнецъ вѣры“ — первая догматическая система на сѣверѣ Руси и „Книга краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ катихизическихъ“ [2]).

При этой учено-богословской дѣятельности, Полоцкій является въ Москвѣ, какъ писатель-поэтъ. Онъ сочиняетъ назидательно-увеселительныя комедіи, и, такимъ образомъ, переноситъ уже давно извѣстное въ Западной Европѣ драматическое искусство на сѣверно-русскую почву. Его комедіи, причисляемыя къ категоріи средневѣковыхъ мистерій и написанныя силлабическими стихами (комедія о Блудномъ сынѣ и Навуходоносорѣ) и прозой (о Навуходоносорѣ и Олоферне [3]), давались при дворѣ царскомъ, въ покояхъ царевны Софьи. Въ то же время въ риѳмованной псалтыри, Вертоградѣ, элегіяхъ и другихъ, написанныхъ по разнымъ обстоятельствамъ, стихотвореніяхъ, звучитъ тоскливая лира Полоцкаго.

Затѣмъ, пользуясь огромнымъ довѣріемъ царей (Алексѣя и Ѳеодора), Полоцкій вліяетъ на ходъ церковно-администра-

[1]) Русскій Вѣстникъ, 1809, апрѣль.

[2]) То и другое сочиненія хранятся въ рукописяхъ.

[3]) Древн. Росс. Вивл., VIII.

тивной жизни. Такъ, по его указанію введено „новое согласіе пѣнія“, а „греческое демественное“ оставлено [1]); не безъ его вліянія открыта была въ Москвѣ греческая школа, въ которой онъ, вѣроятно, былъ преподавателемъ. Совѣтуя Ѳеодору Алексѣевичу обратить ее въ высшее училище и переименовать въ Академію, Полоцкій написалъ для предполагаемой Академіи уставъ, состоящій изъ 15 правилъ. Въ началѣ этого устава излагаются мысли о необходимости и пользѣ мудрости „въ вещѣхъ гражданскихъ и духовныхъ“. Въ составъ наукъ входятъ: богословіе созерцательное, „учащее вещей божественныхъ“ и дѣятельное, „учащее совѣсти очищеніе“, грамматика, реторика, діалектика, „философія разумительная“ (умозрительная), „естественная“ (физика), „нравная“, ученіе правосудія духовнаго и мірскаго (законовѣдѣніе) и другія „свободныя науки“; изъ языковъ иностр.: польскій, греческій, латинскій и словенскій. Къ ученію допускается всякій желающій, но къ учительству только извѣстный своимъ правомыслiемъ. Всѣ правила устава направлены къ сохраненію въ наукѣ православнаго элемента: съ этою цѣлію запрещается, напримѣръ, чтеніе еретическихъ сочиненій въ Академіи и повелѣвается сожигать ихъ [2]).

Но преимущественною дѣятельностію Полоцкаго было проповѣданіе. Чтобы вполнѣ оцѣнить его значеніе въ этомъ отношеніи, необходимо вспомнить, что живой голосъ учащаго пастыря на сѣверѣ Руси замолкъ еще со времени митр. Фотія. Полоцкій, вмѣстѣ съ Славинецкимъ, возобновляетъ въ Москвѣ живое проповѣдное слово [3]).

Будучи непосредственнымъ продуктомъ необразованности духовенства, отсутствіе живой проповѣди поддерживалось духовными, и увеличивало всеобщее невѣжество. Русскіе, по заявленію иностранцевъ, не только не замѣчали этого недостатка,

---

[1]) Исторія россійская, Татищева, 1 ч., 573 стр.

[2]) Этотъ уставъ, написанный по формѣ отъ лица царя и съ обозначеніемъ даже времени написанія (1682, въ день Индикта), не былъ утвержденъ за смертію царя; но потомъ онъ поднесенъ былъ Медвѣдевымъ со стихами царевнѣ Софьѣ. Др. Р. Вивл., ч. VI, стр. 390, см.: «врученіе благовѣрной и христолюбивой великой Государынѣ, премудрой царевнѣ, милосердной Софіи Алексѣевнѣ, привиллегіи на Академію въ лѣто отъ созданія міра 7193, а отъ воплощ. Бога Слова 1685, мѣсяца Іануарія, въ 21 день.»

[3]) Ист. Р. слов. Галахова, т. I, стр. 379, изд. 2.

а. напротивъ, на живое, самостоятельное проповѣдное слово смотрѣли, какъ на причину ересей и расколовъ, запрещали и преслѣдовали его [1]). Это зло обратило на себя вниманіе Полоцкаго. По его совѣту, Алексѣй Михайловичъ „повелѣлъ сказывать въ церквахъ поученія“ [2]), а своимъ примѣромъ Полоцкій возсоздалъ живое пастырское слово, говоря поученія въ разныхъ церквахъ Москвы и окрестностяхъ города [3]). Доказательствомъ ревности и аккуратности его въ проповѣданіи могутъ служить слѣдующія слова Медвѣдева, писанныя Полоцкому въ 1676 году: „поученія недѣльныя и праздничныя (слѣдовательно проповѣди, помѣщенныя, какъ увидимъ ниже, въ „Обѣдѣ“ и „Вечери“) скончалъ еси и оныя началъ еси читати въ церкви, имѣюще намѣреніе въ кійждо недѣлю и во всякій праздникъ народу прочитати“ [4]).

Такая всесторонняя дѣятельность Полоцкаго въ Москвѣ была щедро оплачиваема со стороны царя тѣми матеріальными субсидіями, о которыхъ мы знаемъ изъ писемъ Полоцкаго къ Алексѣю Михайловичу. Они интересны и по внѣшней формѣ и по содержанію. Каждое письмо (ихъ числомъ 10) обыкновенно начинается такимъ образомъ: „Царю Государю и Великому князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу: бьетъ челомъ присный твой Государевъ богомолецъ іеромонахъ Сѵмеонъ Полоцкій“, а заканчивается: „Царь Государь смилуйся пожалуй“. Изъ нихъ мы узнаемъ, что Полоцкій „по милости Государевой живетъ въ Москвѣ, въ обители всемилостиваго Спаса, что за иконнымъ рядомъ“ и пожалованъ отъ великаго государя, вмѣстѣ

---

[1]) Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностр. писат. XV и XVI вв., стр. 91.

[2]) Исторія Россійская, Татищева, ч. 1, 573 стр.

[3]) Въ рукописномъ сборникѣ „Вечери“ при нѣкоторыхъ проповѣдяхъ находятся указанія на мѣсто ихъ произнесенія. Напр. послѣ слова въ день явленія Каз. иконы Б. Матери написано: mowione (сказано) wcerkwi s. Ducha za Preczijstenskimi vroti; послѣ 3-го слова на день Нерукотв. образа: mowione na Moskwie u s. nerukotworennaho obrasa za ikonnym riadom; въ концѣ слова на Рожд. Б.: mowione w monastyrze Spascom; подъ словомъ 1-мъ въ день перенесенія Нерук. обр.: mowiolem (сказалъ) w Kiiowie (Кіови—сельцѣ Моск. уѣзда); послѣ слова «на посѣщеніи храма» Покрова Пр. Б.: mowilem w Bratcowie (Братцевѣ, — Москов уѣзда). Описаніе слав. рукописей, отд. 2, стр. 212.

[4]) Обзоръ русск. духовн. литер., Филарета, 1 т., 349 стр.

со своими людьми („тремя человѣки“), „кормомъ и питіемъ“ изъ дворца, дровами изъ царскаго дровянаго завода, лошадинымъ кормомъ, сѣномъ изъ коломенскихъ луговъ, овсомъ изъ двора житнаго, погребомъ въ городской стѣнѣ для храненія вещей и жалованьемъ по 5 алтынъ на день „изъ большого приходу“. — Въ однихъ письмахъ (2, 3, 5, 6) онъ жалуется на то, что ему перестали выдавать показанное обезпеченіе, или на то, что оно оскудѣло (8 письмо) и обыкновенно проситъ „жалованье и кормъ и питіе давать ему и челяди его по прежнему“. Въ другихъ указываетъ на особенныя хозяйственныя нужды, наприм. на то, что у погреба нѣтъ дверей желѣзныхъ и „для того отъ пожаровъ не защитно и страшно“, на то, что въ его монастырѣ сгорѣла церковь Спаса и портятся своды отъ великихъ дождей, на престолъ и на жертвенникъ вода течетъ, а „направити и покрыти нѣтъ чимъ“ (4). Въ одномъ письмѣ (7-мъ) проситъ дать выѣхавшему изъ литовской земли единоутробному его брату Іоанну Емельянову и рѣшившемуся принять монашество „на иноческія одѣянія“, а въ другомъ письмѣ (9-мъ), составленномъ, конечно, Полоцкимъ, этотъ холопъ, иноземецъ Ивашко Емельяновъ, проситъ о пропитаніи. — Не стѣсняется, наконецъ, указывать на царскую неблагодарность. Напоминая (въ 10 пис.) Государю о томъ, что написалъ послѣ смерти царицы Маріи Ильиничны въ похвалу святаго житія ея „книжицу хитростію піитическаго ученія и вручилъ ему“, говоритъ, что отъ Государя за то ничѣмъ не пожалованъ. Сказавши, что, по поводу бракосочетанія царскаго съ Натальей Кириловной, царь жаловалъ щедрымъ даяніемъ мірскихъ и духовныхъ людей, а онъ не пожалованъ ничѣмъ и живетъ въ скудости, пишетъ: „пожалуй мене богомольца своего за тыя моея книжицы художное написаніе и ради всемірныя радости отъ твоего царскаго Богомъ сочетаннаго супружества, во всѣхъ православныхъ сердца изливаемыя, во вспоможеніе моея скудости, что тебѣ Господь Богъ извѣститъ о мнѣ. Царь Государь смилуйся пожалуй“ [1]).

Такое денежное и хозяйственное обезпеченіе, такого рода жалобныя (обычныя въ то время) письма возможны были лишь

[1]) Письма эти заимствованы изъ современной рукописи и напечатаны въ В. Европы за 1828 г., сентябрь.

при томъ добромъ расположеніи, какое питалъ Алексѣй Михайловичъ къ Полоцкому. Съ такимъ же и еще большимъ расположеніемъ относился къ нему и Ѳеодоръ Алексѣевичъ, Софья Алексѣевна и придворные.

Но не таковы были отношенія къ нему московскаго духовенства и вчастности патріарха Іоакима. Его схоластическая ученость, его новаторскія стремленія пришлись не по душѣ консерваторамъ. Вотъ почему уже въ началѣ его московской дѣятельности они посмотрѣли непріязненно на пришлаго монаха; а послѣ смерти Алексѣя Михайловича, когда кіевскій ученый сталъ смѣлѣе и рѣшительнѣе, непріязнь эта увеличилась. Въ его сочиненіяхъ находили неправославныя мнѣнія, сходныя съ уніатскими и католическими. На его проповѣданіе взглянули, какъ на стремленіе ниспровергнуть существующій порядокъ вещей. Особенно не нравилось патріарху Іоакиму то, что Полоцкій не представлялъ своихъ поученій его просмотру и печаталъ ихъ безъ его согласія. Поэтому онъ запретилъ ему проповѣдать и даже, по замѣчанію митрополита Евгенія [1]), проклиналъ его.

Но Полоцкій, пользуясь царскимъ покровительствомъ, смѣло противорѣчилъ патріарху. Татищевъ передаетъ слѣдующее обстоятельство, характеризующее отношеніе Полоцкаго къ патріарху и то, какъ новы, самостоятельны и тверды были дѣйствія Сумеона: „царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, по представленію учителя своего Сумеона Полоцкаго, который съ патріархомъ Іоакимомъ великую злобу имѣлъ, умыслилъ учинить четырехъ патріарховъ, гдѣ прежде митрополиты, то архіепископовъ и епископовъ, въ папы (!?) призвать сверженнаго Никона, Іоакима патріархомъ въ Новгородѣ и проч. Іоакимъ увѣдалъ о семъ своемъ низверженіи, просилъ многихъ объ отвращеніи онаго, и, согласясь, Андрею Лызлову велѣлъ предложеніе сочинить, которое со многими обстоятельствы, показующими немалый вредъ государства, а паче оскорбленіе чести царя Алексѣя Михайловича и судившихъ Никона, чрезъ что оное отвращено, токмо Іоакимъ двѣнадцать митрополитовъ

---

[1]) Словарь историч. о бывшихъ въ Россіи писателяхъ дух. чина греко-росс. церкви, т. 2.

учинилъ и два епископа прибавилъ, а Никонъ въ Вознесенскій монастырь отвезенъ, гдѣ вскорѣ скончался“ [1]).

По смерти Полоцкаго (1682) патріархъ Іоакимъ на соборѣ московскомъ (1690) подвергъ суду и запрещенію его богословскія сочиненія: „Катихизисъ“, „Вѣнецъ вѣры“, „Обѣдъ“, „Вечерю“ и „Псалтырь“. Въ катихизисѣ Полоцкаго онъ нашелъ „суесловіе зѣло блазненно, и гнусно, и безчестно“ [2]).

О „Вѣнцѣ вѣры“ сказалъ, что онъ „сплетенъ не изъ прекрасныхъ цвѣтовъ богоносныхъ отецъ словесъ, но изъ бодливаго тернія на Западѣ прозябшаго новешства, отъ помышленій скотовыхъ, аквиновыхъ, анзельмовыхъ и тѣмъ подобныхъ еретическихъ блядословій: въ немже вѣнцѣ вложенъ нѣкій сумволъ, названный апостольскій, у латинянъ токмо проповѣдуемый“. Затѣмъ, находилъ въ Вѣнцѣ иная „басновѣданія о количествѣхъ и качествѣхъ круговъ небесныхъ, и о мѣрахъ разстоянія между ихъ, и колико число миль отъ земли до тверди и отъ центра земнаго до эмпирійскаго неба количество лѣтъ шествія человѣку: и земли о округлости и дебелости мѣру повѣдати писатель мечтая рече: кругъ оловянъ изъ эмпирійскаго небесе верженный, въ $\overline{\text{ѵ}}$ (400) лѣтъ не дойдетъ земли. Или жерновъ, глаголетъ, и изверженъ с небесе звѣзднаго, на всякѣ часѣ лѣтя по $\overline{\text{с}}$ (стд.) миль (миля по пяти верстъ) не долетитъ въ $\overline{\text{ѵк}}$ (92) лѣта. Отъ центра земнаго до эмпирійскаго небесе шествовати, полагаетъ, $\overline{\text{ѧн}}$ (50 тысячъ) лѣтъ (еже число превосходитъ всего бытія человѣковъ отъ адама до скончанія вѣка) и иная подобная симъ. И сія мѣры и число повѣдая не сказа коликими лѣты сатана низверженъ снебесе низиде въ бездну, но истинно что повѣствующему подобаетъ первѣе рещи, кто имены святыхъ о томъ писа пророковъ или апостоловъ или учителей святыхъ и духоносныхъ отецъ... Аще сіи

---

[1]) Исторія Россіи, Татищева, I ч., 573.

[2]) Но патріархъ б. несправедливъ. Вотъ его слова: «книга именуемая Катихизисъ: въ немъ же се наказуетъ, яко мужу у жены и женѣ у мужа срамныя уды по любви цѣловати беззазорно есть и безстыдно: еже у насъ православныхъ христіанъ зѣло блазненно, и гнусно, и безчестно». Поучит. слово Іоак., чит. на соборѣ, рукопись Соф. библ., № 1506. Между тѣмъ Сумеонъ Полоцкій вовсе не внушалъ такой мысли; онъ писалъ только, что «лобзаніе срамныхъ удовъ между супругами есть грѣхъ простимый, между же не супругами смертный». Книга краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ катихизическихъ, рукоп. Соф библ., № 1191.

величіи святіи (Златоустый, Василій Великій и др.) свѣтила суще и столпи церкве мѣры и величества земли не можно рещи сказують: и небо мѣру человѣческаго разума превосходитъ: и буйя сицевая писанія глаголютъ: вѣнцеписатель откуда тыя мѣры познавъ написа: никто бо святыхъ, ниже самъ Моусей зданіе все богонаученно описавый сицевыя тѣхъ мѣры сказа“ [1]). О проповѣдяхъ Полоцкаго патріархъ говорилъ, что въ нихъ „мѣстами обрѣтаются латинскія нѣкія ереси: между тѣми же ересми, и еже пресуществленіе тайны святыя Евхаристіи мнѣти токмо словесы Христовыми: и еже кланятися въ словесѣхъ оныхъ, хлѣбу и вину, яко тѣлу и крови Христовѣ... И иныя латинскія догмы: обаче прикровенно и неудобно познанно“. Наконецъ, псалтырь Полоцкаго называлъ переводомъ „съ еретическихъ книгъ“ [2]). Эти обличенія сочиненій Полоцкаго заключены потомъ въ книгу „Остенъ“ [3]).

Не смотря, однакоже, на это нерасположеніе патріарха и духовныхъ, въ обществѣ Полоцкій слылъ за „мужа, исполненнаго разумомъ просвѣщенія“. Какъ на фактъ общественнаго мнѣнія о немъ укажемъ на записанную новгородскимъ дворяниномъ Крекшинымъ (1684—1763) народную молву о томъ, будто бы онъ предсказалъ рожденіе Петра Великаго. — Наблюдая „по вся нощи звѣздное теченіе“ и предвѣщая „много какъ о Россіи, такъ и о другихъ государствахъ“, Полоцкій увидѣлъ разъ (въ ту ночь, когда „въ утробѣ государыни Натальи Кириловны зачался императоръ Петръ“) „пресвѣтлую близь Марса“ звѣзду, „позналъ“ ее и „съ начала ея явленія добрѣ усмотрѣлъ и дѣйствіи ея при морѣ съ прочими звѣздами описалъ и заченьшемуся въ утробѣ нарекъ имя: Петръ“. На другой день послѣ этого наблюденія Полоцкій явился къ Алексѣю Михайловичу и поздравилъ его съ будущимъ великимъ сыномъ, подалъ „письменное увѣреніе“ въ справедливости своего предсказанія.

---

1) Дѣйствительно, символъ читается у Полоцкаго не въ томъ буквальномъ видѣ, въ какомъ онъ извѣстенъ, напр., намъ; но латинскихъ заблужденій въ немъ нѣтъ. Что же касается «баснословѣданій», то въ «Вѣнцѣ» есть глава «о небеси и земли» (Вѣнецъ Вѣры, рукопись Соф. библ., 63 ст., № 1191-й), гдѣ сообщаются астрономическія и географическія свѣдѣнія.

2) Поучит. слово патр. Іоакима, въ сборникѣ «Бисеръ Златый», рукоп. Соф. библ., № 1506.

3) Остенъ, рук. Соф. библ., № 1202.

Дѣйствительно, Наталья Кириловна зачала... За часъ до рожденія Петра Великаго, ожидая вмѣстѣ съ царемъ благополучнаго конца, Полоцкій становится на колѣна и проситъ Бога, „чтобы еще не родился часъ. И тогда великій Государь съ гнѣвомъ рекъ: „что вредно просишь! царица уже безчувственна, почти мертвая". И тогда Полоцкій говорилъ: „о великодержавнѣйшій Государь! аще въ первомъ получасѣ родится государь царевичъ, вѣкъ его будетъ около пятидесяти лѣтъ; аще же во второмъ получасѣ, вѣкъ его около семидесяти лѣтъ и въ самый тотъ разговоръ родился Государь царевичъ" [1]). Такая молва о Симеонѣ Полоцкомъ показываетъ, что личность ученаго монаха въ воображеніи народа нарисовалась въ образѣ астролога, угадывавшаго по движенію небесныхъ свѣтилъ будущее.

Впрочемъ, современники не преувеличивали степени его образованія. Въ книгѣ „Остенъ" сравнивается ученость Полоцкаго съ ученостію Славинецкаго: „и той (Сумеонъ) учивыйся, но не толико (не бысть философъ): токмо учися яко обычай есть полякомъ и литвякомъ по-латински и по-полски: греческаго же писанія ни чтоже знаяше... егда они (Сумеонъ и Епифаній) купно случахуся, всегда и вездѣ бываше вопрошати честному Сумеону мудрѣйшаго отца Епифанія о многихъ неудоборазумѣваемыхъ вещехъ" [2]).

Дѣйствительно, читая сочиненія Полоцкаго, мы не находимъ въ нихъ отпечатка великаго ученаго ума, характеризуемаго глубиною и самобытностію мысли. Анализъ его трудовъ рисуетъ его предъ нами человѣкомъ многоначитаннымъ, хотя и не ходячей энциклопедіей [3]), человѣкомъ больше жизни, чѣмъ науки и ея замкнутой сферы — ученаго кабинета.

Что касается нравственной стороны Полоцкаго, то, на основаніи показанныхъ фактовъ, онъ представляется намъ личностію энергическою, смѣлою, самостоятельною. Самостоятельность его, доходившая даже до неподчиненія авторитету патріарха, была законна и необходима въ борьбѣ съ установившимся складомъ мысли и жизни и такими поборниками

---

[1]) Записки Крекшина въ «Запискахъ русскихъ людей» Сахарова.

[2]) Остенъ, рукоп. Соф. библ., № 1202.

[3]) Исторія Русской церкви, Знаменскаго.

стараго, какъ патріархъ Іоакимъ, считавшій астрономію ересью [1]). Впрочемъ, самъ патріархъ, обличавшій его на соборѣ (отчасти справедливо) въ неправомысліи, всетаки считалъ его человѣкомъ „ученымъ и добронравнымъ“ и, обвинивъ, сказалъ: „какою мыслію писа онъ тыя вся, отъ ревности ли каковыя, или ухищренно ко еже прелстити православныя и въ папежство ввести, совѣсть его вѣсть“ [2]).

Плодомъ преимущественной проповѣднической дѣятельности Полоцкаго были: „Обѣдъ душевный“, и „Вечеря душевная“, — два массивныхъ сборника, напоминающіе своей внѣшностію наши богослужебныя книги. Въ такомъ названіи сказывается обычай времени украшать всѣ сочиненія и въ частности сборники проповѣдей аллегорическими наименованіями: мы знаемъ, напр., „перло многоцѣнное“, „ключъ разумѣнія“, „мечъ духовный“, „огородокъ“ и т. под.

„Обѣдъ душевный“ заключаетъ въ себѣ 109 проповѣдей. Это — проповѣди „на вся дни воскресныя всего лѣта“ (на каждый воскресный день по два и даже по три слова).

Въ „Вечери“ помѣщено 78 проповѣдей „на праздники господскія, богородичны и святыхъ нарочитыхъ“ (на каждый праздникъ опять по два и болѣе слова). — Къ „Вечери“ сдѣлано „приложеніе“, содержащее 29 поученій, произнесенныхъ по частнымъ обстоятельствамъ (наприм. при погребеніи) или съ особливымъ содержаніемъ (наприм. о посѣщеніи храма, о суевѣріи).

Оба эти сборника напечатаны въ Москвѣ, въ основанной самимъ Полоцкимъ, верхней (т. е. дворцовой) типографіи. „Обѣдъ“, по замѣчанію автора, былъ „уготованъ“ еще въ 1675 г., но изданъ въ Октябрѣ 1681 г. Печатаніе „Вечери“ начато „въ 19 день Октября“ 1681 г., окончено же по смерти автора въ царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей въ 1683 г.

То и другое изданіе украшено рѣзными изображеніями. Въ „Обѣдѣ“ цѣлый листъ занятъ ими: на одной сторонѣ листа въ кружкѣ съ надписью: „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ

---

[1]) Дух. Бесѣда, 1861, № 40, 41 ст. «О просвѣщеніи при патріархѣ Іоакимѣ».

[2]) Поучит. слово Іоакима, въ сборникѣ «Лусидаріусъ или бисеръ златый», Соф. библ., № 1506.

человѣкъ“.... изображенъ столъ въ храминѣ, покрытый скатертью, а на немъ пять книгъ. На другой сторонѣ листа: въ срединѣ I. Христосъ во весь ростъ съ книгою въ лѣвой рукѣ; по бокамъ: 15 изображеній изъ священной исторіи. Въ „Вечери“ посрединѣ листа изображенъ также столъ и на немъ кромѣ книгъ крестъ; по бокамъ: 14 изображеній апостоловъ и святыхъ.

Эти изображенія, соотвѣтствующія содержанію книгъ, объясняются въ стихотворной формѣ. Изображенію въ „Обѣдѣ“ предшествуютъ длинные стихи „о недѣли, честь субботы пріемшей“. Въ нихъ говорится сначала, что „суббота ветха упразднися“ и вмѣсто нея „недѣля взаконися“, а потомъ „извѣщаются“ словомъ 15 причинъ почитанія воскреснаго дня, изображенныхъ на картинѣ. За симъ слѣдуетъ увѣщаніе почитать „недѣлю“:

«Азъ отъ всѣхъ чести Господу желаю,
Чтите недѣлю, чтите увѣщаю.
Вся дѣла міра сего оставляйте,
Въ домы божія тощно притекайте:
Еже молитвы къ Богу возсылати,
Благодарствіе Ему воздаяти...
Слову же Его уши преклоняйте
И волю Его мощно исполняйте.
То слово Его есть пища душевна»...

Эта душевная пища и предлагается авторомъ:

«Тѣхъ пищъ довольствомъ азъ вы учредити,
Желая, тщахся обѣдъ устроити
Душевный, да впредь души насытите.
Вкусовъ различныхъ въ семъ обѣдѣ пищи
Кождо по своей тѣхъ гортани ищи».

Стихи, предшествующіе изображенію въ „Вечери“, значительно меньше: въ нихъ собственно перечисляются имена изображенныхъ лицъ и только въ концѣ объясняется значеніе креста:

«Крестъ всѣхъ посредѣ, есть изображенны
Яко весь родъ нашъ на немъ искупленны,
Егда посредѣ земли водрузися
И на немъ ангецъ Божій пригвоздися.

Есть на трапезѣ, яко о немъ слово
Христу во славу въ вечери готово:
И вся вечеря яко въ Его славу,
Славя бо уды, прославляю главу».

Кромѣ двухъ большихъ сборниковъ, мы имѣемъ еще печатную книжку (въ 4-ю д. л.), содержащую въ себѣ два поученія „о благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ“ и „поученіе отъ іереовъ сущимъ подъ ними въ паствѣ ихъ, о еже пребывати имъ во всякомъ благочестіи и не пѣти бѣсовскихъ пѣсней“.... и проч. Неизвѣстно, когда издана эта книжка; можетъ быть, ранѣе „Вечери“, такъ какъ два поученія книжки (одно „о благоговѣйномъ стояніи“ и другое „отъ іереовъ“....) заключаются въ прибавленіи къ „Вечери“; но третьяго („о благоговѣйномъ же стояніи во храмѣ“) тамъ нѣтъ [1]).

Прежде, чѣмъ заняться анализомъ проповѣдей Полоцкаго, интересно узнать собственный взглядъ его на свои труды, высказанный въ предисловіи къ „Обѣду“. Для этой цѣли не нужно пересказывать всего содержанія предисловія; достаточно остановить вниманіе на слѣдующихъ трехъ пунктахъ: а) по мнѣнію Полоцкаго, его Обѣдъ „нѣсть яко иностранными зеліи, хитростми вѣтійскими добле украшенъ“. Не украсилъ же Полоцкій его „за скудость ума“ своего и по убѣжденію, что „удобѣе простое слово уразумѣваемо есть въ писаніи, неже красотами художественными покровенное, яко удобѣе ядро снѣдается излущенное, нежели въ кожѣ си содержимое“; б) на содержаніе своего Обѣда Полоцкій смотритъ, какъ на содержаніе грустно-обличительное: „содержитъ моя сія книга рыданіе о грѣсѣхъ прешедшихъ: жалость о некающихся и горе вѣчное сказуетъ,

---

[1]) Въ Московской синод. библіотекѣ хранится (въ рукописяхъ) нѣсколько бесѣдъ Полоцкаго: о Святомъ Духѣ, о душахъ святыхъ, о почитаніи мощей, иконъ и проч.; но онѣ не подпадаютъ нашему изслѣдованію, потому что, по словамъ составителей «описанія» синод. рукописей, «не суть поученія церковныя», но и по формѣ, и по содержанію суть ученыя разсужденія, сколько видно изъ указаній на разныхъ писателей схоластическихъ, изъ силлогистической формы доказательствъ и отвѣтовъ на возраженія и изъ свидѣтельствъ Сильвестра Медвѣд., который, выражаясь о сихъ трудахъ, употребляетъ слово: «собра». Описаніе слав. рукоп. Моск. синод. библ., отд. 2, 233 стр.

погибшимъ покаянія кромѣ", смотритъ, какъ на содержаніе горячее „въ пищехъ нѣкіихъ", т. е. въ немъ (Обѣдѣ) „обличаются зліи нравы", хотя обличаются „обще", а не „въ лице"; в) прося благосклонно принять „любовное наказаніе", снизойдти къ его недостаткамъ и даже исправить ихъ, сознается, что всегдашнимъ его желаніемъ было „присно со отцы богоносными святыя соборныя и апостольскія церкви согласну быти".— Этотъ взглядъ Полоцкаго на свой Обѣдъ можно и даже необходимо относить и къ Вечери, предисловіе которой значительно короче и заключаетъ въ себѣ лишь объясненіе аллегорическаго названія.

При изученіи проповѣдническихъ трудовъ Полоцкаго мы не можемъ слѣдить исторически за развитіемъ его ораторскаго таланта, потому что не имѣемъ данныхъ утверждать или предполагать, что поученія Обѣда и Вечери расположены въ томъ порядкѣ и томъ видѣ, въ какомъ они являлись изъ-подъ пера его.

Взглянувши на сумму проповѣдей Обѣда и Вечери (всѣхъ проповѣдей —217), какъ на одно цѣлое, займемся сначала анализомъ внутренней ихъ стороны, а потомъ характеристикой внѣшней.

I.

Задачи изслѣдованія внутренней стороны проповѣдей Полоцкаго.— Очеркъ умственнаго и нравственнаго состоянія русскаго общества въ XVII вѣкѣ.— Догматическія проповѣди.— Нравственныя.— Обличеніе народныхъ забавъ. Очеркъ суевѣрій на основаніи проповѣдей. Взглядъ проповѣдника на происхожденіе суевѣрія. Обличеніе раскола. Вопросъ образованія. Педагогическія воззрѣнія Полоцкаго. Взглядъ его на женщину. Проповѣди, вызванныя частными фактами русской жизни.—Выводы изъ разсмотрѣнія содержанія проповѣдей: религіозно-нравственный идеалъ и степень современности Полоцкаго.

Первый вопросъ, который подлежитъ нашему рѣшенію, есть вопросъ о содержаніи проповѣдей Симеона Полоцкаго. Здѣсь важно разсмотрѣніе а) того, какія вообще истины христіанства были предметомъ его церковной бесѣды и какія по преимуществу и б) вызывалось ли сообщеніе этихъ истинъ духовными потребностями его времени и насколько оно соотвѣтствовало этимъ потребностямъ.

Но чтобы рѣшить эти задачи вообще и вчастности послѣднюю, необходимо сдѣлать хотя краткій очеркъ умствен-

наго и нравственнаго состоянія русскаго общества, современнаго Полоцкому.

Темными и непривлекательными чертами характеризуется картина умственной и нравственной жизни русскаго общества въ XVII вѣкѣ и вчастности во второй половинѣ его, когда жилъ и дѣйствовалъ въ Москвѣ Симеонъ Полоцкій.

Просвѣщенія или образованія тогда почти не было. Правда, въ Москвѣ и другихъ городахъ были частныя школы; но въ нихъ училось незначительное меньшинство, и весь кругъ ученія ограничивался чтеніемъ Часослова и Псалтири, а иногда Азбуковниковъ. Дальнѣйшій умственный матеріалъ предлагала грамотному человѣку обширная апокрифическая литература.

Но эта литература представляла, такъ сказать, энциклопедію разнообразныхъ басней и суевѣрій: она разсказывала о фантастическихъ животныхъ, растеніяхъ, камняхъ и проч.

Она поддерживала безчисленное множество суевѣрій и предразсудковъ, господствовавшихъ въ жизни. Въ народной памяти хранились имена языческихъ божествъ — Купалы и Ярилы. Природа населялась таинственными существами — лѣшими, домовыми, водяными. Запретительныя грамоты противъ остатковъ язычества указываютъ на обычай смотрѣть луну въ первый день, купаться при громѣ, умываться съ серебра, лить воскъ и олово, призывать въ домы скомороховъ и ворожей. Это послѣднее, — то есть вѣра въ волшебство, было значительно распространено. При волхвованіи пользовались даже священными предметами, наприм. частицами просфоры, богоявленской водой, ладаномъ, молитвами. Оно (волхвованіе) поддерживалось кудесниками и вѣдунами, которыхъ уважалъ народъ. Невѣжество не было, однакоже, достояніемъ только простаго народа. — Духовенство вооружалось противъ вызова заграничныхъ ученыхъ въ томъ предположеніи, что съ появленіемъ ихъ явится разноязычіе и нарушится единовѣріе [1]). Оно невыгодно отзывалось о европейской наукѣ. Такъ, патріархъ Іоакимъ — человѣкъ просвѣщенный по своему времени — считалъ астрономію ересью [2]). Протопопъ Ав-

---

[1]) Русск. раск. Щапова, стр. 98.

[2]) Бух. Б., 1861, № 40. 41 ст. о просвѣщеніи при патр. Іоакимѣ.

вакумъ въ отвѣтномъ посланіи своемъ Плещееву возстаетъ противъ иностранныхъ книгъ, „латинскихъ обычаевъ и нѣмецкихъ поступковъ“, какъ противъ ересей.

Благодаря такому суевѣрному складу мысли, въ русскомъ обществѣ XVII стол. замѣчается или склонность къ обрядовой религіозности, или холодность къ вѣрѣ и церкви.

Въ связи съ умственной неразвитостью русскаго общества въ XVII столѣтіи стоитъ и моральная сторона его жизни. — Иностранцы и обличители изъ русской среды не мало находили въ жизни общества нравственныхъ недостатковъ. Крыжаничъ, наприм., описывая въ своихъ „политичныхъ думахъ“ состояніе Россіи, указываетъ на гордость, нечистоплотность, лѣность, расточительность, пьянство и жесткое обращеніе съ подчиненными.

Вопіющимъ зломъ было пьянство. Олеарій говорилъ: „нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ бы пьянство было такимъ общимъ порокомъ, какъ въ Московіи. Всѣ, какого бы званія, пола и возраста не были, духовные и свѣтскіе, мужчины и женщины, молодые и старые, пьютъ водку во всякій часъ, прежде, послѣ и во время обѣда“. Одинъ архіерей, увѣщевая окружныхъ священниковъ учить народъ, говорилъ: „въ простыхъ, особенно же и въ духовныхъ чинахъ укоренилась злоба сатанинская безмѣрнаго хмѣльнаго упиванія, а такое сатанинское ухищреніе многихъ отлучаетъ отъ Бога“[1]). Новгородскій митрополитъ писалъ: „игумены, черные и бѣлые попы и дьяконы хмѣльнымъ питьемъ до пьянства упиваются, о церкви Божіей и дѣтяхъ своихъ духовныхъ не радѣютъ и всякое безчиніе во всякихъ людехъ чинится“. Противъ этого зла онъ приказывалъ: „сдѣлать заказъ крѣпкій, чтобы игумены, черные и бѣлые попы, и дьяконы, и старцы, и чернецы въ кабакъ пить не ходили и въ мірѣ до великаго пьянства не упивались и пьяные по улицамъ не валялись бы“[2]).

Другимъ выдающимся порокомъ была грубость. Она проявлялась въ общественныхъ отношеніяхъ. Начальники притѣсняли своихъ подчиненныхъ[3]), бояре — своихъ крестьянъ,

---

[1]) Акты историч. IV, № 62.

[2]) Акты археолог. экспед. IV, № 322.

[3]) Акты историч. IV, № 14.

слуги знатнаго боярина или окольничьяго открыто грабили просителей или прохожихъ [1]).

Въ семейной жизни господствовалъ во всѣхъ классахъ общества деспотизмъ мужа и отца. Это зависѣло, между прочимъ, отъ обмановъ, какими сопровождалось заключеніе браковъ. По замѣчанію Котошихина „во всемъ свѣтѣ нигдѣ такова на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ московскомъ государствѣ“ [2]). Такъ, напримѣръ, вмѣсто увѣчной дѣвушки сватающимъ показывали здоровую, но отдавали увѣчную. Женихъ не могъ узнать ея слѣпоты, глухоты или близорукости, потому что ее закрывали; онъ не могъ говорить съ ней, а при вѣнчаніи ее водили свахи. Низкій ростъ невѣсты скрывали, показывая ее сватамъ на какой-нибудь, конечно искусно скрытой, подставкѣ. Естественнымъ слѣдствіемъ такого рода хитростей, возможныхъ при отсутствіи обычая показать жениху его невѣсту до конца вѣнчанія, было, конечно, семейное несогласіе. Когда женихъ, по словамъ Котошихина, „увидитъ (свою молодую супругу), что добрѣ не добра, вѣкъ съ нею жить, а всегда плакать и мучитца и потомъ умыслитъ надъ нею учинить, чтобы она постриглась; а будетъ по доброй его волѣ не учинитъ, не пострижется, и онъ ее бьетъ и мучитъ всячески, и вмѣстѣ съ ней не спитъ, до тѣхъ мѣстъ, что она похочетъ постричься сама“ [3]). Иногда, чтобы развязаться съ ненавистной женой, мужъ самъ постригался, иногда прибѣгалъ къ отравѣ [4]) и не рѣдко къ убійству [5]).

Но самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ и вмѣстѣ результатомъ низкаго уровня общественной образованности и нравственности является въ исторіи второй половины XVII в. открытое отпаденіе отъ православія большой массы людей, крѣпко стоявшихъ за букву и форму старины.

Для устраненія такого печальнаго состоянія общественнаго развитія и нравственности созывались соборы. Предъ началомъ собора $166^{6}/_{7}$ гг. царь Алексѣй Михайловичъ такъ изображаетъ современное положеніе вещей и задачу собранія:

---

1) Истор. Россіи, Соловьева, В, 165 стр.
2) О Россіи въ царств. Ал. Михайл., XIII гл.
3) О Россіи въ царств. Алек. Михайловича, XIII, 123 стр.
4) Ibid. стр. 125.
5) Исторія Россіи, Соловьева, 13 т., стр. 165.

„насѣя домовитъ (домувладыка) небесный благогобзовитую (хорошо удобренную) ниву православной державы нашея чистого благочестія пшеницею: но врагъ завистный всѣя куколь душевредный, егоже аще ревность ваша (собравшихся пастырей) умедлитъ исторгнути и искоренити, бѣдство будетъ о пшеницы, да не озизанится (оплевелится)“ [1]). Соборъ 1675 г. высказалъ ту же жалобу на современный, религіозно-нравственный строй жизни [2]).

Такимъ образомъ, религіозное невѣдѣніе и низкій уровень нравственности — вотъ общія характеристическія черты современнаго Полоцкому общества. Теперь вопросъ: чѣмъ удовлетворяетъ Полоцкій вопіющія религіозно-нравственныя потребности своихъ слушателей? Какіе догматы раскрываетъ въ своихъ поученіяхъ и какія нравственныя истины предлагаетъ?

Перечитывая проповѣди Обѣда и Вечери, мы отмѣтили въ ряду ихъ только 11 такихъ, которыя могутъ быть названы догматическими. Но и въ этихъ немногихъ догматическихъ поученіяхъ нѣтъ подробнаго, обстоятельнаго раскрытія теоретической части христіанскаго ученія. Тѣмъ не менѣе необходимо и возможно показать въ общихъ чертахъ содержаніе этихъ проповѣдей, остановившись нѣсколько подробнѣе на нѣкоторыхъ особенностяхъ.

Останавливаемъ вниманіе прежде всего на ученіи о Сынѣ Божіемъ, какъ Богѣ. „Неудобно обнять Божество, говоритъ Полоцкій, елико песокъ моря и всея земли, капли дождя и всѣхъ водъ, листвіе древесъ и травы сельныя, власы звѣрей словесныхъ и безсловесныхъ и періе птицъ счислити нѣсть возможно“. Впрочемъ, находящійся на берегу необъятнаго моря, хотя и не можетъ выпить всего „воднаго сонмища“, однакоже имѣетъ возможность удовлетворить своей жаждѣ: „тако и азъ всѣмъ убо сердцемъ моимъ и всею душею моею рожденъ сущъ еже славити Божество Христово, аще вижду неподобна мя быти, ко довольному прославленію хвалы величествія Его, обаче по-

---

[1]) Православный собесѣдникъ, 1863 года, Май, Декабрь, ст. «опредѣленія Моск. соб. 166$^{6}/_{7}$ гг.».

[2]) Прав. соб. 1864, I т., ст. «опредѣленія Моск. соб. 1675 г.»

елику лѣть ми есть, но за величество славы не дерзая, ни за немощь мою во отчаяніе падая, пою Богу моему дондеже есмь". Изображая такъ поэтически непостижимость Сына Божія, какъ Бога, созерцаетъ и личныя свойства Его: „вижду Его отъ безначальна Отца, безъ начала времене рожденна, по оному словеси чрезъ псаломника написанному отъ лица Бога Отца положенному: изъ чрева прежде денницы родихъ тя и по символу святому православно-каѳолическія вѣры, сія словеса содержащему"... Здѣсь проповѣдникъ допускаетъ возможность вопроса или сомнѣнія со стороны слушателей: „сія же ми глаголющу, можетъ нѣкто отъ собранія вашего пріити во усумнѣніе и удивительство, како сіе быти можетъ, да Христосъ Господь Сынъ и Слово Отца равенъ вѣки Ему будетъ, понеже обычно и естественно есть прежде быти родителю, потомъ же рождати чада". Сомнѣніе рѣшается такимъ образомъ: „сицевое заданіе разрѣшаютъ отцы святіи, на Никейскій соборъ собравшіеся, полными таинствъ словесами, во святомъ символѣ положенными: „свѣта отъ свѣта"...[1])

Находимъ, затѣмъ, у Полоцкаго ученіе о тѣлѣ Христовѣ, о томъ, что оно прославлено по воскресеніи. Между прочимъ онъ рѣшаетъ интересный вопросъ: зачѣмъ язвы, полученныя во время страданій, остаются на тѣлѣ Христа всегда „безъ болѣзни и скаредства"? Указываются слѣдующія причины: Іисусъ Христосъ удержалъ Свои язвы а) „аки знаменія побѣды, во славу тѣлесе своего заслуженную", и язвы украшаютъ Христа, какъ бисеръ одежду; б) „во утвержденіе вѣры въ насъ сугубыя: первое да познается во Христѣ свойство Божіе — тѣло и двухъ не слитно пребывати, а не такъ, какъ „блядословилъ" Евтихій, — „второе — во доводъ воскресенія Господня, да тогожде, и не иного воскресеніемъ быти непщуемъ"; в) „во еже бы имѣти ему присное о насъ памятное, да не забудетъ небесному Отцу явствовати ихъ и гнѣвъ Его праведно движимый на ны изоружати"; г) „да увѣщаніе имамы о любве Его къ намъ проявленнѣй и взаимъ отъ насъ къ Нему должнѣй"; д) „есть язвы святыхъ оставленіе, да хранятся на день судный, праведникомъ во утѣшеніе, нечестивымъ же во устрашеніе. Тогда бо врагомъ язвы своя имать показати, да пре-

[1]) Обѣдъ, листъ 90.

одолѣвъ я возглаголетъ: се человѣкъ, его же кресту пригвоздисте, видите язвы вами наложенныя, зрите бокъ вами прободенный“ [1]). Схоластичность вопроса и наивность отвѣтовъ (наприм. I. Христосъ оставилъ Свои раны, чтобы не забыть о насъ!?) сама собою очевидна.

Въ ученіи Полоцкаго о Св. Духѣ [2]) интересно рѣшеніе вопроса о призывающей благодати. Въ одномъ словѣ указываются 7 способовъ, посредствомъ которыхъ совершается призваніе ко спасенію. Первый: „внутреннее вдухновеніе, еже добрыя мысли въ сердцѣ человѣческое влагаетъ“, второй: „совѣсти присное снѣданіе“, третій: „чрезъ св. Писаніе и духовныя книги“, четвертый: „чрезъ начальники, родители, отцы духовные и учители“, пятый: примѣръ святыхъ, шестой: благодѣянія, „творимая намъ отъ Бога“, седьмой: наказаніе. Въ другой проповѣди полагается различіе между „званіемъ“ дѣйственнымъ и довольнымъ: „есть же званіе Господне, по разсужденію богословцевъ, сугубо: едино именуется дѣйственное, второе довольное. Оно никогда же бездѣльно бываетъ, сіе многажды безплодно обрѣтается, аще и довольна средствія имать ко изводства стяжанію“. Такое отвлеченное и непонятное съ перваго взгляда различеніе степени вліянія призывающей благодати выясняется на примѣрѣ Лота и его зятьевъ. По отношенію къ самому Лоту ангелы употребили дѣйственный способъ, то есть понудили его выйти изъ города, осужденнаго на смерть, взявши его за руку; въ отношеніи же его зятьевъ — довольный, такъ какъ только звали ихъ, указывая на имѣющую постичь городъ катастрофу. — Кромѣ того, полагается различіе между „званіемъ внутреннимъ“ и „внѣшнимъ“.

Но больше всего Полоцкій останавливался на слѣдующихъ догматахъ: на ученіи о раѣ, адѣ и злыхъ духахъ.

Привлекательными чертами изображается въ проповѣдяхъ Полоцкаго мѣсто блаженной жизни. Сообразно видѣнію Іоанна Богослова, проповѣдникъ представляетъ рай градомъ, имѣющимъ въ основаніи двѣнадцать драгоцѣнныхъ камней и двѣнадцать вратъ изъ двѣнадцати бисерей. Въ этомъ градѣ не будетъ печали и ночи. Его богатству подобно богатство Соломона:

---

1) 1-е слово о Ѳомѣ, листъ Обѣда 12, на об.

2) Обѣдъ, листы 97, 105.

„сладость же и веселіе во градѣ Бога нашего, во обителехъ Отца небеснаго, есть толика, якоже всѣмъ сладостемъ міра сего въ сравненіи съ единою небесною быти аки капли воды, противу величеству океана: яко единому праху, противу всѣму кругу земному“[1]). Представляетъ его вечерей „со множествомъ людей всякаго языка и колѣна, которые стоятъ предъ престоломъ Божіимъ, облеченные въ бѣлыя ризы съ финиками въ рукахъ“[2]). Сравнивая первобытный рай съ будущимъ, говоритъ: „азъ же самому свѣтоносному присмотряяся небеси, въ немже все благое обрѣтается наше, не источникъ воды тлѣнныя, но самое море воды животныя и океанъ сладостей всяческихъ: не древеса днесь сущая, утроже искоренитися могущая, но мысленная древеса, всегда цвѣтущая и присноплодная, умове небесніи: между ними же древо жизни вѣчныя, Христосъ Господь“[3]).

Пользуясь евангельской исторіей, Полоцкій рисуетъ картину страшнаго суда. Впрочемъ онъ не довольствуется пересказомъ исторіи, а позволяетъ себѣ дѣлать къ ней субъективныя прибавки. Такъ, сказавши, что нѣкоторые изъ грѣшниковъ „не судятся, иже внѣ церкви суть: не востанутъ бо нечестивіи на судъ, яко осуждены суть уже, по оному слову Господню: не вѣруяй уже осужденъ есть“, онъ сообщаетъ такую бесѣду супостата діавола съ Богомъ: „возскичается противникъ предъ лицемъ милостивѣйшаго Судіи, высша себѣ быти отъ насъ являя таково дѣло имѣя, у такового Судіи: имать же глаголати онъ діаволъ: о праведный Боже! Осуди его моего быти за вину, иже твой не хотѣ быти благодатію. Твой есть по естеству, мой есть по окаянству. Твой преслушникъ, а мой послушникъ. Пріятъ отъ тебе безсмертія ризу: отъ мене рубищное имже облечеся одѣяніе: твою ризу погуби, ибо въ моемъ одѣяніи здѣ пріиде. Тѣмъ же осуди его моего быти и со мною казнима. Оле глагольника люта! Оле клеветника тяжкаго! Оле супостата навѣтна“! Но Судія праведный, по замѣчанію проповѣдника, не послушаетъ діавола. — По окончаніи суда Христосъ, какъ „жестокій левъ“, обратитъ „страшно и нестерпимо“

---

[1]) Обѣдъ, 115.
[2]) Обѣдъ, 459.
[3]) Обѣдъ, л. 459.

лице свое на страшныя козлища и „ужасно возглаголетъ оное изрѣченіе“ [1]).

Подробно изображается вѣчное мученіе, перечисляются 8 адскихъ казней: а) „казнь тщеты, яже есть изверженіе изъ вѣчнаго блаженства, отлученіе отъ огня горняго“; б) „тма: та паки сугуба, внутренняя и внѣшняя. Внутренняя есть забвеніе прешедшихъ сладостей, внѣшняя темность и мракъ адскій, всякаго свѣта лишенный и отъ всякихъ зорь удаленный“; в) „узы... тѣмже убо будутъ вязани во адѣ отъ демона, не хотѣвшіи здѣ узъ Христа носити“; г) „вѣчный плачь и рыданіе“; д) „скрежетъ зубный“, подъ которымъ нужно разумѣть „вѣчный гладъ и хладъ зѣло лютый“; е) „жупельный огонь“; ж) „страшно скаредныхъ демоновъ общество“; з) „червь присноснѣдающій и никогда же усыпающій“, подъ которымъ не нужно разумѣть безсмертнаго животнаго, какъ „нѣцыи учителіе мнятъ“, но лучше „разумѣти присное совѣсти грызеніе“ [2]).

Не доказывая путемъ умозрѣнія бытіе добрыхъ ангеловъ[3]), Полоцкій находитъ необходимымъ такое убѣжденіе, когда говоритъ о злыхъ духахъ. Назвавши безумцами Саддукеевъ, невѣрившихъ въ бытіе злыхъ духовъ, такъ какъ и еллинскіе философы и платоники ихъ признавали, онъ говоритъ: „аще есть тварь весма плотская и сложенная изъ плоти и духа, всячески нужда есть быти твари и чистѣ духовнѣй: во еже бы не лишатися сему степени естества, могущему быти во вселеннѣй“. Доказываетъ, затѣмъ, бытіе злыхъ духовъ тѣмъ, что бѣсноватые предсказывали будущее, являли тайное и даже творили чудеса. Рѣшаетъ возраженіе: „мы сицевыхъ никогда же видѣхомъ“: „не того ради нѣсть левъ или элефантъ, яко не видѣша: тако не того ради нѣсть демонъ, яко они сихъ изводствъ его не видѣша. Что же суть демони? Суть дуси, существа безплотныя, не причастныя веществу. Познаваются отъ дѣйствъ (аще зрѣнію не подлегаютъ), якоже огнь по дыму познавается“. Раскрывая этотъ положительный взглядъ на существо демона, упоминаетъ о мнѣніи нѣкоторыхъ учителей церкви, что демоны имѣютъ тонкое тѣло, опровергаетъ мнѣ-

[1]) Обѣдъ, л. 548.
[2]) Обѣдъ, л. 271.
[3]) Вечеря, л. 85.

ніе (какого-то Василія Гексамера), что лунатизмъ происходитъ „отъ различія теченія луны“, а не отъ вліянія злаго духа [1]).

Таково содержаніе 11-ти догматическихъ проповѣдей Полоцкаго. Кромѣ того, встрѣчаются проповѣди наполовину догматическаго содержанія [2]), но содержаніе этихъ проповѣдей не представляетъ такихъ особенностей, на которыхъ слѣдовало бы остановиться.

Остальныя проповѣди, кромѣ показанныхъ нами догматическихъ, мы причисляемъ къ категоріи нравственнаго содержанія. Въ этихъ нравственныхъ поученіяхъ, въ противоположность догматическимъ, находимъ подробное и обстоятельное раскрытіе нравственной стороны христіанства. Въ нашихъ видахъ будетъ достаточно, если мы намѣтимъ пункты нравственнаго ученія, на которыхъ останавливается слово нашего проповѣдника.

Считая любовь къ Богу первѣйшею обязанностію христіанства, онъ старается возбудить въ сердцѣ слушателей это святое чувство. Онъ указываетъ на совершенство, благость Божію и подобіе человѣка Богу, какъ на побужденія къ этой любви. „Аще убо любимъ, говоритъ онъ, мудрость въ человѣцехъ, яже есть аки капля едина, противу всѣму всѣхъ водъ сонмищу: колми паче должны есмы любить ю въ Бозѣ, яже есть океана паче... Аще любимъ красоту: что краснѣе есть Бога... Есть въ Богѣ любовь къ намъ неизрѣченная: яже отъ многихъ благодатей намъ содѣваемыхъ познавается“. Онъ создалъ человѣка по подобію Своему, сотворилъ все ради человѣка и т. под. „Толико убо многи и иныя безчисленныя благодати пріемше отъ Бога возлюбившаго ны, какъ не должны есмы взаимъ любити Его“ [3]).

При этой любви къ Богу проповѣдникъ внушаетъ и любовь къ ближнему, какъ другую основную обязанность христіанина. Показавъ необходимость и важность ея, онъ указываетъ ея истинныя свойства: духовность, нелицепріятность, твердость, постоянство и такъ характеризуетъ любовь плотскую:

---

[1]) Обѣдь, 222 л.

[2]) Обѣдь, 1 и 2 слово на Пасху, также слова на листахъ: 25, 72, 283, 353 и др.

[3]) Обѣдь, л. 283.

такая „любы на мягкихъ словесѣхъ и на пріятныхъ имать основаніе, изъ нея же злыя прозябаютъ вѣтви, скверная словеса, плотская бесѣдованія и любы тѣлесная, ея же знаменія суть сія. Первое, аще любящіися мало бесѣдуютъ о духовныхъ вещехъ, много же плотскихъ, и аще любовь свою другъ ко другу проявляютъ, и ради бы о ней разглагольствовати безпрестанно. Второе, аще имутъ сердце непокойно, внегда другъ друга не видятъ на долзѣ. Третіе, аще обрящется въ нихъ рвеніе (ревность), егда узритъ другъ друга отъ иныхъ любима быти. Четвертое, аще за малу вину лютѣ другъ друга гнѣвается и неблагодарственна благихъ си именуетъ. Вся сія суть знаменія любве не божественныя, но плотскія“ [1]).

Показывая необходимость, важность и свойства этихъ основныхъ обязанностей, Полоцкій говоритъ и о частныхъ добродѣтеляхъ, какъ проявленіяхъ любви къ Богу, ближнему и самому себѣ.

Онъ внушаетъ смиреніе. По словамъ его, „оно есть степень нижайшій въ лѣствицѣ небеснѣй въ восхожденіи добродѣтелей, на немже аще кто не утвердится, на прочія степени не взыдетъ: утвердивый же ся и на вышнія восходитъ удобне“ [2]). Различая смиреніе духовное отъ плотскаго [3]), насчитываемъ до 12 степеней въ первомъ [4]).

Проповѣдуетъ необходимость чувства вѣры [5]), постъ и молитву [6]), терпѣніе [7]), страннопріимство [8]), любовь къ рабамъ, какъ имѣющимъ „едино“ съ господами „естество“, но только различное „званіе“ и „служительство“, послушаніе „разсудное и вѣрностное“ господамъ [9]), послушаніе вообще ближнимъ [10]), и вчастности волѣ Божіей [11]), милосердіе и милостыню. Это

---

1) Обѣдъ, л. 293.
2) Ibid. л. 154.
3) Ibid. 624.
4) Ibid. л. 53, 307, 526, 561, 629.
5) Ibid. 147, 154.
6) Ibid. 190, 310, 316, 561, 565, 610.
7) Ibid. 43, 338.
8) Ibid. 391.
9) Ibid. 148, 260, 265.
10) Ibid. 127.
11) Ibid. 598, 604.

послѣднее — преимущественый предметъ нравственныхъ поученій Полоцкаго [1]).

Послѣ же этого пункта Полоцкій подробно и преимущественно останавливается на изображеніи грѣховнаго состоянія человѣка [2]). Слѣдующими немногими словами можно охарактеризовать этотъ пунктъ нравственнаго ученія: „мы отъ язвеннаго адама исходяще, язвы по всѣмъ удомъ страждемъ: во главѣ страждемъ язву гордости. На челѣ язву безстудія. Во очесѣхъ язву зависти. Во ушесѣхъ — оплазливости. Во устѣхъ — злословія, скверноглаголанія, лжи, клеветы, осужденія и тѣмъ подобныхъ. Во языцѣ — много глаголанія, буесловія. Въ гортани — сластолюбія. Въ выи — непослушанія. Въ рамахъ — нетерпѣнія. Въ персѣхъ — печали. Въ сердцѣ — жестоты. Во чревѣ — несытства. Въ родныхъ удесѣхъ — нечистоты. Въ ногахъ — лѣности и на зло скорости. Въ рукахъ — дароиманія, лихоимства, хищенія, грабленія. И во прочихъ удесѣхъ, прочихъ грѣховъ язвы страждемъ“ [3]). — Въ этомъ ученіи по преимуществу сказывается аскетическое міровоззрѣніе проповѣдника: „борецъ или воинъ есть всякъ человѣкъ въ мірѣ семъ, ибо искушеніе или брань есть житіе человѣческое на земли, брань же съ плотію, съ міромъ, съ демономъ: брань о отечествѣ небесномъ“ [4]), — вотъ общая идея этого міровоззрѣнія.

Таково нравственное содержаніе „Обѣда духовнаго“. Тѣже нравственныя истины излагаются и въ „Вечери“: только здѣсь онѣ раскрываются въ примѣненіи къ прославляемому событію или лицу.

Показавши догматическій и нравственный матеріалъ проповѣдей Полоцкаго вообще, остановимся на поученіяхъ, важныхъ въ историко-литературномъ отношеніи. — Въ ряду этихъ поученій мы находимъ 1) такія, которыя направлены противъ народныхъ обычаевъ, суевѣрій и предразсудковъ; 2) противъ раскола; 3) трактующія о необходимости образованія и вос-

[1]) Обѣдъ, л. 33, 233, 239, 246, 253, 333, 476, 576, 622.

[2]) Ibid. 60, 65, 83, 134, 160, 166, 172, 179, 184, 215, 227, 404, 425, 432, 446, 466, 490, 499, 533, 576, 591, 608.

[3]) Ibid. 414.

[4]) Ibid. 115.

питанія и 4) сказанныя по случаю частныхъ событій русской жизни.

Народные обычаи, суевѣрія и предразсудки обличаются въ двухъ поученіяхъ: въ поученіи „отъ іереовъ сущимъ подъ ними въ паствѣ ихъ, о еже пребывати имъ во всякомъ благочестіи и не пѣти бѣсовскихъ пѣсней и не творити игръ и всякаго безчинства: паче же не ходити къ волхвомъ и чародѣемъ, ниже призывати ихъ въ домы“ [1]), и въ проповѣди „о суевѣріи или суечестіи“ [2]). — Не разбирая подробно этихъ словъ, составимъ, на основаніи ихъ, очеркъ современныхъ Полоцкому обычаевъ, суевѣрій и предразсудковъ.

Русскій человѣкъ XVII в., надѣленный натурою поэтическою, жаждавшею сильныхъ ощущеній, любилъ повеселиться, распотѣшить себя играми, пляскою и пѣніемъ. „Есть обычай богомерзкій во странахъ нашихъ россійскихъ, во градѣхъ же, въ селѣхъ и весѣхъ, еже висѣльницы нѣкія поставляти, именуемыя простѣ рѣли (т. е. качели), на нихже маліи и велицыи обыкоша колыхатися, съ великимъ бѣдствомъ здравія своего, многажды съ лишеніемъ живота, а всегда со грѣхомъ... Второй обычай во христіанехъ поганскій, есть нелѣпое плясаніе и скаканіе, со сквернословнымъ припѣваніемъ“. Обличая эти формы народнаго удовольствія, проповѣдникъ говоритъ, что „составляющіе“ ихъ „уподобляются израильтяномъ“, сотворившимъ себѣ нѣкогда тельца и плясавшимъ предъ нимъ, подражаютъ „проклятой“ Иродіадѣ, обезглавившей своимъ плясаніемъ Предтечу и могли бы поистинѣ называться иродіадянами, подражаютъ, наконецъ, язычникамъ, у которыхъ есть обычай „въ честь идоловъ, чрезъ огонь скакати и на рѣляхъ колыхатися: отъ нихъ же аще кто спадъ выю си сокрушивъ умираше, жертва бываше угодная бѣсу“. Здѣсь, въ этомъ обличеніи Полоцкаго сказывается аскетическая крайность. Вмѣсто того, чтобы подвергать порицанію дурную сторону въ забавахъ, вредно вліяющую на народную нравственность, онъ отвергаетъ самые обы-

---

[1]) Прибавл. къ Вечери. л. 15 на об.

[2]) Ibid. л. 32.

чаи (качаніе, пѣніе и проч.), приписывая вліянію духа злобы, въ существѣ своемъ безразличныя народныя удовольствія.

Преимущественнымъ и важнымъ суевѣріемъ XVII в. было волшебство, чародѣяніе, производившееся спеціалистами этого дѣла — вѣдунами и кудесниками. Оно обличается у Полоцкаго сильнѣе и подробнѣе, чѣмъ всѣ другія суевѣрія. — Христіане, преданные такому обычаю, отрекшись во святомъ крещеніи діавола, снова служатъ ему, почитаютъ его, ищутъ у него помощи. Проповѣдникъ сокрушается, что это „злодѣяніе", „лютое беззаконіе", „прескверное злочестіе", „дѣло діавола", „идолослуженіе" „умножися аки въ поганыхъ" и безчеститъ христіанское имя. Онъ указываетъ на то, что въ ветхомъ завѣтѣ пострадалъ за волхвованіе Вавилонъ и что тогда былъ законъ, запрещавшій волшебство подъ страхомъ смертной казни [1]). „Колми паче недостойни суть жити (волшебствующіе) въ новой благодати, ею же яко присолнечнымъ сіяніемъ просвѣщеніе пріяхомъ". Справедливость этой мысли, по мнѣнію Полоцкаго, сознавалась многими христіанами-императорами, которые повелѣвали убивать волхвовъ и сожигать ихъ волшебныя книги. Такъ поступилъ, наприм., Валентъ съ Максимомъ, учителемъ Юліана. Кесарь Тиверій, изрекшій жестокое осужденіе „на шептуны, и волхвы, и звѣздословы, и чародѣи", однажды увидѣлъ сонъ, что онъ долженъ былъ дать „многое имѣніе нѣкоему извѣстному лицу"; узнавши, что этотъ сонъ „бысть пущенъ на него чрезъ чары", призвалъ этого извѣстнаго человѣка и приказалъ его замучить. — Эта мысль о великости грѣха волшебствующихъ, по словамъ Полоцкаго, сознавалась и святыми отцами: правило Василія Великаго подвергаетъ чародѣя шестилѣтней эпитеміи.

Къ чародѣянію Полоцкій относитъ слѣдующій обычай: „реку вамъ нѣчто смѣшное и никтоже да поречетъ безвременству (хотяй бо истину очистити, первѣе своя руки да покаляетъ). Несше жены въ баню отроча, вземлютъ блато доилицы и рабыни, и перстомъ помазавше на челѣ отрочате изображаютъ, и аще кто вопроситъ: что хощетъ блато, что же бреніе, отвѣщаютъ: яко око лукавое отвращаетъ, и негодованія, и зависть. Увы безумія и несмыслства послѣдняго! Какову имать

---

1) Исходъ, 22 гл.

крѣпость и силу бреніе и блато; всяко діавольское сіе есть умышленіе; да отъ перваго возраста по малу введетъ яже отъ себе козни діаволъ". Діаволъ, по мнѣнію проповѣдника, не можетъ „увѣщати" открыто, явно отречься Христа и потому дѣйствуетъ посредствомъ „узлоношенія" и „бабскихъ басней": „и Христосъ убо изгоняется, вводится же баба блядословная: и тако тайна (святаго крещенія) попрана бысть, прелесть же діаволя ликуетъ".

Указывается на волхвованіе въ случаѣ пропажи имѣнія. Запрещая оное, Полоцкій совѣтуетъ благодарить Бога и выражать благодарность въ милостынѣ. Такимъ отношеніемъ къ постигшей бѣдѣ (къ явленію похищенія имущества) христіанинъ отмщаетъ діаволу, такъ какъ грабительство или воровство „не безъ бѣса бываетъ". „Аще возблагодариши Богу, смертную ему (діаволу) даеши язву: ниже бо къ волхвомъ отшедъ обрящеши погубленное: не могутъ бо они вѣдѣти". „Аще ли же нѣгдѣ и рѣша получивше, и душу припогубляеши, и отъ твоихъ братій посмѣянъ будеши, и паки таяже злѣ погубиши. Бѣсъ бо вѣдый яко тщету нетерпиши, но за сія и Бога твоего отрицаешися, паки даетъ имѣнія, да выну имѣетъ паки тя прелстити и отступити отъ Бога". Не отрицая того, что и волхвы могутъ сказать правду относительно пропавшаго имѣнія, не совѣтуетъ этому изумляться, потому что они дѣйствуютъ по внушенію того же бѣса, который, какъ безплотный, „вездѣ обходитъ" и слѣдовательно знаетъ „гдѣ полагаютъ" разбойники похищенное.

Находимъ у Полоцкаго обличеніе особеннаго „торжества", „злаго обычая" — купалы. — Торжество это, „отправляемое на Руси въ ивановскую ночь, извѣстно во всемъ славянскомъ мірѣ. Отличительные обряды его составляютъ: зажженные костры, пѣсни, игры, перепрыгиваніе чрезъ огонь и крапивные кусты, купанье ночью въ росѣ, а днемъ въ рѣкахъ, пляски вокругъ дерева марины и погруженіе его въ воду, зарываніе травъ, повѣрье о полетѣ вѣдьмъ на Лысую гору". Слово „купало стало извѣстно въ нашихъ письменныхъ памятникахъ съ XVII ст." [1]). Объ этомъ народномъ празднествѣ Полоцкій говоритъ слѣдующее: „въ навечеріе праздника рождества свя-

[1]) Сказанія русскаго народа, т. 2, см. «Народный дневникъ», 37 стр.

таго Іоанна Предтечи, поганскимъ обычаемъ огнь возмѣщаютъ, скачутъ же, и нарицаютъ то свое торжество купало. Еже отъ древнихъ поганъ въ честь боговъ ихъ вообычаися, якоже свидѣтельствуетъ лѣтописецъ Матѳей Стриковскій. Идеже и о колыскахъ, именуемымъ рѣли, поминаетъ". А „нѣцыи невѣжды" цѣлую ночь проводятъ безъ сна на этотъ день, ожидая солнечнаго восхода и думаютъ, что оно при восходѣ играетъ, перескакиваетъ съ одного мѣста на другое и измѣняется въ разные цвѣта. „Оле безумія, оле суевѣрія"! восклицаетъ проповѣдникъ. „Откуду сіе играніе солнца пріяша? Въ писаніихъ священныхъ не обрѣтается: въ преданіихъ отецъ святыхъ не пріяхомъ: философе и звѣздословцы того не знаютъ: а невѣгласи и слышатъ другъ отъ друга, и видятъ своима очима. Что же видятъ? воистину то: яко піану сущу человѣку, вся видятся колѣсообразно вращатися, за умноженіе паръ отъ питія излишняго во главу восходящихъ, аще вся стоятъ неподвижно. И яко едина вещь піаному удвояется и утрояется во очію его, а не въ себѣ самой: такъ тѣмъ солнце зрителемъ, егда излише присмотрятся солнцу, отъ великаго дѣйства лучесъ его зрѣніе повредится, ибо излише чувствуемое вредитъ чувство: и того ради видится скакати и измѣнятися въ шарѣхъ, аще ни скачетъ, ни измѣняется". Здѣсь, какъ видно, проповѣдникъ прибѣгаетъ къ естественному объясненію явленія, которому человѣкъ невѣжественный, не понимающій дѣйствительной причины, даетъ значеніе явленія чудеснаго. Основная мысль въ этомъ объясненіи та, что чувства человѣка, чрезмѣрно напрягаясь при воспріятіи предмета, получаютъ неправильное впечатлѣніе, а отсюда невѣрно и представленіе о состояніи вещи. Но проповѣдникъ не довольствуется этимъ научнымъ (съ точки зрѣнія его времени) психо-физіологическимъ объясненіемъ: онъ прибѣгаетъ еще къ таинственной причинѣ, находитъ ее, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, въ демонѣ: „къ тому можетъ и демонъ за таково ихъ суевѣріе, прельщенія ради и прочихъ къ суевѣрію, сотворити измѣненіе во очесѣхъ ихъ или на воздусѣ, а не въ солнцѣ: то бо выну течетъ постоянно: то всегда идетъ неизмѣнно". — Это, обличаемое Полоцкимъ, вѣрованіе „объ играніи солнца" въ настоящее время, по замѣчанію Сахарова, сохранилось только въ Тульской губерніи [1]).

[1]) Сказанія русскаго народа, т. 2, см. «Народный дневникъ», стр. 41.

Наконецъ, „въ той же день (наканунѣ иванова дня) собираютъ нѣцыи нѣкія травы и гадательствуютъ о нихъ, яко аще обнощь едину во цвѣтѣ своемъ развинутся (распустятся), то гаданія благополучное сбытіе обѣщаютъ себѣ (т. е. сбудутся къ благополучію гадающихъ): аще не развинутся, то сѣтуютъ, надѣющеся злоключенія: еже божіимъ попущеніемъ за суевѣріе ихъ, а демонимъ дѣйствомъ, прельщенія ради иногда и сбытися можетъ: по вѣрѣ ихъ бываетъ имъ“.

Кромѣ помянутыхъ суевѣрій — случаевъ волхвованія и соединенныхъ съ праздникомъ купалы обычаевъ, въ жизни XVII в. господствовали, по словамъ нашего проповѣдника, еще слѣдующія суевѣрія и предразсудки. — „Костей струтіоновыхъ“ на перстѣхъ привязаніе: и егда икающу ти глаголется: еже десницею, шуйцы перстъ первый держати. Симъ припрязуются (т. е. сюда присоединяются, этому подобны) тысящы суетнѣйшихъ храненій, егда нѣкій отъ удъ возскачется“. Тутъ описывается сначала одно суевѣріе, состоящее въ привязываніи струтіоновыхъ костей къ пальцамъ и во время икоты держаніе правою рукою перваго пальца лѣвой. Потомъ указывается на множество какихъ-то безполезныхъ, глупыхъ „храненій“ (вѣроятно, на какіе-либо талисманы), которые употреблялись, когда возбуждался „нѣкій отъ удъ“. Къ числу этихъ талисмановъ необходимо-присовокупить „нѣкіе хартіи“, „которые прищѣплялись отъ всякихъ болѣзней“.

Нашептываніе, съ которымъ соединена была большая часть суевѣрій, употреблялось вчастности надъ скотомъ, когда онъ бывалъ боленъ: произносили священныя или простыя слова, не имѣющія „вины естественныя, ни преестественныя“, т. е. не могшія изцѣлить животное ни естественнымъ, ни сверхъестественнымъ образомъ.

Предсказаніе по дню рожденія о благополучіи или несчастной жизни человѣка.

Прорицаніе, предсказаніе чего-либо по звону въ ушахъ („отъ писканія во ушію“), по встрѣчѣ волка, зайца, инока или женщины.

Вѣра въ дурную встрѣчу. Если идутъ вмѣстѣ друзья и имъ „прилучится посредствовати“, т. е. встрѣтится имъ на пути камень или перейдетъ дорогу дитя, или перебѣжитъ ее собака, то въ этихъ встрѣчахъ видятъ „растерзателей“ дружбы

и потому попираютъ камень и ударяютъ невинное „дѣтище“ по щекѣ, а иные „и пса бити обыкоша: но многажды не безъ отмщенія: ибо отъ суетнаго врачества, временемъ скоро онъ (песъ) бійцу си ко праведному врачу посылаетъ“, то-есть песъ отвѣчаетъ на побои укушеніемъ, которое заставляетъ обратиться къ врачу.

Вѣра въ дурное предзнаменованіе. Если кто, выходя изъ дому, наступитъ на порогъ или запнется, или обуваясь чихнетъ, то возвращается домой или снова ложится въ постель. Или: если мыши съѣдятъ одежду, то ожидаютъ въ будущемъ бѣды, зла, не сожалѣя о настоящей „тщетѣ“, по замѣчанію проповѣдника.

Скорая и безосновательная вѣра въ „неправедныя“ небывалыя чудеса. Распространеніе этой вѣры посредствомъ слова или письменно.

Подлогъ, выдача мощей „иныхъ“ за мощи святыхъ или какой-либо вещи за мощи.

Изъ предыдущаго очерка суевѣрій, упоминаемыхъ Полоцкимъ, и обличеній, направленныхъ на нѣкоторыя изъ нихъ, легко понять взглядъ его вообще на суевѣріе. Тѣмъ не менѣе необходимо показать этотъ взглядъ.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе воззрѣніе Полоцкаго на происхожденіе суевѣрія. Оно не оригинально и (по его времени) не ново. Оно развивается у него такимъ образомъ. Совершенный Богъ и совершенный человѣкъ І. Христосъ, сошедшій на землю „на дѣланіе села міра сего“, трудился на немъ прилежно вмѣстѣ со Своими учениками. Посѣявши на этомъ селѣ „доброе сѣмя ученія, чистую пшеницу вѣры православно-каѳолическія“, Онъ поручилъ уходъ за этимъ селомъ сначала Апостоламъ, потомъ архіереямъ и священникамъ. Но когда уснули Апостолы сномъ тѣлесной смерти, врагъ Христа „лукавый демонъ, видя благихъ сѣмянъ благій возрастъ по вселеннѣй“, позавидовалъ этому и посѣялъ плевелы богомерзкихъ ересей и донынѣ не перестаетъ ихъ сѣять тамъ, идѣже видитъ архіереи и іереи спящыя нерадѣніемъ и лѣностію“. „Увы, увы, восклицаетъ затѣмъ проповѣдникъ, яко лѣностію, небреженіемъ стражей нивъ христіан-

скихъ, толико умножишася плевелы суевѣрія, яко едва чистой на нихъ обрѣтатися пшеницѣ". И эти плевелы, по замѣчанію проповѣдника, „многи суть". — Такимъ образомъ, съ одной стороны, небреженіе и лѣность пастырей церкви, руководителей народа, съ другой — хитрая дѣятельность врага всякаго добра, — вотъ причины суевѣрій.

Соотвѣтственно этимъ источникамъ суевѣрныхъ обычаевъ, Полоцкій и даетъ наставленіе слушателямъ, касающееся вообще суевѣрій: „сія слышаще братіе, говоритъ онъ, якоже при святомъ крещеніи отрекохомся сатаны, и всѣхъ дѣлъ его, и всѣхъ ангелъ его, и всѣхъ службъ его, и всего студа: тако и нынѣ отрицимся самаго сатаны, яко богопротивника, всѣхъ лукавыхъ дѣяній, яко дѣлъ его: всѣхъ чародѣевъ и волхвовъ, яко ангелъ его: всѣхъ волшебствъ, колыханія, скаканій, плясаній, яко службъ его: всѣхъ суевѣрій, яко студа его. Исплевимъ изъ пшеницы вѣры и дѣлъ христіанскихъ, на нивахъ душъ нашихъ плевелы сія скаредныя, куколь вредный, да во время жатвы ничтоже въ насъ обрящется достойно исторженія: но да чистую имуще въ сосудѣхъ сердецъ нашихъ благодѣяній пшеницу, сами яко сосуди честніи возмемся въ домѣ Царя небеснаго". Съ другой стороны, внушая самимъ пастырямъ (къ „поученію отъ іереовъ" приложено небольшое наставленіе священникамъ) заботу ревностнаго исполненія обязанностей, наставляетъ слушать „отцовъ духовныхъ, иже суть вожди, отъ Бога даніи, да изведутъ вы изъ пустыни міра сего во землю обѣтованную, текущую медомъ и млекомъ".

Расколъ обличается Полоцкимъ въ словѣ „на день сошествія Св. Духа ко іереомъ, о еже прилежати стаду", обличающемъ „крамолившихся въ мятежное время", и похваляющемъ слугъ „болярскихъ" [1]), — частію въ словѣ „о писаніи божественномъ" [2]).

Тамъ мы находимъ указаніе на религіозное возбужденіе умовъ: „разглагольствуютъ нынѣ о богословіи мужіе, разглагольствуютъ и отроцы, бесѣдуютъ въ лѣсахъ дивіи человѣцы, препи-

---

[1]) Прибавленіе къ Вечери, л. 163.

[2]) Ibid, 5 л.

раются и на торжищехъ скотопродателіе, да не реку въ корчемницахъ піаніи. Напослѣдокъ и буйя женищца словопреніе дѣютъ безумное, мужемъ своимъ и церкви прерѣкающе. Не помнятъ окаянныя увѣщанія, отъ учителя языкъ въ посланіи къ Тимоѳею написаннаго: жена бо въ безмолвіи да учится“.... Находимъ у Полоцкаго описаніе собственно раскольническаго движенія: „извѣстно сотворися великому Государю Царю, Алексію Михайловичу, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержцу и святѣйшему Іоасафу патріарху Московскому и всея Россіи. Яко премнози несмысленіи людіе, аки безсловесныя овцы отъ пути праваго житія заблудиша и во пропасть погибельныя жизни уклонишася. Возненавидѣша правду и возлюбиша лесть: вознерадѣша о истинѣ и приложишася лукавству. Мнози нелѣпыми словесы и непристойными бесѣдами единство Церкве, яко ризу Христову терзаютъ, должнаго не творятъ повиновенія: паче же вражески сопротивляются. И яко ехиднина чада чрево матере си прогрызаютъ: тако и они Церковь матерь си болѣзненно лукавыми бесѣдами и буими суемудріи снѣдаютъ. О, злобы и неистовства превеликаго“! „Мнози невѣгласи, никогдаже и нигдѣже учениками бывше, учители нарицатися дерзаютъ: забывше словесъ истиннаго учителя глаголюща: вы же не нарицайтеся учителіе, единъ бо есть учитель вашъ Христосъ. Суть же воистину не учителіе, но мучителіе: ибо прелщающе неискусныя, на вѣчное мученіе сѣтми словесъ ложныхъ во адъ низвлекаютъ: вмѣсто хлѣба слова Божія даютъ камень лукаваго ученія: вмѣсто яйца — скорпію и змію — вмѣсто рыбы“. Въ связи съ этимъ чисто религіознымъ явленіемъ Полоцкій ставитъ и многія другія печальныя явленія его времени: „тѣмже убо излиха умножися въ людехъ злоба и преуспѣ лукавство, волхвованіе, чародѣяніе, разбой, татба, убійства, піанство и нелѣпая игранія, грабленія, хищенія и иная тѣмъ подобная: напослѣдокъ и на обладающихъ востаніе“.

Описывая такими чертами религіозно-нравственное настроеніе общественнаго сознанія, Полоцкій указываетъ на невнимательность духовныхъ лицъ къ своему пастырскому долгу, какъ на первую причину этого настроенія. Въ словѣ „къ іереомъ“ такое состояніе общества прямо объясняется „великимъ нерадѣніемъ священниковъ и всеконечнымъ ихъ небреженіемъ

о чадѣхъ духовныхъ, паче же злымъ на лукавыя образомъ". Нѣсколько ниже прибавляетъ къ этому еще невѣжество духовныхъ: „симъ же всѣмъ (описаннымъ безпорядкамъ) есть виновно наипаче отцовъ духовныхъ неискусство: яко не поучаютъ и не наказуютъ чадъ своихъ духовныхъ".

Но кромѣ этого, такъ сказать, пассивнаго отношенія священниковъ къ своимъ пасомымъ, Полоцкій указываетъ еще на активное покровительство, содѣйствіе духовныхъ раскольническому движенію: „таковіи беззаконніи іереи (увы намъ) обрѣтошася въ нынѣшняя времена, въ православномъ государствѣ россійскомъ, иже не точію благословеніе даяху измѣнникомъ на взиманіе оружія противу благочестивѣйшему самодержцу, на убіеніе неповинныхъ, на мучительство и грабленіе: но и сами священныя си руки, ими же тѣло и кровь Христову держаху, мечемъ опорочиша, и кровопролитіемъ осквернища: презрѣвше, яко не подобаетъ мужу духовному оружіемъ ратовати. Сами атаманами нарицахуся и ко убіенію вожди бяху; забывше онаго изрѣченія Господня: вси пріемшіи мечъ, мечемъ погибнутъ. О, злобы страшныя и беззаконія лютаго! О, развращенія неистоваго и безумія послѣдняго! Како дерзнуша благоговѣйнство измѣнити на нечестіе? кротость — на сверѣпство, милость — на немилосердіе; ихже толикаго неистовства и паденія, Церковь мати наша зѣло плачущися и слезящи жалѣетъ". Такіе іереи, по мнѣнію Полоцкаго, Бога не боятся и людей не стыдятся.

Вотъ почему, считая духовныхъ лицъ непрямыми и прямыми виновниками религіозныхъ безпорядковъ, къ нимъ по преимуществу и обращаетъ Полоцкій свое обличеніе. Противъ нихъ онъ вооружается особымъ оружіемъ: „подражая Христу Господу мечъ азъ отъ устъ моихъ испущаю, не человѣки убивающій, но злобы ихъ и лукавства ихъ посѣщающій, сухія вѣтви отъ древа отрѣзающій, да прозябнутъ зеленыя. Мечъ духовный на духовныя извлекаю и сѣку нещадно ихъ злобы". Дѣйствительно, обличеніе его, показывающее въ немъ человѣка, ясно понимавшаго ненормальность общественнаго религіознаго строя и искренно желавшаго искорененія безпорядка, довольно сильны: „о, продерзивіи суеучителіе, славы міра сего ловителіе, а не Божія славы искателіе, доколѣ противитеся истинѣ, доколѣ подражаете Кореа, Даѳана и Авирона, въ пре-

рѣканіи цхъ ходяще. Помяните яко сіи противу сташе Моусею, живи землею поглотишася, вы же не Моусею, но самому Христу Богу противитеся. Не чуждый ли огнь приносите, егда неизвѣстная ученія, бабія басни, неискуснымъ подаяти дерзаете. Воспомяните яко и Саулъ безъ Самуила принесъ жертвы Богу, царствія лишися: тако и вы кромѣ повелѣнія архіереевъ Божіихъ, ученія, ученія же суетная творяще, отриновени будете отъ царствія небеснаго. Ея же тщеты и огня вѣчнаго муки во еже бы вамъ не подяти, престаните отъ начинаній вашихъ лукавыхъ, взыщите славы Богу"...

Для бо́льшаго обличенія этихъ іереевъ, „иже забывше званія своего пастырскаго, волкомъ хищнымъ уподобишася", въ проповѣди указывается противоположность духовнымъ въ лицахъ свѣтскихъ. „Обрѣтошася нынѣ вѣрнѣйшіи и праведнѣйшіи отъ тѣхъ злыхъ іереевъ, мнози мирстіи людіе не точію отъ благородныхъ, но и смиренное имя и малу славу имущихъ: еже есть отъ слугъ болярскихъ". Храня въ сердцѣ своемъ страхъ Божій, соблюдая православную вѣру, они твердо ополчились за Церковь, православнаго царя и православныхъ христіанъ, проливали свою кровь, а многіе потеряли жизнь. За то такая храбрость въ борьбѣ съ расколоучителями пріобрѣла имъ вѣчную награду Бога, милость царя, славу и благодарность православныхъ.

Показанное обличеніе въ прямомъ содѣйствіи религіознымъ возмущеніямъ, очевидно, относится не къ цѣлой корпораціи духовныхъ, а къ отдѣльнымъ единицамъ, имена которыхъ сохранила исторія. Между тѣмъ, къ остальному духовенству проповѣдникъ обращается съ похвалою и утѣшеніемъ: „доблїи же и постояніи іереи да возвеселятся, яко искушенію бывшу, непоколебими пребыша, яко огнемъ злобы неопальни явишася и великимъ обуреваніемъ и волненіемъ, изъ ладіи доблести не испадоша... Ниже да смущается святый соборъ честныхъ іереовъ, яко посредѣ его лукавіи обрѣтошася: нѣсть бо се безчестіе благимъ: якоже ни іудино паденіе есть безславіе апостольскому лику: каждо бо отъ своихъ дѣлъ или прославляется, или осуждается".— Но обличеніе въ „ненаказаніи чадъ духовныхъ" и въ „неискусствѣ", какъ причинахъ раскольническихъ заблужденій и волненій, относится и къ этимъ честнымъ іереямъ.

Такимъ образомъ, духовные не смотрѣли за своимъ стадомъ и не наставляли его; но это послѣднее было слѣдствіемъ ихъ собственнаго невѣжества. Предвидя ссылку на собственную неученость, какъ на оправдательный мотивъ, Полоцкій говоритъ: „но речетъ нѣкто отъ священниковъ, яко многому не научихомся писанію, тѣмъ и наказывати нѣсмы доволни". Таковой, по сознанію Полоцкаго, осуждаетъ самъ себя, показывая въ себѣ человѣка, недостойнаго священства, ибо священнику „подобаетъ быти учителну: аще священникъ есть, да вѣсть законъ Господень, глаголетъ Іеронимъ святый: аще же не знаетъ закона Господня, самъ себѣ обличаетъ, яко нѣсть іерей Господень. Чесому убо іерей невѣжда уподобитися можетъ, есть соль обуявшая... есть солнце потраченное.., есть вождь слѣпый.., пастырь, пасущійся отъ стада, а не пасый его... есть стражъ спящій.., есть песъ нѣмый, немогущій лаяти".

Имѣя въ виду это нерадѣніе духовныхъ и считая ихъ неискусство послѣдней причиной „злыхъ приключавшихся", въ концѣ проповѣди „смиренніи архіереи" (отъ лица которыхъ написано разбираемое нами слово) обращаются съ такимъ возваніемъ къ іереямъ: „се нынѣ повелѣніемъ благочестивѣйшаго Государя царя и великаго князя Алексія Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца: и по благословенію святѣйшаго Іоасафа патріарха московскаго и всея Россіи: засвидѣтельствуемъ вамъ всѣмъ іереомъ, во святѣмъ Божіемъ храмѣ, предъ престоломъ Царя небеснаго, идѣже Духъ Святый священники поставляетъ и предъ всевидящимъ его окомъ, молимъ вы, да не едино ни въ чемъ даете людемъ претыканіе, да служеніе безпорочно будетъ. Добри будите служителіе Христу Іисусу. Скверныхъ же и бабскихъ басней отрицайтеся. Завѣщевайте чадомъ вашимъ духовнымъ, еже благочестно жити и страхъ Божій въ сердцахъ си имѣти. Учите прилежно всякому добронравію. Сами же образъ будите вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою. Внемлите чтенію, утѣшенію, ученію. Вы есте свѣтъ міру... Вы есте пастыріе"... и т. д.

Обращая назадъ наше вниманіе, т. е. припоминая взгляды Полоцкаго на суевѣріе и расколъ, мы видимъ, что то и другое онъ считалъ продуктомъ, естественнымъ слѣдствіемъ невѣжества. Смотря такъ на источникъ современныхъ духовныхъ болѣзней, онъ не довольствуется, однакоже, показанными увѣщаніями: онъ считаетъ необходимымъ показать русскому человѣку важность и пользу просвѣщенія. Сюда относятся двѣ проповѣди его. Одной („о Писаніи Божественномъ“) мы уже касались выше; но мы касались только второй половины ея, гдѣ говорится о расколѣ. Въ первой половинѣ этой проповѣди раскрывается мысль о необходимости изучать Св. Писаніе. Это — разсужденіе спеціальное, отвлеченное, основанное на святыхъ отцахъ[1]). Другое слово — на день Рождества Христова, написанное, а можетъ быть, и произнесенное отъ лица святѣйшихъ патріарховъ, Паисія Александрійскаго и Макарія Антіохійскаго, трактуетъ о взысканіи божественной премудрости, говоритъ о просвѣщеніи примѣнительно къ современному порядку вещей. Разсмотримъ ту и другую проповѣди.

„По изгнаніи праотца Адама изъ рая“, такъ начинается слово „о Писаніи Божественномъ“, „вся потребная жизни человѣчестей трудами снискаеми бываютъ, не точію же плотская, но и духовная“. Источникъ премудрости, необходимой для удовлетворенія духовныхъ потребностей, указанъ премудростію упостасною въ Св. Писаніи. Ради большой пользы отъ Св. Писанія оно можетъ быть названо разными „имены“. Такъ, оно есть „посланіе Божіе къ людямъ, посланіе, приносящее свѣтъ жизни, учащее добронравію, устрояющее врачество душевное, прописующее правило житія добраго“. Имъ уничтожается невѣріе и грѣхъ. И если грамоты земныхъ царей „взыскуются“ съ пріятностію, тѣмъ съ большимъ стараніемъ необходимо искать посланій небеснаго Царя, доставляющихъ вѣчныя блага. Великое свѣтило вселенской церкви Василій Великій Св. Писаніе уподобляетъ мурохранилищу, такъ какъ въ немъ можно найти врачество противъ всѣхъ душев-

---

[1]) Въ рукоп. собр. пропов. Полоцкаго надъ словомъ о Писаніи Божеств. замѣчено: scripsi anno 1674 illimo Paulo Aprilis 8 (вѣроятно оно б. написано для Павла, митроп. Сарскаго и Подонскаго).

ныхъ болѣзней. Богомудрый Амвросій въ толкованіи евангельской притчи о вертоградѣ подъ столпомъ его разумѣетъ Св. Писаніе: „какъ стражъ съ высоты столпа видитъ окрестности на всѣ стороны, такъ занимающійся Писаніемъ можетъ созерцать и настоящее и будущее, Божіе и человѣческое, явное и тайное“. Папа римскій Григорій уподобляетъ его „зерцалу, въ которомъ можно видѣть лицо внутреннее“. Златоустый называетъ его духовнымъ сокровищемъ, всѣхъ обогащающимъ. Но Священное Писаніе есть духовная глубина. Вотъ почему оно представляетъ „бѣдство“ неискуснымъ въ духовномъ плаваніи. И „мнози въ той глубинѣ потонуша, иже не въ ладіи Церкве, ни кормиломъ ея правими быти хотяще“. Пускаясь въ эту глубину, они терпѣли кораблекрушеніе отъ вѣтровъ ересей и низвергались въ глубину ада. Таковы: Арій, Несторій и др. „Тоя глубины и нынѣшнимъ суемудрцемъ, во глубину Писанія продерзововрѣвающимся и по своему умышленію толкующимъ я, блюстися подобаетъ, да не подобная овымъ постраждутъ. Безчинно и погибельно есть, егда кто неискусенъ плаванія ввергается въ пучину бисерей искати: подобно есть тому, аще невѣгласъ рѣется въ глубину Писаній, тайныя бисеры премудрости взимати“. Такимъ людямъ, которые любятъ сохранять благочестіе, но которые „мало ученія снискали“, по сознанію Полоцкаго, достаточно стоять на берегу рѣки священной, утоляя свою жажду животворною водою.

Въ этомъ разсужденіи находимъ новую черту, указаніе на иную причину раскола: она кроется въ изученіи Св. Писанія, но не во всякомъ изученіи, а только въ неправильномъ, въ изученіи безъ предварительной къ тому подготовки. Но пусть бы еще „невѣгласъ“ (невѣжда) изучалъ Писаніе для себя самого и заблуждался одинъ; нѣтъ, онъ рѣшался сообщать результаты своего изученія другимъ. Вотъ почему Полоцкій и говоритъ, что учиться всякому необходимо — и монаху и мірянину, чтеніе Писанія полезно мужчинѣ и женщинѣ, „но учити тому есть прилично, ему же дадеся ключъ разумѣнія и власть ученія. Толковати тому есть праведно и достойно, иже первѣе самъ ученикъ быти научися, тоже на сѣдалище учительское возведеся“. Таковыми толкователями Полоцкій считаетъ пастырей Церкви.

Но вотъ вопросъ: какимъ же образомъ пастыри могутъ выполнить свою миссію, когда они, по сознанію Полоцкаго, сами не особенно учены и искусны? Этотъ вопросъ и, вообще, вопросъ просвѣщенія русскихъ людей рѣшается въ словѣ на Рождество Христово, въ которомъ Полоцкій является болѣе современнымъ, чѣмъ гдѣ-либо.

Въ этой проповѣди опять встрѣчаемся съ указаніемъ на религіозное возбужденіе умовъ и состояніе современной Полоцкому науки русской. Такъ какъ это слово написано, а можетъ быть, и произнесено отъ лица восточныхъ патріарховъ, то патріархи здѣсь обращаются къ православному россійскому роду съ такою рѣчью. Сказавши, что они не сомнѣваются въ томъ, что каждый изъ русскихъ людей готовъ славить родшагося Христа, говорятъ: „не вѣмы, можетъ ли всякъ истинно о себѣ ко Богу сіе глаголати: уста моя возглаголютъ премудрость и поученіе сердца моего разумъ. Видимъ бо яко во мнозѣхъ отъ васъ не имѣетъ премудрость мѣста, идѣже главу приклонити. Скитается она, якоже Христосъ премудрость Божія въ Виѳлеемстѣ вертепѣ и нѣсть взыскаяй ея, аще и премудрый приточникъ вся вы сице увѣщеваетъ: сыне, аще пріимъ глаголы моя, и заповѣди въ себѣ сокрыеши, послушаетъ премудрость твое ухо и приложиши сердце твое разуму... Се коликая о православніи людіе премудрости изводства, польза и пріобрѣтеніе: вы же оставивше греческій языкъ, и небрегуще о немъ, отъ негоже имѣете просвѣщеніе ваше въ вѣрѣ православной: оставили есте и мудрость, и аки оземствоваше ю. Странніи роды, и противніи вѣрѣ православной, на западѣ обитающей, греческій языкъ, яко свѣтильникъ держатъ ради мудрости его и училища ею назидаютъ. Арапове же не хиротонисаютъ и единаго неискусна суща греческому языку. И иніи роди премнози за корень премудрости еллинскій нашъ языкъ имѣютъ: и того ради святый Боже, херувимскую пѣснь поютъ гречески и возгласы еллинскимъ языкомъ творятъ, якоже Грузи, Серби, Болгары, Мултане и Волоси. Здѣ точію лѣности ради зѣло обезцѣнися. Тѣмъ же блюдимся, да не о васъ оно истенствуется, еже во книзѣ премудрости, во главѣ третіей написася: премудрость и наказаніе уничижаяй, нечестенъ есть, и праздно упованіе ихъ, и труды безплодны, неключима дѣла ихъ и прочая“. Послѣ такого обличенія, патріархи, „наблюдшіе“

показанное „несовершенство“ молять именемъ Божіей премудрости, рожденной міру, взыскать премудрость, „яже есть свѣтъ очесъ умныхъ и правило всему житію человѣческому“. Совѣтуютъ позаботиться не о мудрости міра сего, которая есть безуміе, а о истинной, начало которой страхъ Господень, которая находится въ Писаніи, укрѣпляющемъ въ добродѣтели и „истинный путь благословеннаго житія умови“ показывающемъ. — Но на такое наставленіе можно было отвѣтить неимѣніемъ, отсутствіемъ училищъ. Патріархи предвидятъ это и говорятъ: не „отрицайтеся неимѣніемъ училищъ: ибо аще взыщете, дастъ предвѣчная мудрость до сердца благочестиваго сомодержца таково хотѣніе, еже училища построити, и учители стяжати въ семъ царствующемъ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ“. Однако же дальше находимъ обращеніе къ Алексѣю Михайловичу: „о твоей паки Богомъ дарованной ревности, благочестивѣйшій, тишайшій, самодержавнѣйшій, государю царю, и великій княже Алексій Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержче, вѣмы то, яко теплый еси рачитель премудрости: видимъ тя подобна Соломону въ любительствѣ ея. Тѣмъ же и дарова тебѣ Господь по желанію сердца твоего, еже вся разумно и премудро дѣлати, строити и правити: точію о семъ твой царскій пресвѣтлый престолъ умоляемъ: да якоже солнце, мѣсяцъ, звѣзды, планиты и всю поднебесную освѣщаетъ: тако и ты, солнце сый Россіи, даромъ премудрости, свыше тебѣ дарованнымъ, вся тебѣ подрученныя освѣтиши. Положи отнынѣ въ сердцѣ твоемъ, еже училища, тако греческая, яко славянская и иная назидати; студеовъ (студентовъ, учениковъ) милостію си умножати, учители благоискусныя взыскати: всѣхъ же честми на трудолюбіе поощряти: то абіе узриши многи ученія тщатели, а въ малѣ времени пріимеши дастъ Богъ плодъ стократный и полныя рукояти отъ сихъ сѣменъ. Тогда всякъ о себѣ возможетъ истинно глаголати къ Богу, источнику премудрости: уста моя возглаголютъ премудрость и поученіе сердца моего разумъ“...

Высказываясь такимъ образомъ, Полоцкій не былъ только популяризаторомъ, толмачемъ взгляда греческихъ патріарховъ, но, безъ сомнѣнія, выражалъ свои собственныя воззрѣнія. И желаніе его — видѣть славянскія и греческія училища на Руси — было, какъ нельзя болѣе, своевременнымъ. — Что касается

вчастности учрежденія греческихъ школъ, то и эта мысль была благотворною и, какъ извѣстно, не осталась безъ послѣдствій. Греческое просвѣщеніе, перешедшее въ Россію вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою, не могло, конечно, на первыхъ же порахъ породить такого крупнаго явленія, какъ греческая школа или русская школа съ элементомъ греческой науки: а создалась переводная письменность.— Но при переводѣ подлинный греческій текстъ искажался, такъ что уже въ XVI столѣтіи явилась необходимость исправленія церковно-богослужебной литературы. Кто же могъ совершить это дѣло столь раціонально, какъ не люди, получившіе греческое образованіе, знающіе греческій языкъ?! Да и вообще греческое просвѣщеніе могло парализовать недостатки русской мысли и жизни.

Перейдемъ теперь къ изложенію взглядовъ Полоцкаго на воспитаніе и обученіе, изложенныхъ въ поученіи „о достодолжномъ чадъ воспитаніи“ [1]), въ словѣ на день преподобныхъ Ксенофонта и Маріи [2]), на день Николая чудотворца [3]), частію въ словахъ: на день Мареы [4]) и Саввы звенигородскаго [5]).

Въ основу отношеній родителей къ дѣтямъ Полоцкій полагаетъ духовную, непревышающую мѣры, любовь: „любы родителей къ чадомъ полезна есть рождшимъ и рожденнымъ. Аще же выше мѣры и тѣмъ вредъ творитъ и овымъ“. Этотъ вредъ, проистекающій отъ „материнскаго ласкательства“ и „отчаго ненаказанія“ и заключающійся въ постепенномъ укорененіи дурныхъ навыковъ, условливается воспріимчивостію природы дѣтей.— Свое мнѣніе о воспріимчивости дѣтской натуры Полоцкій подтверждаетъ ссылкой на авторитеты. Такъ, приводитъ мнѣніе „премудраго“ Платона, который „воску юношеская сердца уподобляетъ, зане якоже воскъ всякія печати на себѣ воображеніе пріемлетъ, за удобство мягкости своея: тако юныхъ сердца всякій нравъ удобо пріемлютъ мягкосердія ради“. Если воспитатель напечатаетъ на этомъ воскѣ голубя, человѣкъ

---

[1]) Обѣдъ, л. 540.
[2]) Вечеря, 238.
[3]) Ibid. 140.
[4]) Ibid. 8.
[5]) Ibid. 132.

будетъ незлобивымъ и цѣломудреннымъ; если — высокопарящаго и свѣтолюбиваго орла, — человѣкъ будетъ мудрствовать о свѣтломъ и вышнемъ; если — „землеточиву кроторію“ или „благорачителя вепря“, — человѣкъ будетъ любить земное и искать грѣховнаго болота; если — „лютаго льва или хищнаго волка“, — человѣкъ будетъ жестокимъ и хищнымъ; если — трудолюбиваго вола, — человѣкъ будетъ трудящимся; если — лѣниваго осла, — получится лѣнтяй; если — гнѣвливаго медвѣдя, хитраго лиса, лающа пса, — человѣкъ будетъ гнѣвливымъ, хитрымъ и „лаятелемъ честныхъ“; кто изобразитъ „смиреннаго агнца или чистаго горностая“, тотъ получитъ смирнаго и честнаго человѣка. — Приводитъ, затѣмъ, мнѣніе иного философа [1]), сравнивающаго дѣтскій умъ съ ненаписанною доскою, на которой воспитатель по произволу можетъ писать, что захочетъ: „точнѣ во умѣхъ юношескихъ что-либо хощеши вообразится или добро или зло и выну пребываетъ и прибываетъ“. Это пребываніе (память) и прибываніе (увеличеніе познаній) Полоцкій сравниваетъ съ дынею, растущею въ огородѣ: „писаніе“ или какое-либо изображеніе, будучи сдѣлано на ней, когда она еще мала, увеличивается съ ея выростаніемъ; сравниваетъ съ брошеннымъ на нивѣ сѣменемъ, которое возрастаетъ въ колосъ: „тако обученіе юныхъ, мало засѣется: но возраститъ во велико и вѣтви произведетъ многи“. Употребляя такія сравненія, Полоцкій вполнѣ соглашается съ ученіемъ „иного философа“: „юныхъ сердца, говоритъ онъ, наипаче суть скрижали, не каменныя, но плотяныя, на нихже аще кто Христово напишетъ посланіе, то пребудетъ выну. Аще же кто демонскую начертаетъ букву, неудобь сотретися можетъ“.

Наконецъ, въ доказательство мысли о воспріимчивости дѣтей приводитъ мнѣніе еще „иного любомудреца“, уподобляющаго отроковъ новому сосуду, который никогда не лишается влитой въ него „вони“.

Признавши, что дѣтская душа есть tabula rasa, на которой можно писать, что угодно и сказавши, что какъ въ кривизнѣ дерева виновны садовники, а въ „нелѣпіи“ вещей художники, такъ въ злонравіи дѣтей виноваты воспитатели, указываетъ положительныя педагогическія правила или средства.

[1]) Можетъ быть, даже современника своего Локка, начертавшаго планъ своего „опыта о человѣческомъ разумѣ“ еще въ 1670 году.

Этихъ средствъ или „вещей нуждныхъ благовоспитанію“ Полоцкій предлагаетъ четыре. Первое „есть жезлъ“. Необходимость этого воспитательнаго средства, по мнѣнію Полоцкаго, указалъ Самъ Господь Богъ „образно“, когда повелѣлъ Ізраилю хранить въ ковчегѣ Завѣта, вмѣстѣ съ сосудомъ манны и скрижалями, жезлъ Аарона. Не только въ одномъ этомъ жезлѣ, но и въ двухъ другихъ священныхъ предметахъ ковчега нашъ педагогъ-проповѣдникъ видитъ указаніе на „чадопитаніе“. Положеніе въ ковчегѣ Завѣта манны внушаетъ родителямъ и воспитателямъ обязанность „отечески“ промышлять о дѣтяхъ, доставляя имъ все необходимое; скрижали указываютъ на законъ Божій, которому должно учить дѣтей, а жезлъ Аарона — на необходимость наказанія. Эта необходимость жезла подтверждается еще словами приточника, мотивируется опасеніемъ душевной и вѣчной погибели дѣтей: „не щадите здѣ жезла на хребты ихъ (дѣтей) налагати, да не будутъ и съ вами купно жезломъ желѣзнымъ гнѣва Божія, яко скудельніи сосуди сокрушенни: или яко худіи сосуди, въ нечесть вѣчную обращенни“. Въ другомъ мѣстѣ совѣтуетъ не щадить жезла, потому что онъ „злобы искоренитель и насадитель добродѣтелей“.—Усвояя такое значеніе „жезлу“ или, иначе, палкѣ, розгѣ, тѣлесному наказанію, поставляя его во главѣ всѣхъ воспитательныхъ орудій, Полоцкій является выразителемъ современнаго ему общественнаго мнѣнія и повторяетъ то, что заповѣдано еще „Домостроемъ“. Вотъ почему было бы излишнею строгостію обвинять его въ крайнемъ ригоризмѣ и несообразной съ достоинствомъ христіанскаго проповѣдника грубости. Если и въ наше, такъ называемое, гуманное время невполнѣ еще утрачено педагогическое значеніе жезла, если и до сихъ поръ, даже люди образованные, представляютъ его точнымъ символомъ родительской власти и основнымъ регуляторомъ воспитанія, то что и говорить о педагогическихъ воззрѣніяхъ XVII вѣка!

Вторая „вещь“, „нуждная благовоспитанію“, есть „еже дѣтямъ злаго возбраняти общества, съ лукавыми дружитися не попущати“. Этотъ педагогическій совѣтъ подтверждается примѣромъ Еввы, возгордившейся подъ вліяніемъ діавола, примѣромъ людей израильскихъ, прилагавшихся беззаконнымъ дѣйствіямъ ради содружества, общенія съ язычниками, словами Сираха и Псалмопѣвца.

„Третія вещь есть, еже злаго по себѣ образа не являти чадомъ“. Родителей, неисполняющихъ этого правила, Полоцкій называетъ окаянными чадоубійцами, а тѣхъ, „ихъ же житіе добродѣтельное есть чадомъ образъ благонравія, зерцало исправленія и правило дѣяній благихъ“, блаженными.

Примѣру вообще и дурному вчастности Полоцкій усвоялъ весьма большое, даже исключительное значеніе: „ни злоба, ни благость по естеству отъ родителей ни сходитъ на чада, но по ученію, *по образу* родителей: по волѣ же и навыкновенію рожденыхъ“. Категорически замѣчая, что у добрыхъ родителей и дѣти бываютъ хорошими и наоборотъ, вліяніе дурнаго примѣра, укореняющаго злые навыки, Полоцкій считалъ трудно уничтожимымъ: „трудно есть злыхъ родителей чадомъ измѣнити злый нравъ и добрая глаголати: яко отъ пеленъ родителма научаются злонравію и злословити. Неудобно трезвеннымъ имъ быти, занеже отъ дѣтства упиватися попущаютъ. Невозможно чистымъ соблюстися: ибо въ младенчествѣ си видятъ и слышатъ и говорятъ нечистому невозбранно“.

Четвертое „есть, еже родителемъ, отъ младыхъ ногтей, отъ сосцу матерню страху Божію обучати младенцы своя, да паче растутъ въ добродѣтели, нежели въ количество плоти“. Это педагогическое положеніе раскрывается частнѣе въ десяти рубрикахъ. Во 1-хъ, „прежде всѣхъ словесъ“ нужно, чтобы дѣти умѣли „глаголать господню молитву и архангельскій гласъ къ Богородицѣ“ (молитву „Богородице, Дѣво, радуйся“...). Во 2-хъ, дѣти должны знать, что „Богъ есть единъ существомъ во Троицѣ ѵпостасей“ и символъ вѣры. Въ 3-хъ, должны знать и хранить заповѣди Божіи и особенно десятословіе. Въ 4-хъ, родители обязаны чаще посылать и водить дѣтей въ церковь на молитву и особенно къ литургіи. Въ 5-хъ, родители должны внушать дѣтямъ необходимость частаго покаянія и очищенія грѣховъ. Въ 6-хъ, необходимо учить, чтобы дѣти, пробудившись и ложась спать, читали молитвы Богу, Богородицѣ, ангелу хранителю, соименнымъ и всѣмъ святымъ. Въ 7-хъ, нужно хранить „бережно отрочатъ отъ отроковицъ соиграніа, купноспанія, да не діавольскимъ навожденіемъ впадутъ во искушеніе“. Въ 8-хъ, необходимо обучать дѣтей рукодѣлію или какому-либо „честному упражненію: да не во празденствѣ

живуще, пріобыкнутъ злобамъ: праздность бо есть питательница тымъ". Въ 9-хъ, родители должны „промышлять о честномъ и душеспасительномъ санѣ житія временнаго или духовнаго или мірскаго", т. е. на нихъ лежитъ забота сдѣлать дѣтей или честными духовными лицами, или мірянами. Наконецъ, въ 10-хъ, не должны оставлять дѣтей безъ совѣта и руководства и тогда, когда возрастутъ, выйдутъ изъ-подъ опеки. — Положивши такія правила, проповѣдникъ замѣчаетъ: „аще воспитаете сицевымъ образомъ чада ваша, истинніи будете родители ихъ, не точію тѣлесемъ, но и душамъ: ибо тѣлесы рождше я въ мірѣ естественнѣ, душами родите Богу нравно" [1]).

Но кромѣ этихъ вещей, нужныхъ при „благовоспитаніи", мы находимъ у Полоцкаго (въ проповѣди на день Николая чудотворца) „образъ преполезный дѣтскія юности наставленія", заимствованный имъ у одного изъ „учителей искусныхъ". Этотъ учитель всю пору воспитанія дѣлитъ на три седмилѣтія (слѣдовательно, ограничиваетъ 21 годомъ человѣческой жизни) и совѣтуетъ слѣдующее. Въ первое седмилѣтіе родители „да учатъ чада си, благая и чистая словеса, а не худая и скверная глаголати, праведная, а не ложная вѣщати". Во второмъ седмилѣтіи „да учатъ я коему либо художеству, да возмогутъ тѣмъ нуждная житію стяжати". Подъ художествами здѣсь, вѣроятно, нужно разумѣть собственно ремесла, а не „художества свободная": грамматику, реторику, философію, „яже зѣло суть полезна во гражданствѣ и къ духовной премудрости пособственна" [2]). Но особенно необходимо хранить дѣтей отъ „видѣнія скверныхъ", такъ какъ „нѣсть лѣпо" дѣтямъ говорить и видѣть дурныя вещи. — Основаніе обученія художеству (искусствамъ, ремесламъ) и предотвращенія дѣтей отъ злонравственныхъ впечатлѣній „даетъ Аристотель, когда говоритъ, что „вся первая", т. е. все воспринимаемое въ дѣтствѣ, воспринимается съ большимъ интересомъ и вниманіемъ и твердо удерживается въ памяти". — Послѣ втораго седмилѣтія, когда дѣти „пріимутъ разумъ благъ и доволенъ, да учими будутъ страху Божію и мудрости, еже како

[1]) Обѣдъ, л. 540-й.

[2]) Вечеря, 225 листъ.

Богу жити, разумѣнію же и искусству, како честно гражданствовати въ мірѣ". — Представляя этотъ „образъ наставленія", проповѣдникъ-педагогъ замѣчаетъ, что воспитанный согласно его требованію юноша будетъ добрымъ человѣкомъ до старости; впрочемъ допускаетъ „измѣну", т. е. исключенія и ссылается въ этомъ случаѣ на историческіе факты.

Вотъ воспитательная теорія или, точнѣе, сумма педагогическихъ воззрѣній и наставленій проповѣдника и представителя образованности XVII вѣка! Въ этомъ кодексѣ наставленій, прежде всего, нѣтъ педагогической систематичности и полноты. Затѣмъ, все здѣсь преслѣдуетъ религіозно-нравственныя цѣли. Правда, въ числѣ „вещей, нуждныхъ благовоспитанію" и въ „образѣ преполезномъ дѣтскія юности наставленія" указывается художество, не какъ предметъ воспитанія и обученія, но какъ предметъ второстепенный. По убѣжденію Полоцкаго, необходимо учить дѣтей „прежде добронравію, неже витійству: яко сіе безъ онаго, аки тѣло безъ души есть: она же безъ сего яко душа тѣлесе кромѣ"[1]. — Но проповѣдуя необходимость и важность воспитанія, какъ средства сдѣлать человѣка честнымъ членомъ Церкви, общества и семьи и представляя воспитаніе непремѣннѣйшимъ, обязательнѣйшимъ долгомъ родителей, Полоцкій находилъ возможнымъ высказывать извѣстный, свойственный его времени, взглядъ на женщину, отъ которой собственно и зависитъ все дѣло воспитанія и въ особенности первоначальнаго нравственнаго вліянія. Это воззрѣніе на женщину Полоцкій спеціально, подробно излагаетъ въ проповѣди на недѣлю 27 по сошествіи Св. Духа[2]. Правда, въ началѣ проповѣди проповѣдникъ замѣчаетъ, что „жена слякая (т. е. только больная, дурная) по разуму нравному прилично знаменуетъ душу грѣшную", и ссылается въ этомъ случаѣ на авторитетъ Θеофилакта, но тотчасъ же измѣняетъ первоначальный смыслъ своего толкованія и говоритъ: „прилично же чрезъ жену (то-есть всякую женщину) душа грѣшная разумѣется, ибо многа свойства женска изображеніе суть нравовъ грѣшничихъ". Потомъ указываетъ двѣнадцать, характеризующихъ женщину, чертъ, со-

[1]) Вечеря, листъ 141.

[2]) Обѣдъ, л. 446.

поставляя ихъ со свойствами женской души. Вотъ эти черты. Первая черта, „яко многшія отъ женъ имутъ ума непостоянство и движеніе“. Подобное непостоянство свойственно грѣшной душѣ. Вторая, „яко жены немощни суть умомъ же и плотію“. Душа грѣшная не крѣпка въ борьбѣ съ искушеніями діавола. Третья, „яко жена любитъ украшатися и странною притворныхъ шаровъ лѣпотствоватися красотою, да всякое нелѣпіе си утаивши, похвалу имать у плотолюбцевъ красоты тѣлесныя“. Грѣшная душа, подобно этому, „пестрится красотами притворныхъ добродѣяній“. Четвертая, „яко жена имать гласъ тоншъ мужеска“. Грѣшная душа имѣетъ „тонокъ“ и „скуденъ“ голосъ „ко явленію Господа“. Пятая, „яко жена скороглаголива и неудержана языка“. Душа грѣшника скора „еже глаголати злая, хульная, лютая“ и проч. Шестая, „яко жена есть коснодвижима“. Душа грѣшная косна (медленна) къ покаянію. Седьмая, „яко жена скорогнѣвлива есть“; такова же и душа грѣшная. Восьмая, „жена есть домоненавистлива, наипаче сварливая, кроткихъ: блудная, цѣломудренныхъ, злая, благихъ“. Грѣшныя души ненавидятъ праведниковъ. Девятая, „жена обыче завистлива быти“. Грѣшные завидуютъ счастію благихъ. Десятая, „жена нелюботрудна, за скорое изнеможеніе“. Грѣшникъ не любитъ „трудовъ покаянія“. Одиннадцатая, „жена малонадежна есть, скоро упованія отпадаетъ“. Грѣшникъ мало надѣется на Бога. Двѣнадцатая, „жена, аще срамъ честный (честь свою) единою погубитъ, безстудія личиною покрывается“. Такъ и грѣшная душа, „егда грѣховъ обыкновеніе пріиметъ, всячески безстудна бываетъ“. Къ этой характеристикѣ женщины считаемъ необходимымъ присовокупить нѣсколько словъ изъ другой проповѣди: тамъ говорится о Николаѣ Чудотворцѣ, что онъ „съ поломъ женскимъ, яко со тлею юности, никогдаже глаголаше и самозрѣніе на ня, ядъ аспиденъ быти вмѣняше“ [1]).

Не останавливаясь на разборѣ показанныхъ сопоставленій, ограничимся замѣчаніемъ, что въ нихъ сказывается наблюдательность проповѣдника и что многія изъ чертъ неоспоримо вѣрны. Въ настоящую минуту для насъ важно то вліяніе, которое могла и даже неизбѣжно должна была производить пропо-

---

[1]) Вечеря, л. 142, на об.

вѣдь на слушателя-мужчину. Бѣдная русская женщина! На ней и безъ того лежало деспотическое ярмо мужа; указаніе же съ церковной каѳедры однихъ дурныхъ свойствъ въ ней, никакою разумною цѣлію не оправдываемое, увеличивало тяжесть этого ярма: давалась санкція, законное право мыслить ее отродьемъ сатаны и обнаруживать на ней размашистость русской натуры, отнималось и ея воспитательное значеніе.

Впрочемъ иногда, хотя весьма рѣдко, Полоцкій обнаруживаетъ и уваженіе къ женщинѣ. Напримѣръ, въ словѣ на 26 недѣлю по сошествіи Св. Духа, онъ даетъ наставленіе „оставлять женъ“, „аще отлучаютъ отъ Господа“, но „аще кому есть жена блага, цѣломудренна и страхъ Божій во сердцѣ си хранящая, да идетъ купно и со женою на вечерю небесную, пріиметъ оба премилосердый зватель“ [1]). Но такія замѣчанія, имѣющія въ виду добродѣтельную женщину, по своей незначительности не могли парализовать того вліянія, какое могъ имѣть показанный, унижающій вообще женщинъ, взглядъ Полоцкаго.

Что же касается мнѣнія, будто Полоцкій защищалъ необходимость женскаго образованія [2]), то оно, вѣроятно (защитники мнѣнія не указываютъ его основаній), основывается на показанномъ уже нами замѣчаніи Полоцкаго, что „чтеніе божественныхъ писаній всякому полезно и мужу и женѣ“ [3]). Но это такое общее мѣсто, которое не даетъ права называть Полоцкаго литературнымъ защитникомъ женскаго образованія.

Остановимся, наконецъ, на трехъ проповѣдяхъ, вызванныхъ частными фактами времени. Это а) слово на день митрополита Петра [4]), и два слова къ „православному и христоименитому запорожскому воинству“ [5]).

Первое произнесено въ присутствіи восточныхъ патріарховъ, Паисія и Макарія, во время междупатріаршества въ Россіи.

---

[1]) Обѣдъ, 465 л.

[2]) Руководство для историч. изученія замѣчат. произвед. русск. литер., Стоюнина, 107 стр.

[3]) Прибавленіе къ Вечери, 5 л., на оборотѣ.

[4]) Ibid., л. 154.

[5]) Ibid., л. 86, 94.

Современное, а съ тѣмъ вмѣстѣ и историко-литературное значеніе этого слова обусловливается присутствіемъ въ немъ церковно-патріотическаго элемента. Онъ сказывается „въ добромъ надѣяніи“, что святый Петръ поможетъ „крѣпко стати противъ кознемъ діавольскимъ и вся враги побѣдити“, затѣмъ, выражается въ формѣ энтузіастическихъ восклицаній, обращенныхъ къ россійскому царству и государю. Находя большое счастіе для Москвы въ мощахъ св. Петра, проповѣдникъ восклицаетъ: „о, сугубо благословенна еси ты Церкви мати всѣхъ церквей россійскія земли, яко сія содержиши обоя (храмъ святителя и раку съ мощами его). Но ты трегубо благословенъ еси, благовѣрный, богохранимый государю царю и великій княже, Алексію Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, яко сія три во твоемъ царствѣ благоговѣйно соблюдаеши“ (храмъ, раку съ мощами и почитаніе этихъ мощей). Въ концѣ слова есть указаніе на то, что праздно патріаршее мѣсто. Проповѣдникъ молитъ святителя Петра „божественною десницею не праздно сотворити“ это мѣсто, дать пастыря его „изволенію угодна и пріятна“. Такая молитва могла и должна была имѣть значеніе: она указывала какъ присутствовавшимъ патріархамъ, такъ и всему русскому духовному представительству на необходимость избрать дѣйствительно достойнаго человѣка, который бы не опорочилъ своей дѣятельностію такого Архипастыря, какимъ былъ митрополитъ Петръ.

Одно изъ словъ къ запорожскому воинству сказано по поводу принесенія честной иконы Божіей Матери „на Донъ въ полкъ думнаго дворянина и воеводы, собранный на Агаряны[1]); другое — по случаю принесенія иконы святаго Алексія, митрополита кіевскаго, въ полки, „собранные противу нечестивымъ Туркамъ и Татарамъ“.

Содержаніе перваго слова слѣдующее. Воспоминая изъ ветхозавѣтной исторіи событіе принесенія кивота завѣта въ израильскіе полки и то вліяніе, какое это принесеніе произвело на самыхъ враговъ, проповѣдникъ сопоставляетъ ветхозавѣтный кивотъ съ мысленнымъ — Божіею Матерью; разсказываетъ много событій изъ исторіи войнъ греческихъ и русскихъ им-

[1]) Въ рукописи предъ этимъ словомъ сдѣлана надпись: scripsi anno 1673, Maу 5.

нераторовъ, гдѣ Матерь Божія являлась помощницей православнаго воинства; похваляетъ Алексѣя Михайловича за соблюденіе древняго обычая — имѣть въ полкахъ образъ Божіей Матери; убѣждаетъ думать, что и для запорожскаго воинства Божія Матерь будетъ помощницей и заступницей при борьбѣ за дѣло Божіе, — за Церковь православную и свободу братіи, „во плѣненіи агарянстемъ сущей“. Въ концѣ проповѣди Полоцкій возсылаетъ молитву къ Богородицѣ, прося её о помощи и заступленіи.

Въ другомъ словѣ частію похваляется за подвиги въ борьбѣ съ нечестивыми басурманами запорожское воинство и Алексѣй Михайловичъ, „единъ сый подъ солнцемъ царь благочестіемъ сіяющій, единъ высочайшій столпъ и утвержденіе Церкви, теплый православныхъ поборникъ, истинныя вѣры разширитель“ и проч., частію прославляется святитель Алексѣй, икона котораго принесена въ полки. Въ заключеніи слова даются наставленія — не страшиться, не ужасаться „салтана турецкаго и хана перекопскаго“ и воевать съ надеждой на Бога, на покровительство Божіей Матери, святаго Алексѣя и единодушно. — Въ томъ и другомъ словѣ, особенно второмъ, проповѣдникъ возбуждаетъ энтузіазмъ въ воинахъ; но этотъ энтузіазмъ теряетъ свою силу, благодаря удивительной и совсѣмъ несоотвѣтствующей случаю длинноть того и другаго.

Но кромѣ разсмотрѣнныхъ нами (одиннадцати) историко-литературныхъ поученій, трактующихъ о предметахъ, болѣе или менѣе совпадавшихъ съ явленіями современной Полоцкому русской жизни, направленныхъ спеціально на недостатки общественные, въ массѣ его проповѣдей мы находимъ и такія, въ которыхъ онъ касается фактовъ окружающей жизни лишь отчасти, „между прочимъ“.

Такъ, въ одной проповѣди обличается современное тунеядство, обманъ и проч.: „увы намъ, яко многіе нынѣ не свой хлѣбъ ѣдятъ. Чюждый хлѣбъ у многихъ господей, иже неправедныя, излишнія дани отъ подданныхъ вземлютъ. Чюждый хлѣбъ у рабовъ, иже оброки своими недоволни суще, крадутъ или коварно питаются. Чюждый хлѣбъ у рукодѣльцевъ, иже рукодѣлія си неправедно дѣлаютъ и выше цѣны продаютъ.

Чюждый хлѣбъ у купцовъ, иже лютѣ прелщаютъ въ купованіи и продаяніи. Чюждый хлѣбъ у богатыхъ, иже или лихоимствомъ, или неправильнымъ промысломъ богатѣютъ. Чюждый хлѣбъ у всякихъ начальниковъ, иже подначальныя си обидяще, сами пространно питаются слезами и кровію бѣдныхъ. Чюждый хлѣбъ у нищихъ тѣхъ, иже могуще трудитися лѣнятся и собираютъ милостыню прошеніемъ, яже не тымъ лѣнивцемъ, но праведнымъ нищимъ должна есть“ [1]).

Въ другой проповѣди намекаетъ на современный расколъ: „оле развращенія! Мнози незваніи приходятъ на дѣло сіе [2]), ово сильныхъ заступленіемъ, ово злата прелщеніемъ, ово своимъ безстудствомъ и прелестію. Но да вѣдятъ сицевіи, яко аще и имъ дается власть пасенія и ученія, чрезъ рукоположеніе архіерейское: но помощи и благодати Духа Святаго тіи точію сподобляются, иже отъ Бога избранни суть и звани, тымъ токмо содѣйствуетъ Божія благодать“ [3]).

Въ словѣ второмъ на 18 недѣлю по сошествіи Св. Духа указывается на честолюбіе въ людяхъ свѣтскихъ и духовныхъ: „ничтоже ловительствуютъ искателіе чести и достоинствъ, иже вся труды своя и силы изнуряютъ и великія иждивенія полагаютъ, множицею же и брани кровопролитныя движутъ, во еже бы слово вѣтромъ развѣваемое о себѣ слышати, да наричемъ кто будетъ, сѵклитникъ или комитъ, или воевода, или думный, или окольничій, или боляринъ, или что ино отъ подобныхъ. И въ духовномъ жительствѣ, овъ тщится митрою архіерейскою главу украсити: овъ архимандритъ именоватися или игуменъ: овъ ино что подъ степенемъ вышнимъ нарещися“ [4]).

Во второмъ словѣ на 22 недѣлю по сошествіи Св. Духа, обращаясь къ иночествующей братіи, говоритъ: „не пріемлемъ ли возмездія суетнаго за духовныя дѣла? гонзаемъ ли всенародныхъ торжищъ во градѣхъ многолюдныхъ? Азъ дерзаю глаголати (простите мя братія правду рещи хотяща) не подражаемъ того премудраго праведника (Иларіона), но безсловеснѣй перепелищѣ подобимся, яже, узрѣвши нѣкогда ловца

[1]) Обѣдъ, 198 л., на обор.
[2]) Дѣло священно-служенія и учительства.
[3]) Обѣдъ, 297 л.
[4]) Ibid., л. 328.

сѣти растилающа, вопроси его: что бы то дѣялъ? онъ же отвѣща ей, яко градъ назидаю. Посемъ отшедшу ловителю, восхотѣ перепелица градъ той посѣтити и въ нуждная стяжати себѣ: и яко скоро помысли: тако немедленно влѣтѣ въ градъ той и бысть ловитва ловителю. Подобнѣ мы, егда во градъ часто ходимъ, въ сѣти ловителя адскаго впадаемъ: ибо яко перепелицъ ловитель, образъ древянъ по подобію перепелицы изваявъ, тѣмъ прелщаетъ несмысленную птицу: тако демонъ, образъ, изъ бренія или изъ кости по подобію нашему сотворенный, намъ предъ очеса поставляетъ и тѣмъ многажды принуждая и прелщая, мрежами смертныхъ грѣховъ уловляетъ и погубляетъ. Но и мзды временныя не точію не пренебрегаемъ, паче же лакомо ищемъ, не разсуждающе яко временная воздаянія пріемлюще, лишаемся вѣчныхъ. Любы сребра избодаетъ намъ очеса, еже не видѣти вреда и пользы“ [1]).

Въ проповѣди первой на недѣлю 27 по сошествіи Св. Духа, давая наставленіе достойно проводить праздники, Полоцкій запрещаетъ „упиваться, якоже обыкоша едва не всякихъ сановъ людіе“ и „украшатися ризами паче обычая страны, выше званія своего и паче достойнаго“ [2]).

Въ первомъ словѣ на сыропустную недѣлю, говоря о лицемѣрномъ постѣ, замѣчаетъ: „тожде же и у насъ многажды случайно быти вѣмы: ибо нѣцыи господіе, во время поста, толь сѣтовни и помрачени бываютъ, якоже вся стропотна видятся имъ быти въ домѣхъ, правое криво появствуется, и сладкое чувствуется горько. Жена нелюбезна, чада досадна, раби непотребни и вины не сотворше нещуются винни, что правымъ постникомъ аще есть прилично, всякъ совершенно разсуждаетъ разумѣетъ“ [3]).

Въ словѣ на день недѣльный читаемъ: „мы же наипаче во дни Господни всѣмъ душегубнымъ плотскимъ страстемъ свободно и охотно работствуемъ, ибо когда піанствомъ умы себѣ помрачаемъ? токмо въ день воскресный или во иный нѣкоторый праздникъ. Когда пиршества, бесѣды? когда всенощная при чашахъ полныхъ бдѣнія? Когда даже до дрождей истощеніе? токмо въ день воскресный“ [4]).

---

[1]) Обѣдъ, л. 381.
[2]) Ibid., 441.
[3]) Ibid., 562.
[4]) Ibid., л. 671.

Въ словѣ о благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ и слушаніи литургіи обличается между прочимъ обыкновеніе класть земные поклоны во время великаго входа и обычай нѣкоторыхъ во время словъ: *пріимите, ядите,* когда, по мнѣнію Полоцкаго, совершается пресуществленіе даровъ, не дѣлать и малаго поклона: „суть нѣцыи, иже во время великаго входа припадати до лица земли обыкоша, о нихже что имамъ рещи не вѣмъ, яко нѣсмь сердцевѣдецъ: точію то глаголю, что святая восточная Церковь, мати наша, держитъ и поучаетъ: яко аще кто мнитъ быти въ дарѣхъ приносимыхъ, тогда уже не хлѣбъ по существу, но совершенное тѣло и кровь Христову и того ради покланяется яко истинному Богу, той зѣло прелщается и согрѣшаетъ тяжко, яко не взыскуетъ вѣдѣнія тайны". „Обрѣтаются нѣцыи, иже словесамъ Христовымъ симъ: пріимите и ядите, се есть тѣло мое и симъ: піите отъ нея вси, сія есть кровь моя, глаголемымъ сущимъ, ниже малаго не творяютъ поклона, а нужда есть всячески тогда благодареніе Господеви воздаяти: ибо кто присѣдяй или предстояй трапезѣ царя земнаго, аще отъ него обдарствованъ будетъ пищею нѣкоею преизряднѣйшею, не абіе ли до лица земли покланяется и благодарствіе возсылаетъ? Колми паче при божественнѣй литургіи на трапезѣ царя небеснаго присутствующимъ, внегда имъ тѣми словесы Христосъ Господь самого себѣ въ пищу отдаетъ и питіе, достоинъ боголѣпный поклонъ воздаяти" [1])...

Въ другой проповѣди о благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ Божіемъ (изданной отдѣльно) указывается на современное неблагоговѣніе: „нынѣ мнози въ церкви Божіей безтрепетно стояще, не молитвою богохвальною огнеопальный ярости Божія пламень погашаютъ, но паче суесловнымъ глаголаніемъ возжигаютъ".

Къ числу показанныхъ проповѣдей можно отнести, наконецъ, три слова: на день Григорія Неокессарійскаго, 3-е слово на день Нерукотвореннаго Спаса и слово на погребеніе архіерея. Правда, въ печатномъ изданіи этихъ словъ нѣтъ ни одной современной іоты; но они заключаютъ въ себѣ элементъ современности въ первоначальномъ своемъ (рукописномъ) видѣ.

---

[1]) Вечеря, л. 8.

Вся современность первыхъ двухъ словъ состоитъ въ моленіи (находящемся въ концѣ) за царя Алексѣя Михайловича. Послѣднее слово было произнесено Полоцкимъ „по преставленіи почившаго о Господѣ блаженныя и святыя памяти великаго господина Павла, митрополита Сарскаго и Подонскаго". Оно написано въ 1675 г., ноября 10-го. Въ печатномъ изданіи многія мѣста, касающіяся личности митрополита Павла, которыхъ нельзя было приложить къ другимъ, опущены. Между тѣмъ умершій похваляется въ этихъ мѣстахъ за борьбу „съ нечестивыми церкве раскольниками: съ Никитою, съ Лазаремъ, съ Ѳеодоромъ, съ Аввакумомъ" [1]).

Показавши содержаніе проповѣдей Симеона Полоцкаго, мы имѣемъ возможность опредѣлить религіозно-нравственный идеалъ его. Очевидно, это — тотъ аскетическій идеалъ, который раскрывали въ своихъ поученіяхъ и древніе пастыри русской Церкви. Впрочемъ аскетизмъ Полоцкаго, такъ сказать, не безусловный. Внушая, напримѣръ, „не созидать (на землѣ) вящихъ житницъ тлѣнныхъ, на сохраненіе благихъ" [2]), онъ не считаетъ богатство препятствіемъ спасенія, если оно не „лакомо стяжется", если оно не забываетъ бѣдныхъ и проч. [3]); законъ Христа о несеніи креста проповѣдникъ прилагаетъ къ разнымъ званіямъ и состояніямъ [4]). Затѣмъ въ идеалѣ Полоцкаго свѣтитъ иная искра, которой мы не встрѣчаемъ у древнихъ проповѣдниковъ русскихъ: это мысль о наукѣ, какъ факторѣ общественной жизни. Въ древней Руси, какъ мы знаемъ, книжная ученость и грамотность обитала или по крайней мѣрѣ сосредоточивалась исключительно въ монастырской кельѣ: она трудно мирилась съ несовершенствами и недостатками мірской жизни. Полоцкій выводитъ науку и грамотность изъ ограды монастырской и дѣлаетъ ее факторомъ общественной жизни.

---

[1]) Описаніе слав. рукописей Моск. синод. библіот., отд. 2-й, см. рукоп. собр. проповѣдей Пол.

[2]) Обѣдъ, 426.

[3]) Ibid., 134.

[4]) Ibid., 602 л.

Затѣмъ, мы должны рѣшить (предположенный нами въ началѣ изслѣдованія) вопросъ — объ отношеніи проповѣдуемаго Полоцкимъ идеала или религіозно-нравственнаго матеріала къ духовнымъ потребностямъ современнаго ему русскаго общества. Иными словами: предлагая въ проповѣди духовную пищу своимъ современникамъ, руководился ли Полоцкій *ихъ насущными* потребностями, имѣлъ ли въ виду *ихъ* вопіющіе недостатки?

Здѣсь мы могли бы повторить взглядъ историковъ литературы на Симеона Полоцкаго, какъ „народнаго глашатая“ [1]), который „обращалъ вниманіе на состояніе и потребности современной русской жизни“ [2]). Но такой взглядъ, если не совершенно невѣренъ, то по крайней мѣрѣ преувеличенъ и требуетъ ограниченія.

При оцѣнкѣ произведеній церковнаго краснорѣчія необходимо держаться того же критерія, какимъ руководятся историки свѣтской литературы. А они, когда, напримѣръ, Карамзина называютъ сантиментальнымъ писателемъ, Жуковскаго — романтическимъ, а Кольцова — поэтомъ народнымъ, то поступаютъ такъ на основаніи всей совокупности или бо́льшей половины ихъ произведеній. Взглядъ на Карамзина, какъ писателя сантиментальнаго, на Жуковскаго, какъ романтика и Кольцова, какъ поэта народнаго, былъ бы ложнымъ, если бы первый былъ таковымъ лишь въ своей „Бѣдной Лизѣ“, другой — въ „Тэонѣ и Эсхинѣ“, а послѣдній — въ „Пѣснѣ пахаря“.

Руководясь сказаннымъ критеріемъ при рѣшеніи нашего вопроса, мы должны опредѣлить мѣсто, занимаемое историко-литературными поученіями Полоцкаго въ ряду остальныхъ его проповѣдей.

Если сочтемъ тѣ проповѣди, въ которыхъ мы отмѣтили намеки на современное положеніе вещей, если присоединимъ къ нимъ тѣ, изъ которыхъ мы извлекли замѣчанія относительно воспитанія [3]) и образованія [4]) и потомъ одиннадцать, спеціально трактующихъ о вопросахъ времени, то получимъ

---

[1]) Православное Обозрѣніе.

[2]) Исторія словесн. Порфирьева, ч. 1, стр. 519.

[3]) Вечеря, 8, 132.

[4]) Ibid., 225 л.

26 проповѣдей, — что́ составляетъ одну болѣе, чѣмъ осьмую часть всѣхъ проповѣдей Обѣда и Вечери. Если же не считать современными тѣхъ проповѣдей, въ которыхъ находятся лишь незначительныя, даже ничтожныя замѣчанія о фактахъ времени и назвать таковыми 11 [1]), тогда во всей громадной массѣ поученій (217-ти) почти только двадцатая часть интересна въ историко-литературномъ отношеніи.

Правда, и въ этой остальной массѣ догматическихъ и нравственныхъ словъ обнаруживается нравственно-практическое направленіе. Излагается ли догматъ вѣры, предлагается ли ученіе о христіанской добродѣтели, въ томъ и другомъ случаѣ важную роль играетъ нравственный выводъ, убѣжденіе примѣнять, осуществлять ту или другую христіанскую истину въ жизни: въ похвальныхъ словахъ, напримѣръ, особенно ясно обнаруживается стремленіе проповѣдника на примѣрѣ святыхъ показать возможность и необходимость реализированія истины. Но это убѣжденіе, это назиданіе всегда страдаетъ общностію. Наприм., въ проповѣди на 26 нед. по сошествіи Св. Духа, дается такое наставленіе: „не любите міра сего и суетій его. Исходите сердцемъ изъ Египта міра сего, аще хощете видѣти Бога, яко Моусей боговидецъ. Но и сапоги ваша изуйте, еже есть оставите вся земная, разрѣшите всякъ союзъ неправды, разорите житницы ваша тлѣнныя и раздадите жити тѣми заключаемая алчнымъ“ [2]). Въ проповѣди на день Срѣтенія Господня, послѣ наставленія „мысленныя первенцы воздаяти Богу“, говорится: „авельствуйте братіе, а не каинствуйте, лучшая дадите Богу, а не худшая: да пріятна жертва будетъ якоже Авелева“ [3]). Такого рода наставленія постоянны.

Затѣмъ, Полоцкій не довольствуется однимъ положительнымъ назиданіемъ — „дѣлать одно, избѣгать другаго“; слово его часто принимаетъ обличительный характеръ. Такъ, напримѣръ, говоря о милосердіи, милостынѣ, этомъ любимомъ предметѣ его проповѣди, онъ порицаетъ богатыхъ, старающихся

---

[1]) Историки дѣйствительно и останавливаются только на этихъ проповѣдяхъ, считая только ихъ историко-литературными.

[2]) Обѣдъ, 438.

[3]) Вечеря, 266.

оправдать свою скупость: „единъ веси гласъ“, говоритъ онъ, обращаясь къ богатому, „не имамъ ниже дамъ: нищъ бо самъ. Сіе есть извиненіе первое, еже ко просящимъ глаголютъ неправеднѣ... Второе извиненіе лакомыхъ и къ нищимъ не милосердыхъ есть сіе: нѣсть, глаголютъ, извѣстно, не нападутъ ли на ны нечаянныя нужды... Третіе извиненіе — нѣсть намъ толико имѣніе, да возможемъ множеству просящихъ довольни быти... Четвертое извиненіе есть: о чадѣхъ нашихъ должны есмы промышляти и тѣхъ ради потребни суть богатства... Пятое извиненіе есть безчадныхъ, глаголющихъ сице: азъ донелѣже жити ми, благихъ моихъ употребляти хощу: а внегда чрезъ все житіе моихъ благихъ употребити ми, по смерти нищыя наслѣдники оставлю и въ завѣтѣ тыя господы вещей моихъ изъявлю“ [1]). Каждое изъ этихъ оправданій опровергается проповѣдникомъ, какъ ложь. — Можно было бы представить много и другихъ подобныхъ примѣровъ, показывающихъ, что обличеніе Полоцкаго направляется на тѣ мотивы, какими руководится человѣкъ въ своей обыденной жизни. Но и такого рода обличеніе у Полоцкаго все таки *обще*. По отношенію къ представленному примѣру это тѣмъ болѣе справедливо, что какъ оправдательные пункты, такъ и обличеніе ихъ онъ заимствуетъ не изъ окружающей его среды, а у Василія Великаго, т. е. изъ книги.

Такимъ образомъ, и при нравственно-практическомъ направленіи проповѣдей Полоцкаго лишь въ одной двадцатой ихъ части отражается его время. — Затѣмъ и эти (весьма незначительныя по количеству) историко-литературныя проповѣди помѣщены (за исключеніемъ четырехъ проповѣдей Обѣда и Вечери) въ приложеніи къ Вечери и, слѣдовательно, представляютъ явленіе исключительное. Иными словами говоря: суевѣріе, расколъ и другіе факты современной Полоцкому религіозно-нравственной жизни русской не представляли, не составляли матеріала для его, такъ сказать, рядовыхъ проповѣдей, которыя онъ, по представленному нами выше свидѣтельству Медвѣдева, произносилъ съ аккуратною систематичностію. Такъ, слово о „взысканіи божественной премудрости“ произнесено отъ лица восточныхъ патріарховъ, слѣдовательно, благодаря рѣдкому,

[1]) Обѣдъ, 246 л.

исключительному обстоятельству (присутствію патріарховъ въ Россіи), совершившемуся всего одинъ разъ во все продолженіе его многолѣтней московской дѣятельности. Это замѣчаніе необходимо отнести и къ слову, сказанному въ день митрополита Петра „во время междупатріаршества присутствующимъ на Москвѣ святѣйшимъ патріархамъ Паисію Александрійскому и Макарію Антіохійскому". Слово „о суевѣріи или суечестіи", не пріуроченное къ какому-либо воскресному или праздничному дню, представляется явленіемъ отдѣльнымъ, самостоятельнымъ. О словѣ „отъ іереевъ сущимъ подъ ними въ паствѣ ихъ, о еже пребывати имъ во всякомъ благочестіи, и не пѣти бѣсовскихъ пѣсней и не творити игръ и всякаго безчинства: паче же не ходити къ волхвомъ и чародѣемъ, ниже призывати ихъ въ домы" и о словѣ „о Писаніи божественномъ", гдѣ частію обличается и расколъ; въ рукописномъ собраніи сочиненій Полоцкаго находимъ слѣдующія библіографическія подробности: надъ первымъ рукою автора сдѣлана замѣтка: „pisane anno 1670 May 25 na roscasanie Preosw. metropol. Paula"[1]), надъ другимъ: „scripsi anno 1674 illimo (для) Paula Aprilis 8"[2]). Такимъ образомъ первое слово писано „na roscasanie", то-есть *по порученію*[3]) Павла, митрополита Сарскаго и Подонскаго; въ силу того же порученія написано, вѣроятно, „для Павла" и другое слово. Слѣдовательно, обѣ проповѣди обязаны своимъ явленіемъ на свѣтъ желанію не самого автора ихъ, а опять-таки, можно сказать, случаю.

Итакъ, на основаніи опредѣленія мѣста, занимаемаго историко-литературными проповѣдями въ ряду всѣхъ проповѣдей Полоцкаго и на основаніи библіографическихъ подробностей относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ, мы необходимо должны прійдти къ тому категорическому заключенію, что Симеонъ Полоцкій былъ проповѣдникомъ преимущественно общимъ и въ этомъ смыслѣ отвлеченнымъ, затрогивалъ современные ему церковные, общественные и семейные вопросы чрезвычайно рѣдко. — Но таково было время, въ которое суждено

---

[1]) Описаніе слав. рукописей Моск. сунод. библіотеки, отд. 2, стр. 212.

[2]) Ibidem.

[3]) Слова польскія «na roscasanie» мы переводимъ вѣрно, см. словарь Берынды, 83 стр., въ «сказаніяхъ Русскаго народа» Сахарова, т. 2.

было жить и дѣйствовать ему и таковъ былъ его личный характеръ, что онъ не могъ совершенно закрыть своихъ глазъ отъ явленій окружающей дѣйствительности, не могъ обойти ихъ молчаніемъ. Онъ всюду замѣчалъ суевѣрія и предразсудки, — это и доселѣ больное мѣсто въ міросозерцаніи нашего необразованнаго люда; но пишетъ противъ него только двѣ проповѣди. Вспыхнуло раскольническое движеніе, — и онъ обличаетъ его въ двухъ проповѣдяхъ. Противъ такого громаднѣйшаго и замѣчательнѣйшаго явленія не только XVII вѣка, но цѣлой русской исторіи, два слова во всей массѣ проповѣдей[1])! Да и въ этихъ двухъ проповѣдяхъ обличеніе не сильно, не направлено на опроверженіе тѣхъ мотивовъ, какими руководились раскольники, нѣтъ оправданія законныхъ дѣйствій церковнаго правительства[2]). Даже Епифаній Славинецкій, при всей своей ученой замкнутости, написалъ *три* слова противъ раскола, гдѣ основательно обличилъ его[3]). — Считая суевѣріе и расколъ продуктами невѣжества, Полоцкій указывалъ на необходимость воспитанія и образованія, но опять, строго говоря, лишь въ трехъ поученіяхъ. — А общественные пороки? О нихъ онъ почти совсѣмъ не говорилъ. О пьянствѣ — этомъ народномъ бичѣ, общественной язвѣ XVII вѣка — упоминаетъ въ указанныхъ нами двухъ проповѣдяхъ. О взяточничествѣ, о притѣсненіяхъ въ административной сферѣ встрѣчается лишь одинъ, указанный нами, намекъ. О плутняхъ при заключеніи браковъ, о бѣснованіяхъ при совершеніи ихъ, какъ явленіяхъ особенно выдающихся въ его время, о семейномъ деспотизмѣ — ни слова... Мало того: онъ поддерживаетъ самодурство семейное, посвящая спеціально цѣлую проповѣдь разсужденію о дурныхъ свойствахъ женщины. — Что касается вчастности догматическихъ проповѣдей Полоцкаго, то въ нихъ также нѣтъ соотвѣтствія

---

[1]) Можетъ быть, какъ противъ раскола, такъ и противъ суевѣрій и другихъ общественныхъ болѣзней, Полоцкій говорилъ не двѣ, не три проповѣди; но приговоръ о характерѣ литературныхъ произведеній долженъ быть фактическимъ, т. е. основываться не на предполагаемыхъ, а на сохранившихся, дѣйствительно существующихъ литературныхъ памятникахъ.

[2]) Правда, онъ написалъ противъ раскола «Жезлъ», но этотъ полемическій трудъ, доступный лишь грамотнымъ, не освобождалъ его отъ обязанности обличать расколъ съ церковной каѳедры.

[3]) Труды К. Акад. 1861 г., Августъ, Октябрь.

религіознымъ потребностямъ общественнаго ума. Здѣсь, напротивъ, мы находимъ элементы анахронизма. Напримѣръ, онъ обличаетъ Саддукеевъ [1]), иконоборцевъ [2]), идолопоклонниковъ [3]), Оригена [4]), Арія [5]) и т. под.

Современный Полоцкому орловскій проповѣдникъ, авторъ „Статира", такъ отзывался о проповѣдяхъ его: „Обѣдъ же и Вечеря трудолюбиваго и премудраго мужа отца Симеона Полоцкаго по высотѣ ученія невразумительны простымъ людямъ" [6]). Въ чемъ же состояла, чѣмъ условливалась эта высота ученія Полоцкаго? Конечно, между прочимъ его общностію, несоотвѣтствіемъ ученія текущей жизни...

Наконецъ, припомнимъ собственный взглядъ Полоцкаго на свои проповѣди: онъ говоритъ, что въ нихъ „обличаются злiи нравы *обще*". Не касаясь или, говоря вѣрнѣе, касаясь мало религіозно-нравственныхъ явленій современной ему русской жизни, онъ любилъ говорить бо́льшею частію „о слѣпотѣ душевной" [7]), „о пользѣ послушанія и вредѣ непослушанія" [8]), о „дву законѣхъ во всякомъ человѣцѣ, ума и грѣха: и о дву законѣхъ въ мірѣ Божіемъ и мамоны" [9]), „о смиреніи, вѣрѣ, мудрости и благости и что долженствуетъ рабъ господину и взаимъ господинъ рабу своему" [10]), „о пристанищѣ тихомъ града вѣчнаго" [11]), о поврежденности человѣческой природы и т. п. и т. п.

Такимъ образомъ, основывать взглядъ на Симеона Полоцкаго, какъ проповѣдника современнаго, только на историко-литературныхъ его поученіяхъ, игнорируя остальныя проповѣди, составляющія въ 19 разъ бо́льшее количество, не научно.

---

[1]) Обѣдъ, 388.
[2]) Вечеря, 470, 488, 576.
[3]) Ibid., 462, 470, 493.
[4]) Ibid., 355.
[5]) Обѣдъ, 84.
[6]) Духовн. Бесѣда 1858 г., №№ 40, 44.
[7]) Обѣдъ, 65.
[8]) Ibid., 127.
[9]) Ibid., 134.
[10]) Ibid., 147.
[11]) Ibid., 115.

II.

Внѣшняя сторона проповѣдей Симеона Полоцкаго. — Построеніе проповѣди. — Какъ пользуется Полоцкій Св. Писаніемъ? — Мѣсто и значеніе свято-отеческихъ твореній въ его проповѣдяхъ. — Свойство его стиля. Историзмъ. Символизмъ. Метафоры и сравненія. Діалогизмъ. Фигура противоположенія. — Языкъ проповѣдей. — Выводы на основаніи анализа внѣшней стороны и вчастности стиля проповѣдей. — Отношеніе проповѣди Полоцкаго къ южно-русскимъ проповѣдямъ и заслуга его въ исторіи сѣверно-русскаго проповѣдничества.

Первое, что̀ обращаетъ на себя вниманіе при разсмотрѣніи внѣшнихъ свойствъ проповѣди Симеона Полоцкаго, — это построеніе ея. Въ каждомъ словѣ (за рѣдкими исключеніями) легко отмѣтить пять частей, или, говоря иными словами, каждую проповѣдь съ удобствомъ можно раздѣлить на пять частей, имѣющихъ свое значеніе. Эти части слѣдующія: а) приступъ, б) предложеніе, в) изслѣдованіе, г) приложеніе, д) заключеніе.

Но въ началѣ проповѣди, впереди приступа, стоитъ текстъ, съ обозначеніемъ того, откуда онъ заимствованъ. Постоянно обозначается глава и зачало. Такъ, полагая въ основу проповѣди на день Вознесенія текстъ: *бысть, егда благословляше ихъ, отступи отъ нихъ, и возношашеся на небо,* проповѣдникъ прибавляетъ: „словеса суть божественнаго евангелиста Луки, во главѣ 24, а въ зачалѣ 114 положенная“. Къ этому присоединяется иногда то, кѣмъ и кому сказаны извѣстныя слова; наприм. послѣ текста: *„се здравъ еси, къ тому не согрѣшай:* словеса суть Христа Господа, къ разслабленному глаголанная“ [1]). Или: „сотворите плоды достойныя покаянія. Словеса суть Іоанна, Предтечи Христова, къ Фарисеямъ и Саддукеямъ глаголанная“ [2]); „Симоне Іонинъ любиши ли Мя паче сихъ. Вопросъ есть пресладкаго Іисуса, ко святому Петру апостолу сотворенный“ [3]). Иногда, наконецъ, встрѣчается указаніе на дневное Евангеліе: „помилуй мя Господи, Сыне Давидовъ, дщи моя злѣ бѣснуется. Словеса суть жены хананейскія, ко Христу Господу возглашенная, а отъ божественнаго

---

[1]) Обѣдъ, 43.
[2]) Вечеря, 26, об.
[3]) Ibid., 361.

евангелиста Матѳея въ нынѣшнемъ Евангеліи, во главѣ и проч. положенная“ [1]).

Приступъ начинается почти всегда сопоставленіемъ, сравненіемъ одного явленія, взятаго то изъ исторіи, то изъ жизни, съ другимъ предметомъ воскреснаго или праздничнаго дня. Такъ, древній пиръ Артаксеркса сопоставленъ [2]) съ новозавѣтною притчею о вечери: „великъ и славенъ былъ пиръ обладателя ста двадцати седми индійскихъ странъ и народовъ. Великъ былъ этотъ пиръ по величію царя, по множеству гостей, по великолѣпію, по обилію брашенъ и питій и по продолжительности своего совершенія. Но несравненно лучше былъ пиръ человѣка, упоминаемаго въ притчѣ“...

Дальнѣйшее содержаніе приступа состоитъ въ пересказѣ событія и условливается темою, которая выводится изъ текста. Въ этомъ выводѣ никогда нѣтъ натянутости. Укажемъ примѣръ такого естественнаго отношенія темы къ тексту. Въ словѣ на недѣлю 20 по сошествіи Св. Духа стоитъ текстъ: „юноше, тебѣ глаголю, востани“. Приступъ начинается разсказомъ о воскрешеніи сына наинской вдовы. Изъ разсказа выводится наставленіе — не надѣяться на молодыя силы, здоровье, красоту и богатство, а знать, что не всякій цвѣтокъ дѣлается плодомъ и не всякій человѣкъ достигаетъ совершенныхъ лѣтъ. Не нужно уповать на силу: сильными были нечестивый Иродъ и Самсонъ, но они не избѣжали смерти. Нельзя хвалиться красотой лица: Авессаломъ былъ красивъ, но погибъ. Не слѣдуетъ гордиться богатствомъ: сынъ наинской вдовы былъ богатъ (о чемъ говоритъ множество народа, его провожавшаго), но не избѣгъ смерти. Пусть знаетъ каждый юноша, что юный Авель умеръ прежде стараго Адама. Пусть всѣ юноши знаютъ, что смерть нелицепріятна. Пусть каждый имѣетъ „образъ предъ очесы нынѣ на погребеніе износима юношу“: этотъ образъ даетъ наставленіе о всеобщемъ, тѣлесномъ воскресеніи; онъ же даетъ наставленіе и о душевномъ, „еже тогда бываетъ, егда грѣшникъ отъ гроба смерти грѣховныя покаяніемъ возстаетъ въ жизнь добродѣтелей. О нихъ же обоихъ азъ слово настоящее имѣти умысливъ“. Приведемъ еще примѣръ изъ „Вечери

---

[1]) Обѣдъ, 307, на об.

[2]) Ibid., 452, на об.

душевной". Текстъ, представляющій примѣръ оригинальнаго выбора: „крылѣ голубинѣ посребреннѣ и междорамія ея во блещаніи злата". Славна и весьма похвальна чудная голубица, которую Ной выпускалъ трижды изъ корабля. Не меньше ея похвальна и упоминаемая псалмопѣвцемъ: „кто же есть голубица сія, различнѣ учителіе толкуютъ". Евѳимій разумѣетъ Христа. Другой учитель — церковь Христову. Называется же такъ церковь за невинность свою „и за частое стенаніе". Если же церковь называется голубицей, то можно назвать такъ и каждаго вѣрнаго и всѣ избранницы Божіи суть голуби Христовы. „Вся святыя души суть голубицы Господни. Между ними же, яко денница между звѣздами, свѣтлѣе посребренныма крылома и златымъ междораміемъ блистаетъ, нынѣ празднуемый мысленный нашъ голубь, во святыхъ отецъ нашъ Іона, егоже имя святое, голубя его быти знаменуетъ, занеже Іона толкуемо сказуется голубица. Како же крилѣ его посребреннѣ и междорамія злата бяху, симъ словомъ моимъ показати умысливъ" [1]).

Такимъ образомъ тема беретъ прямой смыслъ, непосредственная мысль текста и представляется иногда перифразомъ его.

Но въ приступѣ проповѣди Полоцкаго мы замѣтили одинъ недостатокъ — длинноту. Это зависитъ оттого, что раскрытіе посредствующихъ между текстомъ и темою мыслей начинается иногда издалека, такъ что иной приступъ, по обилію своего содержанія, могъ бы составить самостоятельную проповѣдь.

Совмѣстно съ темою или тотчасъ за ней всегда высказывается молитва къ Богу и просьба къ слушателямъ. Обыкновенно слова проповѣдника въ этомъ случаѣ таковы: „Господа Бога молю о помощь въ словѣ, ваше же благочестіе о прилежное того слушаніе" (или „о нестужаніе въ слушаніи глаголемыхъ", „о любовное того пріятіе въ сердца ваша" и т. п.). Но рѣдко произносится прямая молитва, наприм.: „Ты, Слове Божій, отверзый очи слѣпымъ прикосновеніемъ руки Твоея, отверзи и мнѣ устнѣ перстомъ благодати Твоея, да издамъ слово душеполезное. Отверзи и слушателямъ моимъ слухъ

---

[1]) Вечеря, 340.

тогожде благодатію, да тѣмъ яко дверми пріимутъ Твое Божіе слово, во сокровище сердецъ своихъ“ [1]).

Поставивши тему, обратившись съ молитвой къ Богу и съ просьбой къ слушателямъ, Полоцкій начинаетъ самую проповѣдь, повторивъ иногда стоящій во главѣ ея текстъ.

Проповѣдь начинается бо̀льшею частію не прямо съ изложенія данной темы, а нѣсколько издалека. Иначе говоря: проповѣдникъ не вдругъ приступаетъ къ раскрытію предмета, а дѣлаетъ предварительно новое маленькое присловіе. Вотъ примѣръ. Тема въ приступѣ: „о молитвѣ убо азъ, коль сильна и полезна есть людемъ, слово настоящее имѣти умысливъ“... Слово начинается повтореніемъ текста: „по Немъ идоста два слѣпца зовуща и глаголюща“... Затѣмъ, проповѣдникъ замѣчаетъ, что не только небо высокое терпитъ нужду отъ людей „по словеси Христову: нуждно есть царствіе небесное и нуждницы восхищаютъ е, но и Самъ Богъ, величайшій и блажайшій, многажды нужду терпитъ отъ человѣкъ, паче же и побѣжденъ бываетъ“. Эта оригинальная мысль подтверждается (хотя натянуто) ветхозавѣтнымъ фактомъ борьбы Бога съ Іаковомъ. Отсюда переходъ къ предмету проповѣди: „эта борьба духовнымъ разумѣніемъ знаменуетъ молитвы человѣческія, ими же не меньше яко отъ Израиля (Іакова) Богъ отъ человѣки премогается“ [2]). Иногда, впрочемъ, это присловіе, благодаря обилію посредствующихъ мыслей, равняется по величинѣ самому приступу [3]).

При разсмотрѣніи „изслѣдованія“ обращаетъ на себя вниманіе пунктуальность въ раскрытіи темы, въ развитіи мыслей. Она состоитъ въ дѣленіи главнаго предмета на пункты, или части, и обозначается такъ: первое, второе, во-первыхъ, во-вторыхъ... Укажемъ хотя одинъ характеристическій примѣръ. Въ словѣ на недѣлю 19 по сошествіи св. Духа проповѣдникъ трактуетъ о милосердіи. Изслѣдованіе начинается такъ: „милосердіе два въ себѣ дѣйства содержитъ, едино есть внутреннее сожалѣнія въ сердцѣ чувство, о бѣдѣ чюждей: другое, внѣшнее тоя бѣды прогнаніе“. Послѣ раскрытія того и дру-

---

[1]) Обѣдъ, 185, 360.
[2]) Ibid., 191.
[3]) Вечеря, 205.

гаго перечисляются семь тѣлесныхъ и семь духовныхъ дѣлъ милосердія: „тѣлесная суть седмь: первое, алчнаго напитати, второе — жаждnаго напоити“... и т. д. „Духовная такожде седмь: первое, грѣшника исправити. Второе — невѣжду научити“... и проч. Затѣмъ, указываются 7 плодовъ милосердія въ настоящей жизни и 2 въ будущей [1]). Но такая пунктуализація нерѣдко страдаетъ натянутостію въ отысканіи точекъ дѣлимости [2]).

За изслѣдованіемъ слѣдуетъ приложеніе, подъ которымъ мы разумѣемъ не тѣ нравственные выводы, какіе дѣлаются проповѣдникомъ иногда въ самомъ изслѣдованіи, а особую, самостоятельную часть. Это приложеніе, состоящее въ увѣщаніи выполнять выведенное правило, излагается иногда въ формѣ прямаго обращенія къ слушателямъ и начинается словами: „православніи слушателіе“ или „братіе“, иногда косвенно, т. е. не обращено прямо къ слушающимъ: „тогда (когда слушатель, подобно разслабленному, будетъ принесенъ ко Христу покаяніемъ, надеждою прощенія и проч.) услышиши: востани и возьми одръ твой и иди въ домъ твой. Востани отъ гордости во смиреніе... востани отъ сребролюбія... востани отъ блуда...“ [3]) и т. д.

Къ приложенію тѣсно примыкаетъ заключеніе. По бо́льшей части оно состоитъ въ молитвенномъ желаніи слушателямъ за исполненіе нравственныхъ предписаній Царства Небеснаго. Такъ, въ словѣ похвальномъ, давши наставленіе о взаимной любви, проповѣдникъ говоритъ въ заключеніи: „а по довольствѣ лѣтъ странствія земнаго, да вселитъ вы (слушателей) во страну присно веселящихся, еже тамо истиннѣйшій великъ день, день невечерній совершати, вѣрно вамъ, яко мнѣ самому, желаю, буди, буди, аминь“ [4]). Иногда заключеніе является славословіемъ, напримѣръ: „раби должни суть работу вѣрную и страхъ за учиненіе Божіе. И тако въ родѣхъ Христосъ любится отъ господей и въ господехъ раби боятся Христа, Ему же буди честь и слава отъ всея твари, равная яко же Богу Отцу

---

[1]) Обѣдъ, 333 л.
[2]) Ibid., 260.
[3]) Ibid., 596.
[4]) Ibid., л. 12.

и Св. Духу, во безконечныя вѣки, аминь“ [1]). Въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ заключеніе есть молитва о дарованіи силъ къ исполненію нравственныхъ предписаній [2]). Похвальныя проповѣди всегда кончаются молитвой похваляемому лицу: Пресвятой Богородицѣ, пророку, апостолу, святому.

Таково построеніе или такова реторическая схема проповѣдей Симеона Полоцкаго. Встрѣчаются, конечно, и такія проповѣди, гдѣ не обнаруживается точно опредѣленныхъ граней, гдѣ сказанныя части перемѣшаны, слиты. Въ такихъ поученіяхъ нѣтъ отдѣльнаго приступа, не выражено опредѣленно предложеніе, и приложеніе соединено съ изслѣдованіемъ [3]). Только вездѣ и всегда очевидны: текстъ, изслѣдованіе и заключеніе.

Вчастности, отъ показанной формы отступаютъ похвальныя проповѣди: историческій матеріалъ ихъ трудно было уложить въ схоластическую рамку.

Схоластицизмъ въ изложеніи гомилетическаго матеріала несомнѣнно лишалъ проповѣди надлежащаго практическаго значенія. Когда догматическую или нравственную истину вкладывали въ извѣстную внѣшнюю рамку и стремились обставить декораціями доказательствъ, она волей-неволей теряла свое высокое и жизненное значеніе: низводилась въ разрядъ истинъ человѣческаго ума, легко подчиняющихся логической и реторической формѣ выраженія, и неспособна была вліять на волю слушателей. Такимъ образомъ, мнѣніе историковъ литературы, что проповѣди Полоцкаго суть не иное что, какъ схоластическія разсужденія на заданную тему, вѣрно, хотя (въ виду исключеній) и не безусловно [4]).

Показавъ общее построеніе проповѣди Полоцкаго, займемся анализомъ частныхъ его способовъ и особенностей изложенія и выраженія мысли.

---

[1]) Обѣдъ, л. 153.

[2]) Ibid., 364.

[3]) Напримѣръ, Обѣдъ, 73, 260.

[4]) О литературѣ переходнаго времени — конца XVII и начала XVIII в., Сухомлинова. Ж. М. Н. Пр., 1862, апрѣль.

Какъ пользовался нашъ проповѣдникъ Св. Писаніемъ? Убѣжденный, что въ Св. Писаніи „елико слово, толико есть ученій и таинствъ“ [1]), всякую мысль — догматическую ли, нравственную ли, или взятую изъ области науки и жизни — Полоцкій старается подтвердить Писаніемъ. Чтобы увѣриться въ томъ, что онъ постоянно держался на почвѣ богооткровенной истины, стоитъ раскрыть какое угодно мѣсто Обѣда или Вечери. Беремъ Обѣдъ, открываемъ второе слово на 32 недѣлю по сошествіи Св. Духа. Во главѣ слова стоитъ, конечно, текстъ, и приступъ начинается текстомъ: „не требуютъ здравіи врача, ниже день свѣтлый свѣтильника, слушатели православніи“. А въ продолженіи самаго слова (на 7-ми листахъ) поцитовано до 27 мѣстъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта.

Священные тексты цитуются и буквально, являются и въ перифразѣ: проповѣди богаты употребленіемъ словъ и выраженій Св. Писанія.

Это обиліе текстовъ не утомляетъ однакоже вниманіе слушателя или читателя и не представляется излишнимъ по причинѣ, такъ сказать, естественнаго подбора текста. Не препятствуя развитію собственной мысли проповѣдника, не будучи чѣмъ-либо внѣшнимъ, текстъ органически связывается съ нею и прямо, неотдаленно доказываетъ её. Такая естественность замѣтна особенно въ перифразѣ. Но въ послѣднемъ случаѣ она не составляетъ особеннаго достоинства. Нужно помнить, что проповѣди Полоцкаго писаны на славянскомъ языкѣ: само собою разумѣется, что весьма легко сливать грамматически славянскую рѣчь съ славянскими же текстами.

Но при разсмотрѣніи того, въ какомъ количествѣ и какимъ образомъ Полоцкій употребляетъ тексты, останавливаетъ на себѣ вниманіе одно обстоятельство. Мы разумѣемъ библеизмъ, или обиліе текстовъ изъ Ветхаго Завѣта. Съ этимъ обстоятельствомъ, съ этою особенностію мы встрѣчаемся во всѣхъ древнихъ и по преимуществу южно-русскихъ проповѣдяхъ и, слѣдовательно, она не кладетъ укора на Симеона Полоцкаго исключительно, а есть недостатокъ школы. Іисусъ Христосъ не раззорилъ ветхаго закона, а раскрылъ и пополнилъ его. Стало быть, новозавѣтный проповѣдникъ можетъ брать въ осно-

[1]) Обѣдъ, 520 л.

ваніе своей мысли и библейскій (ветхозавѣтный) текстъ: тѣмъ не менѣе ближайшимъ и преимущественнѣйшимъ источникомъ его слова должно быть Писаніе новозавѣтное. Между тѣмъ Полоцкій (подобно своимъ предшественникамъ-проповѣдникамъ) давалъ громадное и преимущественное значеніе библейскому тексту. Къ этому заключенію мы пришли, наблюдая надъ сравнительнымъ количествомъ текстовъ въ его проповѣдяхъ: новозавѣтные тексты стоятъ на второмъ мѣстѣ и мысль проповѣдника постоянно и преимущественно подтверждается текстами ветхозавѣтными. Особенно часто, напримѣръ, цитуется книга Іисуса сына Сирахова [1]).

Стоя на почвѣ Писанія, Полоцкій подтверждаетъ свою мысль и ученіемъ святыхъ отцовъ, какъ авторитетныхъ толкователей Слова Божія.— Почти нѣтъ проповѣдей, въ которыхъ не приводилось бы хотя одного святоотеческаго свидѣтельства. Но не мало такихъ, которыя по количеству святоотеческихъ свидѣтельствъ могутъ быть названы компиляціей. Таково, напримѣръ, слово на недѣлю 12 по сошествіи Св. Духа. Это — перечень мнѣній Василія Великаго, Григорія Богослова и Златоустаго о добродѣтели милосердія; это — сводъ опроверженій изъ сочиненій Василія Великаго, направленныхъ противъ богатства, противъ тѣхъ оправданій, какія дѣлаются богатыми, не желающими помогать нищенствующимъ и страждущимъ [2]).

Свидѣтельства бо́льшею частію заимствуются буквально и при этомъ выставляются цитаты. Иногда выписка изъ творенія святаго отца очень обширна и отличается, отдѣляется отъ собственныхъ словъ проповѣдника замѣчаніемъ, напр. „доселѣ святый Златоустъ бесѣдуетъ“ [3]).

Нерѣдко мнѣнія приводятся, но цитаты не выставляются, и не указываются имена отцовъ, а замѣчается только: „одинъ изъ учителей глаголетъ“, или „мнози премудріи учителіе тол-

---

[1]) Въ Обѣдѣ: 365, 446, 473, 477, 540, 544, 577, 666; въ Вечери: 11, 96, 231, 521; въ прибавл. къ В.: 1, 11, 29, 36, 101, 104, 171, 173, 175 и проч.

[2]) Обѣдъ, 246; другой примѣръ: л. 18; Вечеря, 208.

[3]) Прибавл., 56.

куютъ". Иногда, наконецъ, не упоминая имени святаго отца, проповѣдникъ излагаетъ его мнѣніе, какъ свое собственное [1]).

Свидѣтельствами подтверждаются догматы. Такъ, догматъ о Божествѣ Христа свидѣтельствуется словами Аѳанасія [2]), ученіе о тѣлѣ Христа — Златоустаго, Григорія Богослова, Амвросія, Дамаскина [3]), о призывающей благодати — Григорія Богослова [4]), о священствѣ — Златоустаго [5]), о вѣчныхъ мученіяхъ — Златоустаго [6]), о блаженствѣ — Августина [7]), о добрыхъ Ангелахъ — Д. Ареопагита и Дамаскина [8]), о злыхъ — Дамаскина [9]) и проч.

Постоянно подтверждается нравственное ученіе [10]).

Наконецъ, святыми отцами проповѣдникъ пользуется при толкованіи притчей и евангельскихъ событій. Такъ, притча о званныхъ на бракъ толкуется при помощи Григорія Богослова, Августина и особенно Ѳеофилакта [11]). Въ словѣ на 3 недѣлю по Пасхѣ рѣшается при пособіи Златоуста, Виктора Антіохійскаго и „многихъ" вопросъ о томъ, кто была женщина, помазавшая Іисусу Христу ноги въ домѣ Симона прокаженнаго.

Количество приводимыхъ Полоцкимъ отеческихъ толкованій на какое-либо мѣсто евангельской притчи или исторіи представляется иной разъ даже излишнимъ. Такъ, напримѣръ, объясняя притчу о талантахъ, онъ говоритъ: „что же сіи таланти знаменуютъ, различніи учителіе различная умствуютъ. Нѣцыи бо пять талантъ, пять книгъ моусеовыхъ сказуютъ. Нѣцыи пять чувствъ быти глаголютъ. Иніи къ пяти яззамъ Христовымъ относятъ. Иніи же пять добръ, отъ Бога даемыхъ, непщуютъ. Первое добро естества яко разумъ и остроуміе. Второе добро благодати. Третіе добро, вѣжества ко ученію.

---

[1]) Обѣдъ, 90.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibid., 12, на об.
[4]) Ibid., 121, Вечеря, 116.
[5]) Вечеря, 209.
[6]) Обѣдъ, 271.
[7]) Ibid., 115.
[8]) Вечеря, 85.
[9]) Обѣдъ, 222.
[10]) Напримѣръ: Обѣдъ, 72; Вечеря, 58, 123.
[11]) Обѣдъ, 453.

Четвертое добро, врученныя власти. Пятое, обилія и богатствъ, ко еже полезно расточати. Сіи же таланти учителемъ или пастыремъ даются, о нихже притча сія отъ Господа речеся, якоже повѣствуетъ святый І. Златоустый"... Перечисливъ мнѣнія и признавъ за каждымъ изъ нихъ свою долю правильности, проповѣдникъ принимаетъ однакоже преимущественно мнѣніе Златоуста и на основаніи его продолжаетъ объясненіе. „Но мы, св. Златоустаго разумѣнія *держащеся*, разсудимъ, что знаменуетъ, яко пріемый пять талантъ и пріемый два таланта, отшедша дѣласта въ нихъ"...[1])

Уже одинъ этотъ примѣръ показываетъ, что Полоцкій относился къ толкованіямъ отцовъ съ разумною самостоятельностію, критически. Укажемъ въ подтвержденіе этой мысли два, болѣе рельефныхъ, примѣра. Въ одномъ мѣстѣ онъ отрицаетъ достовѣрность мнѣнія Ѳеодорита, что камни, изъ которыхъ былъ построенъ храмъ Соломона, были по природѣ такъ устроены, „яко не быти нуждѣ сѣщи ихъ и тесати, но точію аки художничима рукама уготованное слагати. Евреи же повѣствуютъ, яко каменіе то кровію червя, именуемаго ѳамиръ, поливашеся, ея же силою умягченное, безъ звука рѣжемо бяше и сѣкомо. Но обѣ повѣсти си недостовѣрнѣ"[2]). Въ другомъ мѣстѣ объясняетъ видѣніе (бывшее Іоанну Богослову на островѣ Патмосѣ) жены, спасавшейся бѣгствомъ отъ змія, который, „чтобы потопить ее, выпускалъ" изъ себя воду, „яко рѣку". Замѣтивъ, что подъ женой „согласно учителіе разумѣютъ Церковь", подъ зміемъ — демона, а подъ водой – гоненіе на Церковь, позволяетъ себѣ сдѣлать собственное толкованіе: „мнѣ же буди лѣть вашимъ соизволомъ чрезъ ту воду разумѣти сласти прелестныя міра сего, ибо тыя воистинну скоро яко вода рѣчная уплываютъ"[3])...

Кромѣ помянутыхъ нами именъ: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Ѳеофилакта, блаженнаго Августина, Ѳеодорита, Амвросія, Аѳанасія, Діонисія Ареопагита, Дамаскина, Іеронима, Виктора Антіохійскаго, въ проповѣдяхъ Полоцкаго приводятся мѣста изъ твореній Іустина, Кирилла

---

[1]) Обѣдъ, 296; или: 515.

[2]) Вечеря, 25.

[3]) Обѣдъ, 216.

Александрійскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Григорія, папы римскаго, Евѳимія, Евсевія, Епифанія, Андрея Критскаго, Григорія Никомидійскаго, Прокла, Іоанна Цареградскаго, богомудраго Максима, Прокопія, боголюбиваго Леона, Германа Цареградскаго, Симеона Метафраста, Никифора, Кедрена, Гермогена лѣтописца. Въ одномъ мѣстѣ приводится мнѣніе какого-то Идіоты, что Пресвятая Дѣва названа была по внушенію Св. Духа [1]). Въ другомъ — мнѣніе Икуменія, что Іуда „силóмъ жизни не лишися, но живъ оста, извержеся бо прежде, неже удавитися ему“ [2]).

Но изъ всѣхъ этихъ отцовъ и писателей Полоцкій преимущественно пользуется Златоустомъ, какъ идеаломъ проповѣдника. Уваженіе и даже благоговѣніе, какое питалъ онъ къ этому авторитету, выражается въ тѣхъ эпитетахъ, какіе прилагаются имъ къ личности Златоустаго: онъ называетъ его: „златословомъ“, „хрисостомомъ“, „хризологомъ“, „учителемъ златыхъ устъ, златая испускающимъ ученія“, „златословеснымъ учителемъ“.

Самымъ обыкновеннымъ и постояннымъ способомъ раскрытія мысли въ проповѣдяхъ Полоцкаго является способъ исторический. Въ какую проповѣдь ни заглянешь, всюду исторія, и исторія. Кажется, онъ считалъ священною обязанностію обставлять каждую свою мысль историческимъ фактомъ, показывая ея выраженіе и примѣненіе въ историческомъ явленіи. Исторіей подтверждаются или наглядно объясняются догматическія истины. Чтобы показать, напримѣръ, всемогущество Божіе, проповѣдникъ приводитъ факты: погибель Содома и Гоморры, египетскія язвы, пресѣченіе моря, раздѣленіе Іордана, паденіе Іерихонскихъ стѣнъ, остановку теченія солнца, помраченіе солнца и преложеніе въ кровь луны и землетрясеніе въ моментъ смерти І. Христа и т. под. [3]) Изъ исторіи дѣлаются догматическіе выводы. Изъ факта исцѣленія І. Христомъ двухъ бѣсноватыхъ, или, точнѣе, при экзегетическомъ разсмотрѣніи этого событія выводятся мысли о существѣ или природѣ де-

[1]) Вечеря, 15 л., на об.
[2]) Обѣдъ, 655.
[3]) Ibid., 25, 65.

моновъ, объ отношеніи ихъ къ Богу и о вредоносномъ вліяніи ихъ на людей, затрудняемомъ, ограничиваемомъ волею Господа [1]).

Историзмъ замѣченъ нами и въ поученіяхъ чисто нравственнаго содержанія. Нравственныя истины или подтверждаются историческими фактами, или выводятся изъ фактовъ. Сила и польза молитвы подтверждается: молитвой Авраама, по которой у него, стараго человѣка, родился сынъ, молитвой Моисея, которая побѣдила Амалика, молитвой Езекіи, стяжавшей „узравленіе“, примѣромъ Сусанны, защитившейся молитвою отъ обвиненія, молитвой Іоны, освободившей его „отъ чрева китова“, молитвой разбойника, доставившей ему прощеніе и Царство Небесное и т. д.[2]). — Что касается вывода нравственныхъ истинъ изъ историческихъ фактовъ, то это — самый любимый, самый постоянный пріемъ Полоцкаго, такъ что иная проповѣдь его вся состоитъ изъ такихъ выводовъ при послѣдовательномъ разложеніи факта евангельскаго[3]).

Историческій способъ раскрытія мысли имѣетъ приложеніе и при историческомъ содержаніи. Въ данномъ случаѣ онъ состоитъ въ сопоставленіи одного факта (непосредственнаго предмета проповѣди) съ другимъ. Чудо исцѣленія тридцатилѣтняго разслабленнаго сопоставляется съ другими чудесами: воскрешеніемъ дочери Іаира, сына наинской вдовы, Лазаря[4]).

Къ библейской исторіи, какъ и къ ветхозавѣтному тексту, Полоцкій обращается чаще и больше, чѣмъ къ новозавѣтной. Встрѣчаются проповѣди, гдѣ ветхозавѣтная исторія является преимущественнымъ содержаніемъ[5]).

При историческомъ раскрытіи и рѣшеніи религіозно-нравственныхъ вопросовъ Полоцкій пользуется не только фактами библейскими и евангельскими, но приводитъ факты изъ житій святыхъ и изъ гражданской исторіи. И здѣсь фактъ является, какъ наглядное выраженіе догмата и нравственной истины. Такъ, образъ призванія Божія или дѣйствіе призывающей благодати поясняется примѣромъ Симеона Столпника и нѣкоего

---

[1]) Обѣдъ, 160, 222.
[2]) Ibid., 190, 617.
[3]) Ibid., 37, 60, 456.
[4]) Ibid., 43.
[5]) Вечеря, 403.

юноши. Этотъ послѣдній, „зѣло скверное провождаяй житіе, пріиде едиою во церковь помолитися и видѣнъ отъ Павла, ученика Антонія святаго, велми чернъ мраченъ и отъ скаредныхъ демоновъ обузданъ броздою, и тако влекомъ и правимъ по ихъ хоти (желанію). Ангелъ же Господень, издалеча послѣдовавше ему печаленъ. Но внегда услышати ему оное Господне слово: измыйтеся и чисти будите: обліяся слезами, сокрушися сердцемъ, и видѣнъ бысть исходяй лицемъ свѣтлъ, тѣломъ паче снѣга убѣленъ, веселъ зѣло, и отъ демоновъ свободенъ, Ангелъ же Господень веселяся о немъ бяше“ [1]). Отношеніе демоновъ къ человѣку подтверждается опытомъ аввы Пимена: „демони не ратуютъ съ нами, говоритъ Пименъ, яко волею ихъ содѣваемъ: но наша воля свойственная бываетъ намъ во діавола мѣсто, та стужаетъ, та ны погубляетъ“ [2]). Вредъ лѣности и небреженія о спасеніи доказывается фактомъ изъ жизни нѣкоего святаго, который, увидѣвши разъ одну женщину, зѣло заплакалъ. Когда его спросили о причинѣ слезъ, онъ указалъ на погибель женщины и на то, что онъ не можетъ угодить такъ Богу, какъ она угождаетъ людямъ [3]).

Къ исторіи гражданской нашъ проповѣдникъ прибѣгаетъ не часто. Укажемъ нѣсколько случаевъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ разсказываетъ объ Александрѣ Македонскомъ, что онъ „прописа дѣйственнѣ Божіе щедродаяніе“. Онъ предложилъ своему обѣднѣвшему и требовавшему у него пособія другу Периллу [4]) 50 талантовъ золота. Другъ отказывался взять такую сумму, утверждая, что ему довольно и 10 талантовъ. Но царь отвѣчалъ: „тебѣ довольно есть толико пріяти, но мнѣ нѣсть довольно толико тебѣ дати“. Изъ этого разсказа проповѣдникъ выводитъ такое заключеніе: „подобнѣ Господь Богъ за великое человѣколюбіе си и щедроты, не доволенъ есть толико намъ даяти, елико просимъ, но много прилагаетъ“ [5]). Въ другомъ мѣстѣ говорится, что „Еллини и Римляне обычай имѣша, рабомъ си желѣзомъ раздженнымъ печать на лицѣ полагати.

---

[1]) Обѣдъ, 123.
[2]) Вечеря, 58.
[3]) Обѣдъ, 214.
[4]) Вѣроятно, «Периклу».
[5]) Обѣдъ, 618; еще объ Ал. Македон. 434.

Аѳиняне, такоже Сиракусове коня на человѣцѣ изображаху“ [1]). Въ одной проповѣди разсказывается о Нинѣ: „пишутъ лѣтописцы, яко, по потопѣ всего міра, бысть первый царь во плѣмени Хамовѣ, во градѣ Вавилонстемъ, Немвродъ, имѣвый сына Вила, внука же Нина преемно другъ по друзѣ скупетры царствія державшыя: Нинъ же убо зѣло любяше отца си Вила: тѣмъ же умерша плачася, сотвори ему образъ, его же самъ чествовавше и подручнымъ завѣщаше почитати... Что видяше инїи вельможи, подражаніе дѣяху... Еще же и подданнїи царемъ си угождающе, идолы имъ творяху и за боги почитаху и тако вниде проклятый обычай идолослуженія во міръ сей“ [2])... Этотъ разсказъ о Нинѣ и довольно оригинальный взглядъ на происхожденіе и развитіе идолопоклонства передается еще въ другомъ мѣстѣ [3]).

Что же касается вчастности русской исторіи, то ею Полоцкій не пользуется. Впрочемъ, одинъ разъ только поминаются Оскольдъ, Диръ и Ольга, какъ первые насадители христіанства на Руси [4]).

Такимъ образомъ, повторяемъ, историческій способъ раскрытія мысли — самый любимый способъ Полоцкаго, заставляющій видѣть къ немъ основательнаго знатока исторіи вообще и библейской вчастности. Въ одной проповѣди онъ обнаруживаетъ даже систематичность въ этомъ знаніи, сообщая ту хронологію, которой держался при общемъ обозрѣніи жизни человѣчества. Онъ насчитываетъ 8 вѣковъ міра. Первый—отъ Адама до Ноя: второй—отъ Ноя до Авраама; третій—до Давида; четвертый—до переселенія Вавилонскаго; пятый—до Христа; шестой—отъ Христа до кончины міра. „Сіи же шесть вѣковъ вземлются по различному стану жившихъ въ мірѣ семъ“ (то-есть въ основаніи этого дѣленія лежатъ разные переходы, переломы въ исторической жизни народовъ). „Седьмой же вѣкъ воспріемлется по стану душъ, почивающихъ въ раи“. Этотъ вѣкъ, начавшійся съ вознесенія Господня на небо, „протягнется“ до страшнаго суда вмѣстѣ съ шестымъ вѣкомъ живущихъ на землѣ.

---

1) Обѣдъ, 141.
2) Вечеря, 495.
3) Ibid., 399.
4) Ibid., 396.

Осьмой же вѣкъ начнется всеобщимъ воскресеніемъ и продолжится въ безконечность [1]).

Кромѣ священной и всеобще-гражданской исторіи Полоцкій пользовался историческими апокрифическими разсказами, свѣдѣніями изъ исторіи философіи, исторіи поэзіи и изъ естествознанія, какъ наглядными способами раскрытія и доказательства мысли.

Во всей массѣ проповѣдей Полоцкаго мы нашли, однако, только два апокрифическихъ, легендарныхъ разсказа. Вотъ содержаніе одного. Христосъ Господь „приглашаетъ“ къ себѣ Архангела Гавріила и говоритъ ему: „прошеніемъ бо Адама и прочихъ во адѣ содержимыхъ, со престола Моего снити нудимъ бываю. Его же бо по образу Моему создахъ, грѣхъ обветшилъ, запустѣ райская держава. Милосердую о заблудшемъ, и восхѣтити желаю враги, утаитися же хощу отъ всѣхъ силъ небесныхъ и тебѣ точію изъявити тайну“. И сія рекъ, посла Гавріила ко благословеннѣй Дѣвѣ... Выслушавъ порученіе, Архангелъ удивился и задумался, но Господь ободряетъ его: „что смущаешися о Гавріиле! еда не отъ Мене прежде посланъ былъ еси ко Захаріи іерею и рождество Іоанново ему благовѣстилъ еси? и не ли благовѣстія твоего событіе совершилъ есмь? еда неплодная тогда не уплодовася? еда невозможно сіе у Мене, сотворшаго вся словомъ? вскую убо сумнишася“? На сія ангелъ: „Господи, дѣло убо содѣяся Твоея любве, любовію совершаемое, свидѣтель есть Захаріа, Ревекка же и Анна, яже окаянству, и страданію неплодства купно работающе, отъ Тебѣ свободу воспріяше: дѣвѣ же родити, яже родити отъ мужа не имать, превосходитъ всяческое законовъ естество и како Твое возвѣщу дѣвицѣ присущіе? ибо Тя небесъ и земли не объемлютъ предѣлы, како убо Тя чрево убо обиметъ дѣвичее? и како понесетъ Маріа огнь любве Твоея“? Ему же Господь: „аще опали огнь во пустыни купину, повредитъ и Марію Мое присущіе“. Тогда ангелъ сотвори повелѣніе Господне и съ высоты небесныя слетѣвъ, вшедъ ко дѣвицѣ, цѣлова ю“ [2]). Другой разсказъ [3]) легендарнаго

---

[1]) Вечеря, 430 листъ.

[2]) Ibid., 290.

[3]) О бесѣдѣ діавола со Христомъ на страшномъ судѣ.

свойства сообщенъ нами при изложеніи содержанія догматическихъ поученій.

Но чаще сообщаются факты изъ жизни нѣкоторыхъ древнихъ философовъ. Желая доказать мысль, что „неудобь въ мірѣ семъ, во злѣ лежащемъ, обрѣтается человѣкъ добротою совершенный“, указываетъ на Діогена: „искаше древле еллинскаго любомудрія рачитель Діогенъ, во многонародномъ градѣ со свѣщею единаго человѣка, и не получи искомаго, яко вси приложишася скотомъ несмысленнымъ и уподобишася имъ“ [1]). Говоря, что христіане, подобно евангельскому богатому юношѣ, „отходятъ отъ Христа Господа во бездну міра душегубнаго“, приводитъ два примѣра: одинъ изъ жизни философа, имени котораго не указываетъ, другой изъ жизни того же Діогена. Первый, пріобрѣтши „злата довольство“, затруднялся храненіемъ его. „Видя отъ страсти златолюбія прозябль быти неполезную“, онъ потопилъ все свое золото въ пучинѣ рѣки, протекавшей подъ стѣнами города, со словами: „уне есть воистинну злату отъ мене погибнути, нежели мнѣ отъ него исчезнути“. А Діогенъ ничего не имѣлъ у себя въ хижинѣ кромѣ одной деревянной чашки, которою черпалъ воду изъ источника. Разъ онъ увидалъ дѣтей, черпавшихъ и пившихъ воду „согбенными руками“ (пригоршнями) и, увидавши то, разбилъ свою чашку, говоря: „оле окаяннаго Діогена! оле неискуснаго философа! яко невѣдѣхъ доселѣ естественную отъ Бога данную мнѣ быти чашу“. Къ этимъ разсказамъ проповѣдникъ прибавляетъ: „они (философы) сія твориша мирнаго ради на земли пожитія: мы же вѣчнаго дѣля живота (для вѣчной жизни) небеснаго не хощемъ лишитися земныхъ“ [2]). Непостоянство міра подтверждается разсказомъ о Гераклитѣ и Демокритѣ: „Демокритъ выну смѣяшеся толикому міра сего непостоянству. Ираклитъ же присно плакася о сицевомъ сего міра измѣненіи. Имъ же, аще и еллинома бывшема, но христіански о мирстемъ любомудрствовавшема суетствѣ и преложеніи: можемъ и мы вѣрніи раби подобитися, ругающеся съ Демокритомъ и плачущеся со Ираклитомъ“ [3]).

---

[1]) Обѣдъ, 37.
[2]) Ibid., 141
[3]) Ibid., 638.

Приводятся мнѣнія древнихъ философовъ, заимствованныя изъ ихъ сочиненій. Такъ, описывая привлекательными чертами мѣсто вѣчно-блаженной жизни, Полоцкій приводитъ аристотелево опредѣленіе понятія „блаженство“. „Верхъ философовъ Аристотель описуетъ сице: блаженство есть желанія исполненіе. Того паки въ мірѣ семъ никто исполнити можетъ, ибо аще кто и всю обрящетъ вселенную, еще восхощетъ міра искати иного“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ: „разслаблени есмы душами, ибо якоже той есть тѣломъ по Аристотелю разслабленъ, иже не тако удесъ своихъ употребляетъ, якоже хощетъ: но якоже не хощетъ, тако они движими бываютъ“. „Подобнѣ“, продолжаетъ проповѣдникъ, „разслабленъ есть душею той, иже не то, еже разумъ повелѣваетъ, творитъ, но его же плоть похотствуетъ, то дѣетъ“ [2]). Негодуя на пристрастіе къ богатству въ евангельскомъ богачѣ, проповѣдникъ замѣчаетъ, что онъ показался вторымъ Епикуромъ, говорящимъ себѣ: „яждь, пій, веселися, по смерти нѣсть утѣшеніе“ [3]).

Встрѣчаются заимствованія изъ древней мѳологіи и поэзіи. Вотъ примѣръ вреда „несытства“, или пристрастія къ золоту. „Піитове, по своему обычаю, баснословятъ“ о Мидасѣ, королѣ фригійскомъ, слѣдующее. Однажды богъ Вакхъ, тронутый угощеніемъ Мидаса, предложилъ ему просить у себя, что̀ угодно. Мидасъ, будучи пристрастенъ къ золоту, просилъ его, чтобы всякая вещь, къ которой онъ прикоснется, превращалась въ золото. Вакхъ сказалъ ему: пусть будетъ по твоему желанію. Послѣ такой резолюціи Вакха дѣйствительно все, до чего дотрогивалась рука Мидаса, становилось золотомъ, даже самый хлѣбъ въ устахъ его превращался въ золото, такъ что царю угрожала голодная смерть. Но онъ раскаялся въ своей безумной просьбѣ и упросилъ Вакха о возвращеніи ему прежней природной силы. Полоцкій замѣчаетъ, что это „баснословіе есть еллинское, но добрѣ лакомыхъ изъявляетъ нравы“. И потомъ дѣйствительно выводитъ изъ этого басно-

---

[1]) Обѣдъ, 115.
[2]) Ibid., 175.
[3]) Ibid., 430.

словія такое наставленіе: „аще убо кого злато, яко Мидаса, въ бѣдство жизни приводитъ, да проситъ не басненнаго Вакха, но истиннаго Бога, да отниметъ ему страсть златолюбія“ [1]). Разсуждая о смерти, проповѣдникъ сопоставляетъ свои слова съ требованіемъ Демосѳена: „что Демосѳенъ во училищѣ вѣтійства, изглаголанію даде: азъ дамъ смиренію во училищѣ Христовѣ“ [2]). Въ словѣ на рожденіе Іоанна Крестителя, замѣтивъ, что І. Креститель „преблаженъ“, такъ какъ имѣетъ „хвалителемъ“ своего житія Самого Христа, указываетъ, какъ на основаніе своей мысли, на то, что Александръ Великій называлъ блаженнымъ Ахиллеса, потому что „его храбрость и силу описа похвально преславный стихотворецъ Омиръ“ [3]). Желая доказать мысль о пользѣ и необходимости труда, проповѣдникъ сообщаетъ довольно интересную басню піиты Есопа. „Воспріяста нѣкогда подагра съ паукомъ путешествіе во страну чюждую; и внегда има прилучися въ селѣ нѣкоемъ обноще-вати: вниде подагра въ домъ нищихъ, паукъ паки въ палаты господскія. Она вселися въ нозѣ трудолюбивыхъ, и не може чрезъ всю нощь упокоенія пріяти, зане же бѣдніи обнощь труждающеся, мало на твердѣй постели почиваху. Сей же разви себѣ сѣти въ горницахъ свѣтлыхъ: но раби владыки дому тыя наблюдше, абіе раздрушаху, и тако не точію гладомъ паукъ истая лютѣ, но и едва смерти избѣже. Во утрій убо день въ путь предпріятый оба изшедша, другъ другу бѣду си извѣстиста, и узаконista себѣ, еже подагрѣ всегда въ домъ богатыхъ, и въ нозѣ плоти угодниковъ вселятися; пауку же въ домѣхъ нищихъ людей водворятися, яко сему у сихъ мирное обыче бывати пребываніе: овѣй же у овыхъ угодное жилище“. „Да ометаетъ убо всякъ человѣкъ“, замѣчаетъ на основаніи, по поводу басни проповѣдникъ, „домъ си душевный, да раздрушаетъ сѣти демонскія, кто не хощетъ его яко паука душегубнаго въ немъ имѣти, да трудится же кождо безпрестанно, не хотяй душевною болѣзновати подагрою“ [4]).

---

[1]) Обѣдъ, 165.
[2]) Ibid., 625.
[3]) Вечеря, 353.
[4]) Обѣдъ, л. 171.

Заимствуются, наконецъ, свѣдѣнія изъ области естественно-научной. Но такъ какъ они являются въ проповѣди почти всегда въ качествѣ сравненій, то о нихъ мы скажемъ ниже, когда будемъ говорить о сравненіяхъ Полоцкаго.

Другое свойство, обращающее на себя вниманіе при разсмотрѣніи внѣшней стороны проповѣдей Симеона Полоцкаго, есть символизмъ или склонность къ таинственнымъ толкованіямъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны слѣдующія проповѣди: второе слово на Рождество Богородицы, два слова на Воздвиженіе, похвальное слово митрополиту Петру и слово въ день Нерукотвореннаго Образа.

Въ первой изъ этихъ проповѣдей въ словахъ Соломона: „премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь“ проповѣдникъ находитъ духовное знаменованіе Пресвятой Дѣвы. По словамъ его, она поистиннѣ есть храмъ, въ которомъ жилъ нѣкоторое время Сынъ Божій. Онъ утвердилъ въ ней, яко седмь столпъ, седмь добродѣтелей, три богословскія: вѣру, надежду и любовь и четыре главныя (то-есть головныя, философскія): разумъ, истину, крѣпость и мѣрность. Или седмь даровъ Духа Пресвятаго“. Такое же знаменованіе видитъ и въ храмѣ Соломона. Между другими символическими чертами замѣчательна, наприм., слѣдующая: Соломонъ построилъ свой храмъ на горѣ Моріа: „есть же Пресвят. Дѣва Марія и гора Моріа: ибо яко на Моріи храмъ Соломоновъ созданъ бяше: тако во Маріи храмъ Бога Слова, еже есть плоть Его пребожественная, сооружися. Моріа тожде знаменуетъ, еже земля вышняя; что же есть выше Маріи“ [1])...

Въ словахъ на Воздвиженіе символизмъ сказывается въ отысканіи многихъ ветхозавѣтныхъ вещей, какъ прообразовъ Креста Господня. Прообразомъ креста было „бремя дровъ“, несенное на гору Исаакомъ. Какъ на этихъ дровахъ сожженъ былъ овенъ вмѣсто Исаака, такъ на крестѣ, который несъ на Голгоѳу Христосъ, страдала и умерла Его плоть, а Божество Его оставалось безстрастнымъ и безсмертнымъ. Крестъ прообразовала лѣствица, которую видѣлъ во снѣ патріархъ

---

[1]) Вечеря, 21.

Іаковъ, такъ какъ ради креста ангелы сходятъ на землю, а люди восходятъ на небо. Прообразами креста были: и жезлъ Іаковлевъ, „о немже прейде Іорданъ“, и жезлъ Моисея, раздѣлившій море и приведшій Израильтянъ изъ египетскаго рабства въ обѣтованную землю, и жезлъ Аарона, и древо жизни „посредѣ рая“, и ковчегъ Ноя, и дуга, явившаяся послѣ потопа на сводѣ неба, и то древо, на которомъ былъ воздвигнутъ въ пустыни мѣдный змій, и жезлъ Іисуса Навина, „еже внегда вознести и простреги ему противу граду гайску“, и „червленая вервь, еяже у окна увязаніемъ спасеся домъ Раавинъ отъ раззоренія и вси въ немъ бывшіи отъ смерти“, и золотой скипетръ Артаксеркса, „егоже прикосновеніемъ животъ Есфирѣ даровася“, и „ина безчисленная прообразованія“. Затѣмъ, мысль проповѣдника останавливается на самомъ крестѣ и форма его даетъ ему поводъ къ отысканію въ ней аллегорическаго смысла. „Нижняя часть знаменуетъ вѣру; высота надежду; широта любовь; долгота претерпѣніе: въ нихже наше состоитъ совершенство“. Образъ креста знаменуетъ „страстей Христовыхъ изводства“. „Древо вышнее“ обозначаетъ открытіе въ силу страданій Христа небесъ. Нижняя часть креста — раззореніе, истощеніе ада. „Прекоположенное древо“ (средняя часть), обращенное своими концами на востокъ и западъ, означаетъ, „яко весь міръ крестомъ искупится“ и т. д.

Въ похвальномъ словѣ митрополиту Петру находимъ даже крайнюю, странную символику. Такъ, напримѣръ, золотой свѣщникъ съ просвѣтильцемъ и семью свѣтильниками, видѣнный нѣкогда пророкомъ Захаріею, является прообразомъ митрополита Петра: „свѣщникъ златый весь знаменуетъ церковь, закономъ Божіимъ злата паче сіяющую. Просвѣтильце его знаменуетъ святаго отца нашего Петра, просвѣтителя града сего царствующаго и всея Россіи первопрестольника московскаго“. Къ нему же относится видѣніе агнца, между рогами котораго выросло великое древо [1]). „Воистинну бяше Петръ святый отъ дѣтства своего агнецъ... Два же рога имѣ сей агнецъ мысленный, еже есть житіе зрительное (т. е. духовно-созерцательное) и дѣйственное... Егда же жезлъ пастырскій держаше рукама си благочестно, и поливаше и водами слезъ

[1]) Захаріи, 4 гл.

очію своею и тогда самъ возрасте, яко древо веліе“... Вѣтви этого мысленнаго древа „бяху ушеса, въ нихъ же выну бѣ свѣтильникъ свѣтлый словесъ Божіихъ... Бяху и богоглаголивая уста... и божественныя перси... и руцѣ... вѣть бѣ того древа и чрево, еже имѣ свѣтильникъ въ себѣ поста святаго... бяху нозѣ... и вся прочія того древесе вѣтви“... Относится, затѣмъ, къ святому же Петру „очитый жезлъ“, видѣнный Іереміею и упоминаемый Захаріею камень, имѣвшій 7 очесъ. Останавливаясь подробно на второмъ знаменованіи, проповѣдникъ между прочимъ говоритъ: „седмь же очесъ“ (камня чудеснаго) обозначаютъ, „яко во вся дни седмицы (св. Петръ) бдяше неусыпно“.

Также, даже болѣе, символично слово на день Нерукотвореннаго Образа. Отвлеченность и темнота мысли, непонятность нѣкоторыхъ словъ и выраженій, несистематичное расположеніе содержанія — вотъ свойства этого слова, какъ результаты символизма. Въ немъ (подробная передача его содержанія была бы утомительна) проповѣдникъ трактуетъ о предвозвѣщенной въ ветхомъ завѣтѣ красотѣ лица Христова, красотѣ Его очесъ, носа, ноздрей, устъ, гортани и проч. и о знаменованіи этихъ частей въ Св. Писаніи. Для характеристики укажемъ на слѣдующія слова: „Духъ Святый усты царствующаго пророка красоту первообразнаго нашего Христа Господа общею похвалою велми превозноситъ, глаголяй... очеса жениха Христа похваляетъ церковь: очи Его яко голубинѣ... Носъ и ноздря въ божественномъ писаніи знаменуютъ разсужденіе, ибо якоже ноздрями распознаваемъ благовоніе отъ смрада: тако разсужденіемъ познаваемъ естество вещей, пользу же и вредъ ихъ. Самъ же носъ на лицѣ человѣчестемъ поставився высочайшъ, яко во увѣщаніе людемъ, да выше всякаго дѣянія имутъ разсужденіе. Овцы и волы и прочіи скоти и звѣри паству си носомъ познаютъ, паче же и пси обоняніемъ слѣда знаютъ преходящія звѣри. Мы ли убо не имамы разсуждати въ пищахъ и питіи, и во всякихъ вещехъ пользы и вреда; и не имамы ли мысленныхъ звѣрей разсмотряти, кто хищный, яко волкъ, хитръ, яко лисъ, лаятеленъ, яко песъ, нечистъ, яко свинія, ядовитъ, яко змій, гнѣвливъ, яко медвѣдь, злопамятливъ, яко камилъ... Гортани даешь похвалу сію: гортань Его (Христа) сладость... Чрезъ гортань же разу-

мѣется внутренняя ученія сладость, о ней же псаломникъ сице: коль сладка гортани моему словеса твоя, паче медъ устомъ моимъ"...

Почти такимъ же символизмомъ запечатлѣны три первыхъ слова: на 14, 18 и 25 недѣли по пятидесятницѣ.

Но указанными проповѣдями не ограничивается однакоже символизмъ поученій Полоцкаго [1]). Онъ замѣтенъ и въ другихъ мѣстахъ [2]). Правда, символика этихъ мѣстъ значительно слабѣе, тѣмъ не менѣе она кажется и здѣсь характеристическимъ штрихомъ.

Впрочемъ, символизмъ Полоцкаго далеко не занимаетъ того мѣста, не имѣетъ того первенствующаго значенія, какой отведенъ ему, напримѣръ, Славинецкимъ. Но за то крайняя, повсюдная въ проповѣди символика Епифанія переходитъ у Полоцкаго въ другую крайность — въ метафоризмъ и сравненіе.

То и другое, встрѣчаясь на каждомъ шагу, переполняетъ его проповѣди и заставляетъ назвать всю совокупность ихъ одною „проповѣдною метафорою" или „букетомъ метафоръ". Кажежся даже, что проповѣдникъ не могъ иначе и выражать свои мысли, какъ только въ формѣ метафорической, сравнительной.

Чтобы показать метафоризмъ стиля Полоцкаго, укажемъ примѣры. Въ словѣ на день Св. Духа онъ говоритъ: „тако намъ чрезъ море міра сего плывущимъ благопотребенъ есть вѣтръ Духа Пресвятаго". Онъ есть „огнь, терніе грѣховное попаляяй, хладъ беззаконій отгоняяй, сосуды душъ нашихъ отъ скверны чищаяй". Къ этому духовному огню проповѣдникъ обращается съ моленіемъ: „отсѣцы всякую отрасль неполезную, внутрь насъ прозябающую, отреби вѣтви сухія и сѣмя злобы искорени" [3]). Въ одномъ мѣстѣ даетъ наставленіе „изливать елей милосердія изъ чванцевъ сердецъ сирымъ" [4]).

---

[1]) Какъ думаетъ Пѣвницкій, Прав. Об. 1860 г., 3 т.

[2]) Въ Обѣдѣ, гдѣ сравнительно менѣе символизма: 196, 296, 327, 545, 642 648, 667; Вечеря — 67, 80, 110, 129, 149, 160, 176, 236, 243, 328, 340, 365, 377, 420, 450.

[3]) Обѣдъ, 93.

[4]) Ibid., 154.

Въ другомъ восклицаетъ: „о преблаженный то вождь (молитва), емуже послѣдствуетъ доброплодіе на нивахъ сердечныхъ: по немъ свѣтлое ведро въ совѣстѣхъ блистаетъ. Той-то есть дождь, его же малы капли пламень геенскій угашаютъ, цѣлымъ неугасимый океаномъ“ [1]). Въ словѣ на Воздвиженіе читаемъ: „сего древа (крестнаго) плодъ, онъ пресладкій гроздъ, отъ него же виномъ истиннымъ и жажду душъ нашихъ утоляемъ. Сего древа плодъ, оная пресладкая маслица, изъ нея же изгнетеся намъ елей милосердія Божія, имже вся пищи наша услаждаются и свѣтильницы наши попаляются“ [2]). Въ словѣ на день мученицы Евдокіи говоритъ о благодати, содѣйствующей спасенію: „нива сердца человѣческаго, аще окомъ Божія милосердія презрѣна будетъ, рукою пособія не поднимется, крестомъ яко раломъ не взорется и сокрушенія браною не умягчится, терніе беззаконій и кропиву грѣховъ рождаетъ“ [3]). „Терніе и волчецъ нива наша доселѣ рождаше“, говорится въ проповѣди на день праздника Тихвинской иконы Божіей Матери, „яко вся раломъ злобы взорана бяше и отъ лютыхъ звѣрей попирашеся: отъ льва ярости, отъ медвѣдя гнѣва, отъ осла лѣности, отъ рыся ненависти, отъ волка хищенія, отъ коня и мска нечистоты, отъ пса зависти, отъ велбуда злопамятанія, отъ лиса лукавствія, отъ свиніи скверножитія и отъ иныхъ тымъ подобныхъ. Ты (Б. Матерь) едина еси нива неоранная и неприкосновенная, возрастившая намъ класъ небесный, отъ негоже имамы хлѣбъ животный“ [4]). Въ одномъ мѣстѣ, сказавши, что „Моусей имать похвалу, яко моря Чермнаго пучина даде ему путь по днѣ своемъ“, прибавляетъ: „но вящая хвала Петрови, яко сама вода постла ему хребетъ свой подъ нозѣ“ [5]).

Кромѣ такого рода метафоръ на каждомъ шагу встрѣчаются подобныя выраженія: „мысленные очи“, „мысленный голубь“, „мысленная денница истиннѣйшаго солнца“, „мысленный рай“, „мысленный ковчегъ“ и т. п.

---

[1]) Обѣдъ, 195.
[2]) Вечеря, 41.
[3]) Ibid., 275.
[4]) Ibid., 358.
[5]) Ibid., 364.

Столь же часты сравненія. Они бо́льшею частію заимствуются изъ священной исторіи. Такъ, въ проповѣди на 6 недѣлю по сошествіи Св. Духа замѣчается, что грѣшники лежатъ „въ калѣ беззаконій“ и ложе ихъ „подобно ложу желѣзному Ога царя васанска, еже долготою бяше девяти лактей, широтою паки на четыре лакти. Первый же лакоть или степень есть, въ пищахъ избранныхъ. Второй — въ сладкихъ и присныхъ чашахъ, ибо чрево, виномъ кипящее, измѣняется въ блудъ. Третій есть въ оплазливомъ зрѣніи. Четвертый есть въ пѣснехъ блудныхъ. Пятый есть во араматахъ, возбуждающихъ чрево. Шестый есть въ дарѣхъ и подаяніихъ. Седмый — въ мягкихъ постеляхъ. Осмый — во временномъ о друзѣхъ веселіи. Девятый — во скверномъ женъ употребленіи. Имать же тѣхъ безстудниковъ ложе и четыре лакти широты. Первый есть скверное помышленіе. Вторый — соизволъ на дѣло. Третій — дѣло послѣдующее. Четвертый — долгое обыкновеніе. Оле злыхъ лактей злаго ложа! Оле жестоты не умягчаемыя“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ слезы молитвы сравниваются со всемірнымъ потопомъ: а) всемірный потопъ все потопилъ, кромѣ бывшихъ въ ковчегѣ: слезы потопляютъ плотское житіе; б) послѣ потопа настало ведро: послѣ слезъ совѣсть дѣлается чистою; в) потопъ былъ изъ превеликаго дождя и продолжался долго: „точнѣ слезы въ то время потопъ грѣхомъ дѣютъ, егда обильно изливаются (это — повтореніе первой точки сходства!), его же ради подобія лѣть есть слезы дождю уравняти, обаче съ разнствіемъ сицевымъ, яко дождь съ небесе ниспадаетъ на землю, слезы же отъ земли восходятъ на небо. Но и въ разнствіи семъ, съ подобіемъ дѣйства сицеваго: дождю пришедшу на землю, влаги и пары паки восходятъ къ небеси: дождю же пришедшу слезному, влаги благости Божія и пары Духа Святаго дароваиій съ небесе на землю сердецъ нашихъ нисходятъ“ [2]).

Сравненія берутся изъ области естественно-научной. Напримѣръ: „маѳематицы смиреніе письменемъ омикронъ или цифрою изобразуютъ, того ради, яко имже образомъ цифра въ числѣ сама собою ничтоже есть, ничтоже знаменуетъ, приложенная же письменамъ ариѳметическимъ, въ девять кратъ число пис-

---

[1]) Обѣдъ, 176 д.

[2]) Ibid., 191.

мене умножаетъ. Точно смиреніе само о себѣ яко ничтоже въ очесѣхъ человѣческихъ мнится быти, но внегда приложится ему ко онымъ писменемъ алфа и омега, еже есть, егда Христа ради пріемлемо бываетъ, умножаетъ въ себѣ множество боголюбезныхъ добродѣтелей, ими же душа христіанская неизреченно красится и тѣмъ во основы мѣсто подлагается“ [1]). Это оригинальное сравненіе невольно возбуждаетъ вопросъ: неужели современная Полоцкому математика занималась такого рода вопросами, какъ изображеніе смиренія въ цифрахъ?!

Уподобляя „многомятежный міръ“ присноволнующемуся морю, проповѣдникъ указываетъ двѣ точки сходства: первую находитъ въ томъ, что „море есть родительно облаковъ, тучъ и вѣтровъ“; вторую въ томъ, что „якоже имже обычаемъ море подражаетъ луну, по свѣдетельству Аристотелеву: тогда величайшее си пріемлюще умноженіе водъ, егда луна величайшую полность свѣта въ своемъ кругѣ стяжетъ и умаляющуся въ немъ свѣту, или оскудѣвающей лунѣ, воды въ морѣ умаляются и оскудѣваютъ. Подобнѣ міръ подражаетъ Имармену или счастіе, сему бо растущу и множащуся, растетъ и множится честь и слава человѣку. Томужде же оскудѣвающу, честь и слава оскудѣваетъ въ людехъ, якоже нѣкимъ не во лжу рѣчеся: счастію служащу, всякъ мя почитаетъ, тому же оставльшу, никто мя познаетъ“ [2]). Кромѣ этого, постоянно встрѣчающагося, сравненія міра съ моремъ и измѣняющейся луной и пустыней, такъ какъ въ немъ живутъ звѣроподобные люди, находимъ и такія сравненія: міръ подобенъ повапленной красотѣ, неплодному смѣху, лобзанію Іуды, сладкому яду, перелетной надеждѣ, истинной болѣзни, Скуллѣ и Харивдѣ [3]), пріятной смерти, явному потопу, пѣнію сиренъ, повапленному гробу, безводной пустынѣ, лабиринту заблужденія, мятежному Вавилону, мрачному Египту, пропасти лютой, юдоли плачевной, внутренней гееннѣ: „всяческая же въ немъ суетіе суетій, и вся суетіе“ [4]).

---

[1]) Обѣдъ, 155.

[2]) Ibid , 209.

[3]) Скилла — морской миѳологическій звѣрь о 6 собачьихъ головахъ, живущій въ Харивдисѣ,—„тѣсномъ морѣ“ и пожирающій корабли, словарь Берынды въ „Сказаніяхъ русскаго народа“, Сахарова.

[4]) Обѣдъ, 116.

Еще примѣры сравненій изъ области естественно-научной. „Пишетъ естествословецъ Плиній, яко выше луны вся суть чиста и приснаго свѣта полна. Преблагословенная Дѣва превзыде луну и въ самое солнце вселися“. — „Животное, пиѳикъ [1]) именуемое, смысломъ и обличіемъ нѣчто человѣкови подобное, обыче въ дѣлахъ человѣка подражати: еже бо видитъ человѣка творяща, то и самъ творити тщится. Что знающе ловцы, приходятъ подъ древеса или каменіе, на нихже пиѳицы гнѣздятся, и сѣдше на земли обуваютъ ноги си, и обвязуютъ я, или сѣтьми уплетаютъ: потомъ оплетше я, тамо оставляютъ, и сами отходятъ недалече. Тогда нисходитъ отъ гнѣзда пиѳикъ, и такоже обуваетъ ноги своя или сѣтми уплетаетъ. Въ то время скоро ловцы прибѣгаютъ и прежде, нежели отвити ему сѣти, уплетеннаго похищаютъ. Человѣкъ грѣшный имать къ Богу подобіе, яко пиѳикъ къ человѣку (не внѣшнее убо плотское, но внутреннее, духовное), ибо сотвори Богъ человѣка по образу и по подобію Своему. Убо долженствуетъ Богу подражатель быти, яко пиѳикъ человѣку“ [2]). — „Всяко яблоко, зерно, жито, древо имать червя своего, инъ червь яблока, инъ — груши, инъ — боба, инъ — пшеницы, но червь богатства — гордость“ [3]). І. Христосъ въ одной проповѣди сравнивается съ орломъ великимъ, излетѣвшимъ изъ „вравіева гнѣзда“, т. е. малаго городка Назарета [4]), въ другой — съ фениксомъ [5]), въ третьей — съ Инорогомъ [6]) и т. под. — Лицемѣръ сравнивается съ лисой, съ крокодиломъ, ибо этотъ послѣдній „проливаетъ слезы“, когда хочетъ съѣсть человѣка [7]). — Желая показать необходимость повиновенія заповѣдямъ Спасителя, проповѣдникъ указываетъ на журавлей, оленей и пчелъ, которые „всякаго принужденія кромѣ единому вождю повинуются“ [8]).

Приведемъ, наконецъ, нѣсколько сравненій, взятыхъ проповѣдникомъ изъ обыденной жизни. — „Всякъ животныхъ лови-

---

[1]) „Пиѳикъ — котя морскій, малпа, кочкоданъ, обезьяна“, слов. Берынды.
[2]) Обѣдъ, 240.
[3]) Ibid., 366.
[4]) Ibid., 572.
[5]) Ibid., 6 л.
[6]) Вечеря, 66.
[7]) Обѣдъ, 579.
[8]) Ibid., 598.

тель мрежи си обыче покрывати. Ловитель птицъ, поставивъ сѣти на ня, различнѣ тайны творитъ и сокрываетъ. Рыбарь удицу си червіемъ утаиваетъ. Ловцы волковъ хищныхъ, яму на ня ископавше, снѣгомъ насыпаютъ ю, и слѣдъ свой заметаютъ, да всячески не изслѣдится ковоположеніе. Подобнѣ и душъ человѣческихъ навѣтникъ діаволъ, хитрствова во Едемѣ: ибо не въ своемъ лицѣ предста Евѣ, бесѣдовати съ нею, но чуждымъ покрыся видомъ: употреби зміева зрака, да не познается ковъ его и злоба умышленная“ [1]).— „Яко на царскихъ пирѣхъ всякаго рода утѣшенія бываютъ, брашна различная и питія пресладкая, во сладость вкушенію; мусикіи и пѣнія доброгласная, слуху; сладкія вони, обонянію; устроенія брашенъ и украшенія палатъ, видѣнію; мягкое сидѣніе или возлеганіе, осязанію: тако въ царствіи небесномъ, на вѣчномъ ономъ пиршествѣ, всякаго рода сладости духовныя будутъ“ [2]).— Искатели тлѣнныхъ благъ сравниваются съ дѣтьми, которыя цѣлый день гоняютъ одного мотылька и, когда поймаютъ его, „не больше корысти пріемлютъ отъ него, точію его шарами [3]) руцѣ и лица си покаляютъ“ [4]).

Можно было бы привести и множество другихъ подобныхъ сравненій, украшающихъ рѣчь Полоцкаго; но ограничиваясь приведенными, приходимъ къ слѣдующей характеристикѣ этихъ сравненій. — Часто они очень остроумны; но иногда весьма искусственны. Эта искусственность сказывается въ отысканіи сходства между такими предметами и явленіями, которые трудно сравнимы или совсѣмъ не сравнимы. Таково, наприм.: сравненіе ложа царя васанскаго Ога съ мысленнымъ, выражаясь словами Полоцкаго, ложемъ грѣшниковъ или, просто, грѣхами. Такое сравненіе внѣшне, искусственно, схоластично! — Чтобы сохранить хотя внѣшнее сходство, однѣ и тѣ же черты иногда повторяются: мы отмѣтили одинъ случай подобнаго повторенія въ сравненіи слезъ съ потопомъ.— Наконецъ, иное сравненіе представляется излишне подробнымъ, т. е. безъ нужды перечисляются многіе пункты сходства. Сравненія, взятыя изъ естественно-научной области иной разъ представляются жал-

[1]) Обѣдъ, 227.
[2]) Ibid., 454.
[3]) Можетъ быть, игольчатою поверхностію мотылька.
[4]) Обѣдъ, 328.

кими продуктами средневѣковой суевѣрной мысли и упоминаютъ такія названія, какъ: птичище Ктинъ, струѳіонъ, многоногъ, нолиподъ, хамелеонъ, еродій и проч. Эту суевѣрность свѣдѣній, сообщаемыхъ въ качествѣ сравненій, сознавалъ самъ Полоцкій: приводя ихъ, онъ иногда оговаривался. Напримѣръ, разсказавъ, что орелъ, по „словеси нѣкихъ естествословцевъ", когда состарѣется и „за немощь препитатися не можетъ", поднимается выше облаковъ „и тамо горячестію горнею періе его возжигается: онъ же на воды оттуду падаетъ, въ нихже потомъ плавая обновляетъ юность свою: и паки силенъ, якоже бѣ прежде, бываетъ, — проповѣдникъ замѣчаетъ: „аще то истинно есть, азъ не словопрюся". Вѣрно или ложно свѣдѣніе, — это безразличный для Полоцкаго вопросъ; для него важенъ выводъ, который онъ извлекаетъ отсюда: „тоже, яко аще человѣкъ, состарѣвыйся во грѣсѣхъ, и не могій пищею питатися небесною за недостоинство, егда возлетитъ крылы ума си на гору небесную, отъ превѣчнаго солнца огнемъ благодати и милосердія воспалится, и оттуду падъ на воды слезъ истиннаго покаянія, воистинну обновится яко орелъ въ юности своей, и будетъ силенъ паки еже питатися пищею таинъ божественныхъ" [1]). — Такимъ образомъ, Полоцкій питалъ любознательность своихъ русскихъ современниковъ такими свѣдѣніями изъ „естествословцевъ", которыхъ нелѣпость, невѣрность сознавалъ; а между тѣмъ, на западѣ Европы въ его время (послѣ мистическаго мрака среднихъ вѣковъ) уже загорѣлась, подъ вліяніемъ геніальной мысли Бэкона, заря точнаго индуктивнаго естественно-научнаго знанія...

Указавши на болѣе характеристическія свойства стиля проповѣдей Полоцкаго, коснемся и нѣкоторыхъ частныхъ, менѣе выдающихся чертъ его.

Такъ, часто монотонный и спокойный ходъ поученія оживляется восклицаніями. Они являются то негодованіемъ противъ порока, то краткой похвалою добру, то изумленіемъ предъ какимъ-либо дѣйствіемъ божественной силы. Сказавши, что Саулъ по ненависти къ Давиду убилъ многихъ іереевъ, муж-

[1]) Обѣдъ, 182 л., на об.

чинъ, женщинъ, телятъ, ослятъ и овчатъ, проповѣдникъ восклицаетъ: „оле слѣпоты ума! оле тмы смысла!“[1]) Въ похвальномъ словѣ апостоламъ Петру и Павлу читаемъ: „внегда же къ нему (апост. Петру) приближися Господь съ водою и хотѣ нозѣ его умыти, недостойна себе быти непщеваше и глаголаше: не умыеши ногу моею во вѣки. Оле смиренія! оле низости!“[2]) Въ проповѣди на 4 недѣлю по Пасхѣ говоритъ: „онъ же (разслабленный) абіе взялъ есть одръ и хождаше. Оле чудесе! оле дивства!“[3])

Такія восклицанія иногда обращаются къ отвлеченнымъ и неодушевленнымъ предметамъ и становятся олицетвореніями. Въ похвальномъ словѣ Богородицѣ проповѣдникъ восклицаетъ: „о пречудное матерство“[4])! Въ проповѣди на день Рождества Христова: „блаженъ еси Египте, яко грядетъ къ тебѣ Христосъ, хотяй, яко солнце истины, тму прелести діавольскія отъ тебя прогнати и яко хлѣбъ животный хотяй тя насытити и оживотворити... Того хлѣба ты, о земле іудейская, лишающеся, гонительствомъ беззаконнаго Ирода и окаянна еси“...[5]).

Встрѣчаясь во всѣхъ проповѣдяхъ, восклицанія составляютъ специфическую особенность нѣкоторыхъ, напр. словъ на великіе праздники: эти послѣднія слова полны торжественнаго патетизма!

Восклицанія замѣняются иногда молитвенными воззваніями. Здѣсь мы имѣемъ въ виду не тѣ воззванія, которыми заканчивается всякая проповѣдь и о которыхъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ, а воззванія, встрѣчающіяся среди проповѣди. Они и тономъ и складомъ рѣчи напоминаютъ наши акаѳисты. Такъ, въ проповѣди на недѣлю крестопоклонную дается „цѣлованіе кресту сицевыми гласы“: „радуйся пречестный и животворящій Кресте Господень! Радуйся древо, посредѣ мысленнаго рая насажденное“... и т. д.[6]). Такого рода молитвенныя слова иногда влагаются въ уста упоминаемаго историческаго лица.

Наконецъ, Полоцкій любитъ развивать главную мысль чрезъ

---

[1]) Обѣдъ, 70.
[2]) Вечеря, 371.
[3]) Обѣдъ, 45.
[4]) Вечеря, 19.
[5]) Ibid., 173.
[6]) Обѣдъ, 599.

противоположеніе. Напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ читаемъ: „пришедшу убо во страну ту Богу во плоти сущу, срѣте Его демонъ безплотный, во плоть вселивыйся человѣческую. Срѣте тма свѣта, лукавый благаго, льстецъ истину; срѣте проклятый благословеннаго, убійца жизнодавца, мучитель избавителя, плѣнитель свободителя; срѣте нощь дня, скверна чистоту и волкъ пастыря“ [1]).

Къ характеристикѣ внѣшней стороны проповѣдей Симеона Полоцкаго остается прибавить два слова объ ихъ языкѣ. Этотъ языкъ — церковно-славянскій языкъ. Впрочемъ, по мѣстамъ, хотя очень рѣдко, встрѣчаются въ языкѣ полонизмы и барбаризмы. Въ цѣлой суммѣ проповѣдей мы отмѣтили слѣдующія непонятныя и вычурныя слова и выраженія: „въ чюждыхъ дѣлесѣхъ островиждствовати, въ своихъ кретствовати“ [2]), „утывать“ [3]), „устрабити“ [4]) (выздоровѣть), „гонзнуть“ [5]) (избѣгнуть, уйти), „годствуетъ“ (годится), „изтрошаютъ“ [6]) (изнуряютъ, издерживаютъ), „уневѣстися“ [7]), „самоосмой“ [8]) пророкованный“ [9]), „окрестіе“ [10]), „могутственникъ міра“ [11]), „опильство“ [12]), „вѣжество“ [13]), „опаство“ [14]), „скупство“ [15]), „восхлащеніе“ [16]) (обузданіе, воздерживаніе, возраженіе), „натрижненіе“ [17]) (побѣдная почесть, мзда, даръ и борьба. —

---

[1]) Обѣдъ, 385.
[2]) Ibid., 265.
[3]) Ibid., 468.
[4]) Ibid., 591.
[5]) Ibid., 179.
[6]) Вечеря, 47.
[7]) Ibid., 397.
[8]) Обѣдъ, 145.
[9]) Ibid., 571.
[10]) Ibid., 385.
[11]) Ibid., 405.
[12]) Ibid., 407.
[13]) Ibid., 260.
[14]) Ibid., 426.
[15]) Ibid.
[16]) Ibid., 679.
[17]) Вечеря, 6.

отъ тризнище — мѣсто поединковъ), „полма Христова, полма демоновы“ [1]) (наполовину), „Илія огнеколѣсничникъ“ [2]), „устрабленіе“ [3]) (выздоровленіе), „кинсоновоздаяніе“ [4]); изъ греческихъ словъ: „катаклизмъ“ [5]) (всемірный потопъ), „аллегорическій“ [6]), „діалектъ“ [7]), „фатасія“ [8]). Изъ латинскихъ словъ встрѣчается нерѣдко „аёръ“ (воздухъ). Затѣмъ, попадаются такіе обороты: „правила бо намъ подаетъ, да не вящщихъ, нежели нуждное употребленіе требуетъ, взыскуемъ“ [9]).

На основаніи разсмотрѣнныхъ нами внѣшнихъ свойствъ проповѣди Полоцкаго и вчастности характерныхъ особенностей его стиля, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Будучи поэтомъ въ своихъ мистеріяхъ и драмахъ, Полоцкій является таковымъ и въ проповѣдяхъ. Существенная черта ихъ изложенія — *изобразительность*, проявляющаяся въ историзмѣ, метафоризмѣ и сравненіяхъ. Представляя отвлеченную истину въ образѣ (исторически, метафорически, сравнительно), Полоцкій дѣйствовалъ на воображеніе необразованнаго слушателя и упрощалъ свою проповѣдь. А восклицанія и обращенія могли поддерживать вниманіе и интересъ, подавляемый схоластическими дѣленіями и подраздѣленіями.

Но при этомъ слово Полоцкаго страдаетъ: a) отсутствіемъ теплоты чувства, безъ которой проповѣдь часто оказывается бряцающимъ кимваломъ, т. е. сомнительно ея вліяніе на волю слушателя; b) длиннотою. Большая часть словъ занимаетъ въ сборникахъ по 12, 14, 16 и болѣе страницъ in folio. При такомъ объемѣ, да еще при схоластическомъ построеніи, проповѣди Полоцкаго дѣйствительно являются ученымъ тракта-

---

[1]) Вечеря, 47.
[2]) Ibid., 206.
[3]) Ibid., 375.
[4]) Ibid., 561.
[5]) Обѣдъ, 141.
[6]) Ibid., 417.
[7]) Вечеря, 370.
[8]) Ibid., 385. — Значеніе словъ мы заимствовали изъ словаря Берынды, лексикона Зизанія и Азбуковника, изданныхъ въ „Сказ. русск. народа“, Сахарова, т. 2-й.
[9]) Обѣдъ, 644 л.

томъ или разсужденіемъ. Вотъ почему, по мнѣнію автора „Статира“, они не были вразумительны простымъ людямъ [1]).

Въ заключеніе нашего изслѣдованія проповѣдей Симеона Полоцкаго легко опредѣлить, на основаніи сказаннаго, отношеніе ихъ къ южно-русскимъ проповѣдямъ.

Воспитанный въ духѣ схоластической науки, Полоцкій не могъ отрѣшиться отъ ея вліянія въ своихъ проповѣдническихъ трудахъ. Сравнивая его проповѣди съ проповѣдями Кирилла Транквилліона, Іоанникія Голятовскаго, Лазаря Барановича и другихъ, мы находимъ въ нихъ тѣ же особенности, какими характеризуется вообще проповѣдь южной Руси въ XVI и XVII вѣкахъ [2]). Одни изъ нихъ являются богословскими трактатами. Въ основѣ состава другихъ положены loci topici. Впрочемъ, здѣсь встрѣчается лишь одинъ видъ loci topici — раздробленіе одного, родоваго понятія на видовыя. Такъ, въ проповѣди на день происхожденія Креста Господня, сказавши, что вознесенный на крестъ Спаситель привлекъ къ Себѣ всѣхъ, проповѣдникъ развиваетъ это общее, родовое понятіе „всѣхъ“: „привлече Онъ Бога Отца къ Себѣ... Привлече Духа Святаго... привлече ангелы... человѣки... (тутъ слѣдуетъ опять разложеніе общаго понятія „человѣки“)... Матерь Свою... благоговѣйныя мѵроносицы... тысящи мучениковъ... грѣшники... привлече небо... привлече землю... привлече вземленныя... привлече адъ преисподній... вся убо привлече къ Себѣ Христосъ Господь, егда вознеся отъ земли на древо крестное“ [3]). Иной разъ въ проповѣди рѣшаются схоластическіе вопросы, въ родѣ показаннаго нами: зачѣмъ Христосъ удержалъ Свои раны [4]), или слѣдующіе: „чесо ради древле не почиташе ангелъ человѣка, но человѣкъ ангела“ [5]), зачѣмъ Христосъ (въ притчѣ о Фарисеѣ и Мытарѣ) „безыменна два человѣка поминаетъ“ [6]). Встрѣчаются, наконецъ, аллегорическія, символическія проповѣди. — Далѣе. Подобно своимъ предшественникамъ-учителямъ,

---

[1]) Духовн. Бесѣда, 1858 г., №№ 40, 44.

[2]) Руководство для пастырей, 1869 г., №№ 21, 31, 34, 35, 36.

[3]) Вечеря, 418; или: Обѣдъ, 2 слово на Пасху.

[4]) 1 слово о Ѳомѣ, въ Обѣдѣ.

[5]) Вечеря, 299.

[6]) Обѣдъ, 520.

Полоцкій пользовался гражданской исторіей, исторіей философіи, поэзіи и естественно-научными знаніями.

Но и при такомъ отраженіи юго-западнаго схоластицизма въ проповѣдяхъ Полоцкаго, въ нихъ нельзя не замѣтить нѣкотораго шага впередъ. Прежде всего, гомилетическій схоластицизмъ является въ нихъ нѣсколько смягченнымъ. Тогда какъ его предшественники, напримѣръ, буквально наполняли свои проповѣди разсказами о рыбахъ, птицахъ, камняхъ и т. под., въ его проповѣдяхъ подобному матеріалу отведено очень незначительное мѣсто. Самъ онъ, какъ мы видѣли, говорилъ о своихъ проповѣдяхъ, что они „нѣсть яко иностранными зеліи хитростми вѣтійскими“ украшены, потому что „удобѣе есть простое слово разумѣваемо въ писаніи, неже красотами художественными покровенное“. Такая характеристика (и внутренней и внѣшней стороны слова), очевидно, обнаруживаетъ критически-отрицательный взглядъ на установившееся обыкновеніе украшать проповѣдное слово „иностранными зеліями“ и желаніе оправдать отступленіе отъ этого обыкновенія указаніемъ на простоту поученія церковнаго, какъ существеннѣйшій элементъ его.

Далѣе. Между тѣмъ какъ его учители витали въ области отвлеченныхъ, схоластическо-богословскихъ созерцаній, въ его проповѣдномъ словѣ преобладаетъ нравственно-практическое направленіе, а, благодаря вліянію московской среды, въ его проповѣдь привзошолъ (хотя въ весьма незначительной мѣрѣ) и элементъ современности.

